ДАГЕСТАН

№ 3 (18)

Загир Сабирович Арухов,

министр по национальной политике, информации и внешним связям РД, увы, теперь уже бывший. Погиб 20 мая 2005 года. Прекрасный человек, компетентный работник, высокий профессионал. Нет слов, чтобы выразить горечь утраты.

«Тайны кайтагской вышивки»
(стр. 28)

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (18)

ДАГЕСТАН

май/июнь 2005

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛИ: Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД, Союз писателей РД

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Загир АРУХОВ,
министр по национальной политике, информации и внешним связям РД

Магомед АХМЕДОВ,
председатель Правления Союза писателей РД
Людмила АВШАЛУМОВА,
член Госсовета РД, первый проректор ДГУ
Булач ГАДЖИЕВ,
народный учитель СССР
Казбек СУЛТАНОВ,
доктор филологических наук
Марина АХМЕДОВА,
поэт, переводчик
Камиль ХАНМУРЗАЕВ,
доктор филологических наук
Космина ИСРАПИЛОВА,
поэт, прозаик
Арбен КАРДАШ,
поэт
Шапи КАЗИЕВ,
писатель

РЕДАКЦИЯ:

Далгат АХМЕДХАНОВ, главный редактор
Мурад АХМЕДОВ
Гаджикурбан РАСУЛОВ
Джамал РАБАДАНОВ
Ольга МАТАЕВА
Хуризадай МАГОМЕДОМАРОВА
Байгиши БАЙГИШИЕВ
Хаджимурад ЗУРГАЛОВ

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.

Редакция вступает в переписку по своему усмотрению.

При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

Адрес редакции:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны: **67-02-03** (главный редактор),
67-02-08 (зам. гл. редактора, отделы публицистики, культуры и литературы).
E-mail: dagjur@iwt.ru, dagjur@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

ОБЩЕСТВО
Шапи ГАСАНОВ — **политика**
Как обратить подданных в граждан 2
Абдул-Насир ДИБИРОВ — **политика**
Я люблю... Я ненавижу 5
Далгат АХМЕДХАНОВ — **связь поколений**
Что нам стоит – дом построить! Если только не лгать 8
Марьям ХАЛИМБЕКОВА — **проблема**
Дом, где живут старики 12
Казбек СУЛТАНОВ — **глазами дагестанца**
По ту сторону мифа 16
Шамиль ОМАРОВ — **здоровье**
БАДы: реклама и реальность 25
Салихат ГАМЗАТОВА — **искусство**
Тайны кайтагской вышивки 28
Гаджи АБДУРАХМАНОВ — **искусство**
Заповедник народных промыслов 30

ЛИТЕРАТУРА
Зияв БАММАТОВ — **сценарий**
Солдат победы 34
Шамиль МУСТАФАЕВ — **стихи**
Вечный спор 38
З. ДАДАЕВА — **дневник**
Легенды о людях 39
ХАБИЗАТ — **рассказ**
Хищники 40
Наира АЛИЕВА — **очерки быта**
Сохрани свое лицо 41
Булач ГАДЖИЕВ — **из книги. которой пока нет**
Генерал Мищенко – почетный гражданин 43
Вита КАЗАКОВА — **сатира и юмор**
Кувалда 50
В. ИЛЬЯСОВА — **портрет**
Жизнь поэта 52
Вадим КЕРАМОВ — **творческая лаборатория**
О трех стилистиках 55
Муслим Магомедов — **критика**
Поэт и гражданин... Пироги и сапоги 58
Кроссворд от Гаджикурбана Расулова 60

Банковские реквизиты:
Р/с 40603810602800140487 в Махачкалинском филиале МАКБ «Возрождение» г. Махачкала,
К/с 30101810500000000882,
БИК: 048209882, ИНН: 0562053040
КПП 056201001
ГУ Редакция журнала «Дагестан»

Журнал зарегистрирован 23 июля 2002 года Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № 10-4793.

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в Республиканской государственной газетно-журнальной типографии.

Адрес типографии: г. Махачкала, пр. Насрутдинова, 61.

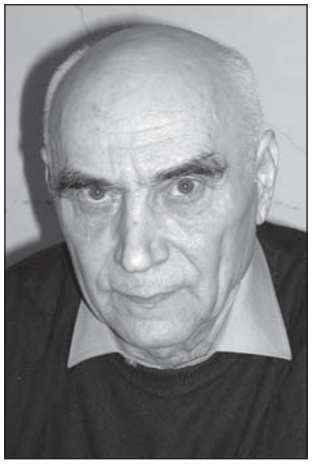
Усл. п. л. – 7,5.
Тираж – 1000 экз.
Номер заказа –

Подписной индекс – 78434.

Цена номера в киосках «Роспечати» – 20 руб., у общественных распространителей – свободная.

ОБЩЕСТВО

ПОЛИТИКА



КАК ОБРАТИТЬ ПОДДАННЫХ В ГРАЖДАН

Шапи ГАСАНОВ,
профессор ДГУ

В последнее время дебаты о сути и эффективности проводимых в стране реформ все чаще сводятся к необходимости создания в стране гражданского общества. И верно! Кто бы стал спорить!

Однако эта мысль высказывается так, будто надо, наконец, засучить рукава и приступить к самому главному, не отвлекаясь на менее важные задачи. Проблема, однако, в том, что их, менее важных задач, не существует. Ведь достижение гражданского общества — конечная цель абсолютно всех реформ, его построение только тогда и осуществляется, когда будут решены все локальные проблемы в политической, экономической, общественной жизни страны. Образно говоря, гражданское общество — это прекрасный букет, собранный из цветов, каждый из которых представляет собой достижение конкретной цели в реформировании всех сфер нашей жизни.

Как долго придется такой букет собирать? Не берусь судить, но, думаю, жизнь трех–четырех поколений на это понадобится. Что вовсе не означает, что можно сидеть сложа руки – никто за нас ничего делать не станет. Нынешние поколения — первые среди тех трех–четырех. Поэтому, зная ответ на один из вечных вопросов «кто виноват?», пора нам найти ответ и на второй — «что делать?».

Чтобы найти его, следует четко понимать, чем вообще характеризуется гражданское общество, знать, из чего должно быть сложено здание, которое мы собираемся строить, из каких цветов состоит тот самый прекрасный букет.

Прежде всего гражданское общество характеризуется реализацией естественных прав личности, предусмотренных «Всеобщей декларацией прав человека», которая была принята ООН в 1948 году. Права эти обеспечиваются развитой системой структур самоорганизации граждан, которые способны с их помощью осуществлять эффективный контроль над властью, оказывать на нее давление с целью обновления и улучшения качества проводимых ею реформ, достижения роста благосостояния населения, повышения качества жизни людей. Эти структуры должны быть способны ограничивать власть чиновничества, заставляя ее переходить от разрешительного к заявительному, уведомительному порядку регистрации трудовых и иных законных инициатив граждан.

Что мы имеем сейчас? Провозглашенные в конституциях РФ и РД права и свободы человека и гражданина соответствуют стандартам гражданского общества. Однако между прекрасными декларациями и реальной жизнью лежит пропасть, созданная проблемами, на решение которых потребуются те самые многие десятилетия. В Дагестане ситуация усугубляется тем, что семейно-клановые и национально-земляческие связи и отношения главенствуют над Законом. Поэтому к гражданскому обществу, очевидно, мы среди всех субъектов РФ перейдем в числе самых последних.

В завязавшейся политической дискуссии проблема построения в Дагестане гражданского общества и правового государства обросла множеством мифов, опирающихся на обывательские или книжные представления.

Словосочетание «построение гражданского общества» предполагает реализацию сверху заданной модели общественного устройства. Такой подход («сверху», предполагающий результат через конкретный промежуток времени) работает при конструировании пароходов, ракет и т. п., когда все элементы функционируют согласованно и бесконфликтно. Одну заданную модель общественного устройства мы уже реализовали. Убедились, что опыт оказался неудачным и нужно вернуться

на демократический путь, опирающийся на либеральную экономику и естественное право. Следовательно, в своих концептуальных установках необходимо ориентироваться не на реализацию умозрительной модели общественного устройства, а на постоянное формирование структур гражданского общества, его правового обеспечения, ограничивая одни индивидуально-корпоративные интересы и поощряя другие. И иметь при этом в виду, что гражданское общество предполагает определенный уровень развития демократии, которую нам еще предстоит сформировать. На этом пути, как мы уже убедились, есть множество опасностей. За истекшие 10 лет мы сваливались то в охлократию (первый срок президентства Ельцина), то в олигархию (второе президентство Ельцина).

Для предотвращения подобных рецидивов провозглашен лозунг о «диктатуре Закона», верховенстве Закона. Но и здесь не все так просто. Демократично принятый закон может быть и антигуманным, и антинародным, и даже фашистским. Вспомним Германию, где Гитлер пришел к власти демократическим путем. Поэтому следует ориентироваться не на верховенство писаных законов (они зависят от того, кто и как их напишет), а на абсолютное верховенство естественного права, стержнем которого являются нравственные идеалы и права от рождения.

Во множестве публикаций в качестве желанного для нас идеала общественного устройства приводится Швеция или «шведская модель социализма». О моделях я уже говорил выше (наша советская модель, или модель Пол–Пота в Камбодже, или модель Северной Кореи). Что же касается возможностей реализации «шведской модели», то сошлюсь на такой пример. Шведское правительство по числу министерств и чиновников в них в полтора–два раза меньше дагестанского правительства, оно имеет в своем распоряжении три персональных автомобиля и пять машин по вызову. Какова в этом отношении ситуация в Дагестане, могу лишь предполагать, но известно, что чуть ли не каждый руководитель субъекта РФ имеет в своем распоряжении персональный самолет. Следует добавить, что господствующая в Швеции протестантская нравственность, трудовая мораль шведов подобного роскошества за счет налогоплательщиков не допускает в принципе. Не допускает этого и всякая иная мораль, если она существует в обществе на деле, а не на словах.

Для объективной оценки сложности предстоящих проблем и выработки оптимального пути продвижения к гражданскому обществу, правовому государству необходимо, прежде всего, определить место, занимаемое Дагестаном на пути к преследуемой цели, и не искать, как это у нас водится, своего особого пути развития, а воспользоваться опытом стран, наиболее продвинутых в этом направлении. К их числу принято относить 24 страны, входящие в Организацию Экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) — страны Западной Европы, США и Канада, Австралия и Новая Зеландия, Сингапур и Япония. Несмотря на очевидные различия между ними, всем этим странам присущи общие признаки устройства жизни граждан, позволяющие относить их к правовым государствам с гражданским обществом. Эти признаки можно свести в четыре группы основ и институтов функционирования стабильной и либеральной демократии.

1. Политическую основу гражданского общества составляют органы местного самоуправления, т. е. первичные органы самоорганизации граждан, реализующих принципы прямой демократии. Это сельские и поселковые администрации и объединения граждан, а в городах — домовые, квартальные и районные кондоминиумы и их объединения (товарищества собственников жилья, садово-огородные и дачные кооперативы и т. п.). Граждане сами назначают исполнительные органы, которые занимаются решением локальных задач по обустройству быта и жизни людей за счет доли подоходного налога и ренты, отчисляемой в бюджет местного самоуправления. Этим самым все граждане республики будут самоорганизованы по месту работы и жительства, напрямую реализуя свои гражданские права. Местное самоуправление заканчивается там, где возникают представительные органы власти (депутатские собрания) и назначаемые ими администрации. Райгорадминистрации, отнесенные по закону к местному самоуправлению, фактически не являются таковыми хотя бы потому, что все они финансируются напрямую (или через республиканский бюджет) из Федерального бюджета (трансферты), и граждане индифферентно относятся к тому, как эти средства расходуются (не они их субсидировали на конкретные цели). В Дагестане из всего этого лишь что-то существует, и то — формально. Фактически же, реально, можно сказать, не существует.

2. Экономическую основу гражданского общества составляет соответствующая структура основных источников дохода граждан. Аксиомой является принцип, согласно которому более двух третей (около 70 %) граждан имеют независимый от власти источник дохода (нормального для данной страны), обладают наследуемой собственностью. Речь, следовательно, идет об обществе экономически свободных граждан, находящихся между собой в имущественных отношениях и в демократичном правовом пространстве. Структурной основой экономики гражданского общества является малое и среднее предпринимательство, в которое вовлечено более половины населения страны. В обществе собственников подрываются экономические и политические основы мздоимства, казнокрадства, коррупции. Вот почему наше чиновничество отчаянно сопротивляется становлению мелкого и среднего предпринимательства, местного самоуправления, реструктуризации промышленности и сельского хозяйства, принятию законов о земле, использованию других природных ресурсов. Ситуация в нашей республике в этом плане общеизвестна, и я не буду на эту тему распространяться.

3. Социальным носителем атрибутов гражданского общества, гарантом его социально-политической стабильности является средний класс, который отсутствует в Дагестане как факт и организованная сила. Во власт-

ных структурах, да и в общественном сознании, к этому слою людей прочно утвердилось резко отрицательное отношение в категориях «лавочники», «кулаки», «мироеды» и прочее. Внедрение в сознание людей соответствующей идеологии, воспитание населения в этом духе с детства в течение многих десятилетий сделали свое дело. Между тем еще Аристотелю (в IV веке до нашей эры) было известно, что опорой демократии и стабильности общества может служить лишь мощный средний класс, который достаточно образован и обеспечен, чтобы не поддаться социальной демагогии. В то же время он не оторван от интересов и чаяний народа, что не позволяет ему превратиться в коррумпированную бюрократию.

Гражданское общество характеризуется также наличием множества общественных объединений и организаций — партий, союзов, движений и т. п. Политические партии являются носителями определенных идеологий, их цель — борьба за власть для реализации партийных программ. В правовом государстве конкурируют обычно две партийные идеологии — консервативная и либеральная, которые, попеременно приходя к власти, взаимно компенсируют упущения соперников в социально-экономической и духовной сферах. Многочисленные профессиональные союзы защищают права людей наемного труда перед работодателями на конкретных предприятиях. В Дагестане по-настоящему независимые профсоюзы так и не сложились, а ФНРП (наследник ВЦСПС) больше занят политикой и коммерцией, но не прямыми своими обязанностями. Для гражданского общества характерно также большое количество общественных движений и групп, охватывающих своей деятельностью весь диапазон гуманитарных и этнокультурных проблем не только своей страны, но и зарубежья. Подобных движений в Дагестане не существует, а действовавшие до недавнего времени мононациональные движения были антигражданскими, поскольку они вели к этническому обособлению с неизбежной ксенофобией. Национальные движения и настроения граждан активно используются клерикальными силами, что неизбежно ведет в средневековое мракобесие. И если не будет строго и по закону соблюдаться принцип отделения церкви от государства, что пока у нас происходит плохо, произойдет глубокий регресс, откат на пути построения правового государства и гражданского общества.

4. Рассмотрение перечня стран, отнесенных к гражданским (ОЭСР), наводит на определенные размышления относительно наличия у нас мировоззренческих и этнокультурных слагаемых построения гражданского общества. Абсолютное большинство этих стран относится к протестантскому миру, несколько стран — к католическому, две страны (Япония, Сингапур) — к восточной религиозно-культурной традиции, и нет в их числе ни одной страны, относящейся к исламскому миру. Проблема эта нуждается в серьезном профессиональном анализе, учитывая положение Дагестана на границе двух мировых культур, где по теории С. Хантингтона ожидаются крупнейшие столкновения цивилизаций в борьбе за ресурсы жизни.

Анализируя мировоззренческий аспект проблемы, хочу обратить внимание на особенности протестантской этики: высокий уровень индивидуализма, гражданская активность свободной личности, отсутствие церковной иерархии, наивысшие оценки «индекса честности» и «индекса правопорядка». Подобный менталитет граждан формировался веками, начиная со времен Реформации и Просвещения (16-й век). В странах с иной общественной и бытовой моралью дефицит индекса честности может быть компенсирован прочностью и эффективностью институтов государственной власти, прежде всего — власти судебной. А это означает, что гражданин защиту своих прав должен находить в независимом и справедливом суде, а не в благосклонности чиновника.

Построение гражданского общества в нашей республике не может быть провозглашено, повторюсь, в предсказуемые сроки. Оно произойдет в ощущениях свободы, собственного достоинства, соблюдения чести, защищенности и самодостаточности личности, в наличии инструментов реального контроля граждан за действиями власти, государственной бюрократии, когда записанные в Конституции РД гордые слова о том, что «человек, его права и свободы являются целью» станут реальностью, а не пустой декларацией.

Очевидны и внешние проявления нашего движения к желаемому результату. Они заключаются в следующем.

Полное «вычищение» Конституции и других Законов РД от всех элементов национальных квот в представительные и исполнительные органы власти всех уровней.

Приоритет профессионализма, добропорядочности и совестливости кандидатов в выборные органы власти перед семейно-клановым и финансово-административным ресурсами.

Крайне ограниченный правовой диапазон для возможности радикальных перемен с приходом к власти новых людей и политических сил, стабильность, устойчивый рост качества жизни граждан.

Подлинно свободная судебная власть, в которой эффективно реализуются нормы законов, тем самым снимается надуманная проблема дефицита механизмов в их исполнении.

Только в этом случае не будут обмануты ожидания граждан на лучшую жизнь в связи с очередными выборами, да и страстей вокруг них будет поменьше, поскольку люди больше будут рассчитывать на свои способности и силу Закона, чем на доброго и умного дядю.

Анализ ситуации показывает, как далеки мы от преследуемой цели в деле построения гражданского общества. Очевидно, что все субъекты РФ придут к гражданскому обществу разновременно, а Дагестан в этом ряду будет, как уже сказано, скорее всего, в числе последних. Судить так позволяет, помимо множества прочих обстоятельств, то, что у нас для власти нужны подданные, а не граждане. Однако всплеск интереса к заявленной проблеме, инициированный властью (лучше бы, конечно, это происходило не сверху, а снизу), позволяет выразить надежду, что, может, в этот раз мы перестанем заниматься демагогией и займемся реальной работой.

Абдул-Насир Дибиров:

Я ЛЮБЛЮ... Я НЕНАВИЖУ...

Абдул-Насир Дибиров – ректор созданного им Дагестанского института экономики и политики, доктор политических наук, профессор Даггосуниверситета и в то же время генеральный директор крупной аудиторской компании «Центр стратегических исследований, анализа и аудита». Мнение столь компетентного специалиста о проблемах, волнующих сегодня наше общество, представляет несомненный интерес.

– В какой из своих должностей вы ощущаете себя более комфортно?

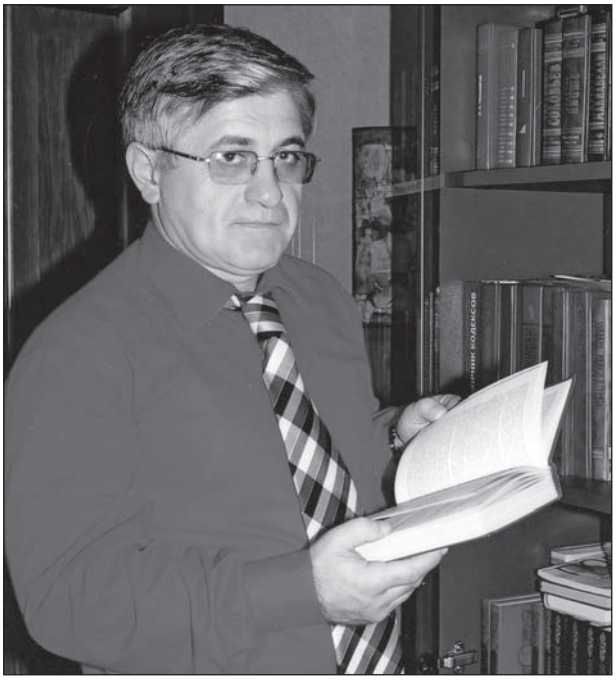
– И в той, и в другой. Мне нравится заниматься образовательной деятельностью. Я всю жизнь ею занимался. В ДГУ у меня есть свои дипломники и аспиранты. В институте же я, скорее, организатор вуза, чем преподаватель. Что касается аудиторской компании, то эта работа привлекательна тем, что позволяет встречаться со многими интересными людьми. К тому же аудит дает возможность не отставать от процессов, происходящих в экономике страны. Надо быть на их острие, иначе конкурентоспособность компании упадет. Многих удивляет, что политолог и философ является руководителем аудиторской компании. На это я всегда отвечаю: философ владеет методом, что более ценно, чем конкретные знания в той или иной сфере деятельности.

– Диплом с отличием философского факультета МГУ способствует успехам в условиях рыночной экономики?

– Безусловно. Я убежден, что человек, который не может философски осмысливать окружающую действительность, не может создать ничего достойного в любой сфере. Все великие ученые, политики, поэты, писатели, даже военные деятели были одновременно и оригинальными философами. Небрежение к философской, вообще – к гуманитарной составляющей образования, которое часто наблюдается в современной студенческой среде, оборачивается потом неспособностью к решению масштабных задач, поиску своего места в жизни.

– Многие считают Указ Президента РФ от 13 сентября 2004 года и Закон, принятый Госдумой в реализацию этого Указа, откатом от демократии? Так ли это?

– Это было бы так, если считать, что мы живем в обществе с развитой демократией. Реальная же ситуация совсем другая. Мы просто слишком резво начали в свое время, это прожектерство, которым те «многие», о которых вы говорите, грешат сегодня. Помните, как все начиналось: уберите КПСС, и сразу возникнет демократия. Или дайте Явлинскому 500 дней власти, и наступит экономическое изобилие. В результате получили вакханалию. Мы не вырастили демократическое общество, а нахлобучили формальную демократию на голову уставшего от тоталитарной беспросветности народа. Наш народ действительно



способен на чудеса, но в данном случае вера в чудо сыграла злую шутку. История не знает успешной демократии, возникшей вдруг. Мне могут вспомнить Японию. Там демократия была навязана извне американцами и пришла на смену абсолютной монархии и военно-авторитарному режиму. Это так. Но сколько партий сменилось у власти за всю послевоенную историю этой страны? Нисколько. Уже более сорока лет у власти в Японии бессменно находится либерально–демократическая партия, она построила демократию. Оппозиция всегда безответственна, власть же должна быть ответственной. У нас, в России, оппозиция во все времена требовала больше парламентаризма, больше выборности, чтобы у парламента власти было больше, а у правительства – меньше. Но любая оппозиция, придя к власти, старалась все сделать с точностью до наоборот.

Хочу добавить, что исторически в России развитого парламентаризма никогда не было. Его сторонники любят вспоминать про вече, Земский собор и прочее, путая парламентаризм с соборностью. Ослабленная власть

либо разрушала государство, либо призывала диктатора. Развал государства в Смутное время в 1598–1613 годах, в 1917 и 1991 годах имел один и тот же сценарий. Дискредитация элиты, отсутствие лидеров, стихийные движения, суверенизация отдельных территорий – так было во всех трех случаях. И во всех трех случаях были попытки демократического переустройства – избрание Годунова на царство, частые созывы Земских соборов и семибоярщина в первом случае, Учредительное собрание и Советы во втором, Съезд народных депутатов и новая избирательная система в третьем. Но всякий раз, когда парламентаризм выходил на передний план, он порождал диктатуру. Например, в 1917 году результатом краткого периода парламентаризма был корниловский мятеж, а потом пришли большевики. Второй период парламентаризма – 1993 год: если бы Верховный Совет во главе с Хасбулатовым и Руцким, бывший в оппозиции к Ельцину, одержал победу, то тогда однозначно возникла бы диктатура того же Руцкого, того же Хасбулатова, потому что таково было их мировоззрение, с которым они публично выступали в те годы. В России всегда была сильна исполнительная власть: будь то власть президента, власть генерального секретаря, власть монарха. «Земля без царя – вдова», – писал еще в XII веке русский летописец. Сильная президентская власть, которую сегодня выстраивает Путин, абсолютно, на мой взгляд, укладывается в логику истории России. И российский народ примет такую президентскую власть. И он же ее отвергнет, если эта власть не будет служить постепенному строительству истинной демократии.

– В Китае официально было заявлено, что «необходимо твердо противостоять влиянию многопартийной системы Запада», и при этом Китай за последние годы достиг небывалого экономического роста. Как вы это прокомментируете?

– Это был выпад против западной политической идеологии и политической системы. Я сторонник демократии, поэтому никак не могу стоять на такой позиции. И для меня не аргумент то, что Китай динамично развивающаяся страна. Динамично развивался в свое время и фашистский рейх, динамично развивался и сталинский Советский Союз, и Чили при Пиночете совершило экономическое чудо. Но после экономического чуда чилийцы все равно вернулись к трем ветвям власти. Как и немцы – в Германии, как и мы – в России. И надо отметить, что Китай при всех темпах развития – бедная сегодня страна. Есть индустриальный юго-восток и почти средневековый Тибет, и неразвитый северо-запад. Сказать, что сегодня политическая система Китая эффективна, я не могу. Она эффективна пока, поскольку страна бедная, по доходам на душу населения одна из самых бедных стран в мире, хотя и ракету в космос запустила, и космонавта туда отправила. Пока она бедная, политическая система страны эффективна, поскольку она сегодня отмобилизована для преодоления нищеты, для чего нужна не демократия, а объединение сил. Индия – страна с самой большой демократией в мире и одна из самых бедных. Демократия – не лучший инструмент для преодоления бедности. Китай тоже придет к демократии. Китай не обезопасил себя от катастрофы, которая была в свое время в Советском Союзе, она реальна для Китая.

Россия более богатая страна. В мировом пространстве наша страна со средним уровнем экономического развития. Реализовать демократию, которая есть сегодня на Западе, мы сейчас не можем в силу масштабов страны. Жесткая вертикаль власти, о которой говорит президент, нужна для сохранения целостности этих огромных пространств. Есть экономическая тяга Дальнего Востока к тому же Китаю, к той же Японии, есть тяга Северного Кавказа к Турции, к Ирану, к Ближнему Востоку, есть тяга Карелии, Мурманской области, Ленинградской области, Санкт–Петербурга к Скандинавии, Калининградская область – вообще анклав. Огромные территории требуют механизмов стягивания страны, поэтому исполнительная власть должна быть сильной. Но сильная исполнительная власть не исключает, что должен быть независимый суд, должен быть парламент, должны соблюдаться права человека. Авторитаризм не беда, если он способствует развитию внутренней свободы. Цель человеческой жизни вовсе не в том, чтобы заниматься политикой, а в том, чтобы развивать культуру. Политика для этого инструмент. Причем политика – дело компетентного меньшинства, а не большинства.

– А какая политика приемлема для Дагестана?

– Это из области вечных проблем, многолетнего спора консерваторов и либералов. Консерватизм исходит из первичности общественного, либерализм – индивидуального. Община, коллектив – для нас не просто слова, а во многом образ жизни. За пятнадцать лет либерализации из нас это невозможно вытравить. Да и нужно ли? Подвиги Сусанина, Матросова, панфиловцев так же, как и космический взлет, невозможны в обществе, где царит крайний индивидуализм. Другое дело, что общественное благо во многом складывается из блага каждого. Президент Путин сказал, что главное в национальной идее России – рост ее конкурентоспособности в мире. Национальная идея не должна требовать новых жертв от народа. Она должна лишь ориентировать на упорный труд, вознаграждение за который переносится не в призрачное будущее, а реализуется сегодня. Сегодня как никогда актуальны слова Чаадаева, который писал, что нужно постигнуть нынешний характер страны, каким его сделала сама природа вещей, и извлечь из него всю возможную пользу. Национальная идея Дагестана должна быть вплетена в общероссийскую. Это одна из важнейших задач, которая стоит сегодня перед республикой.

– Что вы думаете о глобализации и позиции антиглобалистов?

– В современном мире сегодня есть пять регионально–временных цивилизаций: западно-христианская, православно-христианская, исламская, индуистская и синтоистско-буддистская. Некие общечеловеческие ценности присущи всем цивилизациям. Вместе с тем существуют очень существенные различия в культуре, политических, экономических и социальных ценностях. Ключевое различие между Западом и Востоком сводится к отношению к личности. Западная либеральная идеология исходит из приоритета личности, его прав, его свобод, на Востоке же первичны интересы общины, коллектива. Япония и Индия смогли соединить в особой форме демократии свои традиционные ценности с ценностями либеральными. Особый вопрос – исламский мир. Сочетаемы ли вообще ислам и демократия, законы шариата и демократические ценности? Сегодня мы наблюдаем здесь несколько разнонаправленных тенденций. Первая – это исламский фундаментализм, воинствующий ислам, который стремится навязать свою веру всему человечеству, не гнушаясь при

этом никакими средствами. Таким был режим талибов в Афганистане. Сегодня его основное оружие – терроризм. Опасность его в том, что для него не существует понятия неприемлемого ущерба, чего цивилизованное человечество не может допустить. Америке не нужен результат путем уничтожения половины собственного населения, Европа не желает взрыва ядерного реактора в центре континента. Вторая тенденция – стремление к созданию некоего образца шариатской демократии. Яркие примеры – современный Иран, Пакистан. Третья тенденция – это стремление к созданию светского государства, построенного в соответствии с демократическими ценностями: ислам – образ жизни, демократия – политический институт. Это такие страны, как Турция, Тунис, Сенегал, Алжир, Индонезия, Египет, сегодняшний Афганистан и другие. Такой режим стремятся установить американцы и в Ираке. Наконец, есть целая группа консервативных режимов, где происходит постепенная эволюция традиционных политических режимов в сторону большей открытости для современного мира без крутых ломок и революций. Это такие страны, как Саудовская Аравия, Марокко, ОАЭ, Кувейт, Иордания и другие.

Нельзя не сказать еще вот о чем. В исламе, как и в любой другой религии, есть еще одна сторона – клиническая. Духовная трезвость не менее важна, чем физическая. В религиозный экстаз впадают чаще всего люди малообразованные, духовно нищие, экстаз выступает как бы заместителем этой духовной пустоты. Неслучайно, что в современном терроризме так много недоучившихся студентов. Российский философ Померанц прямо говорит, что террорист — это недоучившийся студент. Движение «Талибан» в Афганистане – это ведь в основной массе недоучившиеся студенты медресе. Религиозный фанатизм не учитывает того, о чем говорил суфий Ал Халладж: человек, признающий только одну религию, выступает против Бога, потому что Богу зачем–то понадобилось несколько религий. На роль универсального учения, по сути религиозного, претендовал и марксизм. Мы – современники кризиса традиционных религий. Религия не смогла дать своевременный ответ на актуальные потребности человечества в создании социальной гармонии. Поэтому исламский и любой другой религиозный фундаментализм перерождается в экстремизм и терроризм. Преодоление этого противоречия возможно лишь через создание новой духовности, преодолевающей ограниченность традиционных религий. Через создание новой универсальной религии, соединяющей в себе как духовный опыт человечества, так и достижения фундаментальной науки. Но это все–таки дело будущего. И вряд ли новый мессия появится из рядов антиглобалистского движения.

– Часто звучат заявления, что языки небольших народов в ближайшее время отомрут под напором глобализации. Каковы ваши прогнозы?

– Наверное, их должны делать специалисты по языкам. Но я думаю, что это крайность, которая присутствует в любом политическом, идеологическом, социальном движении. Такие крайности всегда были. Я не знаю, сколько было языков, скажем, 2000 лет назад и сколько языков сейчас, но я не думаю, что их количество сильно различается. Что касается Дагестана, я всегда говорю, что русский язык является главным для нас, потому что является языком межнационального общения. Вы же пишите на русском, и Капиев великолепно писал на русском, сделав достоянием всех народов Дагестана Стальского. Таким языком межнационального общения мог бы стать, скажем, арабский, или какой–то из языков народов Дагестана, кумыкский мог стать в своё время. Но исторически получилось, что им стал русский язык. И, на мой взгляд, это благо. Двуязычие, которое сформировалось сегодня в Дагестане, больше объединяет нас, чем разделяет. И я не считаю, что русский язык приведёт к отмиранию национальных языков, если мы будем развивать наши горные районы. Эффективное экономическое развитие горных районов может способствовать сохранению наших языков.

– Согласны ли вы, что стране сегодня не хватает лидера с редким политическим талантом?

– Такой лидер для страны – дар судьбы. Думаю, что таких людей в истории человечества единицы. Самым выдающимся политическим гением был наш пророк – Мухаммед. Он был не только носителем божественного откровения, но, опираясь на это откровение, объединил дикие племена Аравии и создал мощное государство, культурно-политическая экспансия которого привела к утверждению на огромных пространствах Азии и Африки новой исламской цивилизации. Политический гений – это тот, кто смог выработать глобальную идеологию или религию, претворить ее в жизнь на достаточно длительную историческую перспективу, объединить вокруг нее огромные массы людей. Редким политическим талантом обладали Петр Первый и Мустафа Кемаль Ататюрк. В разные исторические эпохи эти два выдающихся политических деятеля, взяв на вооружение западный интеллектуальный и технико-военный опыт, ценой огромных усилий смогли не только сохранить свою государственность, но и дать длительный импульс для дальнейшего общественного развития России и Турции. Редким политическим талантом обладал Дэн Сяопин, который на пороге XXI века смог выработать стратегию выживания для огромной страны, опутанной целым грузом экономических и политических проблем. Если иметь в виду наших современников, то я бы поостерегся пока говорить о политическом таланте, скорее, можно говорить о политическом чутье.

– Вы посещаете местные музеи, театры, выставки?

– К большому сожалению, нет. Но я очень люблю нашу культуру и ее носителей. У меня в кабинете висит портрет Расула Гамзатова, других портретов нет. Он для меня высшее олицетворение и нашей культуры, духа Дагестана.

– «Я не люблю...» Как бы вы продолжили это заявление?

– Мне нравится продолжение, сделанное В.Высоцким. Но предпочитаю больше говорить о том, что я люблю. Люблю свою семью, своих друзей, свою работу, люблю читать, писать, люблю слушать народные песни, особенно аварские. И не люблю все то, что этому мешает или угрожает. Ненавижу ханжество, особенно замешанное на религиозной почве. Не люблю кичливого духовного убожества всезнаек. Не люблю нетерпимость к чужому мнению или мировоззрению. Не люблю оружие. Люблю Дагестан, его культуру, его историю.

– Чего надо бояться по вашему мнению?

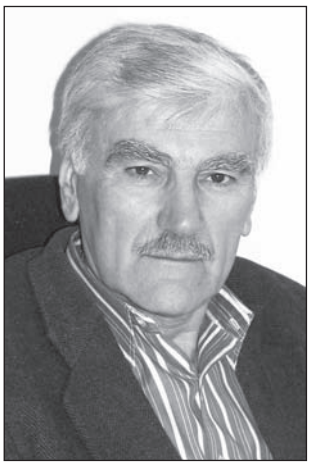
– Потерь.

– Ваше жизненное кредо?

– Я могу.

Беседовала Космина ИСРАПИЛОВА

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ



ЧТО НАМ СТОИТ – ДОМ ПОСТРОИТЬ! ЕСЛИ ТОЛЬКО НЕ ЛГАТЬ...

Далгат АХМЕДХАНОВ

Перед прошедшим в мае Днем Победы газеты и телевидение вдруг разом озаботились проблемой: ставить Сталину памятники или это недопустимо. Мотив прост: победа одержана под руководством главнокомандующего. А в качестве затравки говорилось, где такие памятники уже стоят и где их собираются устанавливать. В числе прочих городов упоминалась и родная Махачкала. Ну вот, подумалось, мало нам, что на всю страну ославили регулярные взрывы и теракты, так теперь еще и пресловутый вождизм добавился.

Все бы ничего – поговорили и забыли, но как быть с нашей замечательной историей? Что мы о ней знаем, чем гордимся и чего стыдимся? Главное – чему детей учим? Недавно, всего несколько лет назад, история страны представала перед школьниками не такой, какой была на самом деле, а в зависимости от того, какими критериями руководствовался их учитель. Невнятная разноголосица в учебниках давала ему такую возможность. Акценты же он расставлял сам. В целом картина прошлого тогда мало чем отличалась от того, какую ее рисовали в советской школе на протяжении десятилетий. Затем появились новые учебники, да и элементарная логика понемногу начала сказываться. Но насколько? Вот в чем сегодня проблема.

В спорах о том, что в нашей истории ложь, а что – правда, оппоненты любят вспоминать слова Расула Гамзатова: «Если выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки». Замечательно сказано – как не воспользоваться! Вот только о том, кто, когда, как и зачем стрелял в прошлое, предпочитают не распространяться. Может оказаться себе дороже. Поэтому, беря в помощь гамзатовский афоризм, далеко не все следуют его духу и букве. Не этим ли объясняется, что будущее столь часто преподносит нам нежелательные сюрпризы?

Людей, ложно толкующих нашу многострадальную историю, можно делить по разным признакам. А можно разделить всего лишь на две принципиальные группы. К одной отнести тех, кто корежат сегодня историю сознательно, преследуя личные интересы. Ими написаны «научные» труды, основанные на фальшивых представлениях об исторических событиях. Переход на иные, отвечающие исторической правде, позиции перечеркнет их писания вместе с научными званиями и должностями. Инстинкт самосохранения диктует им линию поведения.

Вторая группа искренне считает, что Россия в октябре 17-го года XX века совершила прорыв в развитии человеческой цивилизации. Их не смущает, что «прорыв» основывался на принципах прямо противоположных тем, какими руководствовалось человечество за свою предшествующую историю. Не смущает, что остальное человечество смотрело на Россию как на внезапно заболевшую страшным недугом страну, поражаясь долготерпению населявшего ее народа. Даже результаты этого чудовищного социального эксперимента – гибель миллионов людей от голода, репрессий и многочисленных войн, нищета богатой ресурсами страны, жизнь в очередях, растянувшихся на несколько десятилетий – тоже их ни в чем не убеждают. Вера, что они умнее остального мира, внедренная в их сознание, настолько велика, что отметает всякий здравый смысл. Ленин объяснял это тем, что подобный эксперимент возможен только с людьми, населяющими отсталую страну. Позднее это по-своему подтвердил и Геббельс, говоря: чем неправдоподобнее ложь, тем охотнее в нее верят.

И та, и другая группа толкователей российской, и дагестанской в частности, истории клеймят всех, кто пытается докопаться до исторической правды, добывая ее по крупицам из документов, воспоминаний людей, из советской печатной продукции, в которой правда перемешана с ложью. И этот последний источник сложнее всего. Хотя он являлся и до сих пор еще является основным источником исторических знаний, но ложь вперемежку с правдой ужасней, чем чистая ложь, ибо чаще и глубже вводит в заблуждение.

Есть еще одна – промежуточная между двумя этими позициями – группа толкователей истории, искривляющих истину в угоду себе, хотя и немногочисленная. Эти,

стремясь вроде к истине, стараясь ниспровергнуть с советского исторического пьедестала фальсификаторов, не особенно заботятся о чистоте собственных аргументов. В полемическом раже, опровергая очевидную ложь, в доказательство своей правоты они утверждают иногда нечто такое, по их мнению, само собой разумеющееся, но что на самом деле ничего общего с действительностью не имеет. Бывает, это искривление реальности не очень мешает общему истинному восприятию исторического факта, но нередко подобное легкомыслие, а порой элементарное невежество сводит на нет, просто губит их благородную цель – стремление к правде. А уж если такая невзыскательность бросает тень на невинных людей, то подобная несправедливость совершенно недопустима. Ладно уж с важным историческим фактом так обошлись – назвали белое черным, тут истину установить проще, неангажированные читатели или слушатели разберутся. Куда сложнее человеку отмыться от грязи, которую, походя, ляпнули на него сегодняшние правдоборцы. Тем более, если человека давно уже нет в живых. Говорю об этом, поскольку свежи в памяти недавно попавшие на глаза строки о Д. Коркмасове. То он анархист, то социалист. А то вообще вместе с Н. Самурским подписывал из Дагестана реляцию в Москву с просьбой увеличить лимит на число отправляемых на расстрел в 1937 году дагестанцев. А ведь широко известно, что уже за несколько лет до этих репрессий Д. Коркмасов жил и работал в Москве, не имея к правительству Дагестана никакого отношения, и сам был репрессирован в том же году.

Кстати, социалист – это враг народа или его друг? Ничтоже сумняшеся всех, кто называл себя социалистами, валят в одну кучу. А они ведь разные. Социалисты советского разлива с социалистами первых лет российской революции, как и с социалистами в нынешних процветающих зарубежных странах, давно построивших истинный социализм, ничего общего не имеют – кроме названия. Дело ведь не в названиях, а в сути идеологии тех и других. У советских – отмена частной собственности и диктатура, у нормальных социалистов – приоритет частной собственности и демократия. И это прямо противоположные позиции.

Но это к слову. Проблема сейчас, повторюсь, в том, чему детей учат в школах. Со взрослыми уже ничего не поделаешь. Как говорится, поезд ушел. Если кто за последние 15 лет после стольких разоблачений сути советского режима, непредвзятого освещения исторических событий ничего не понял или не сумел понять, то тут ничего не попишешь, тут и история, и логика, и здравый смысл, и медицина бессильны. Но дети… Им ведь возрождать страну, продолжая начатое перестройкой, исправляя все, что исковеркано последующей псевдодемократией. Ситуация вроде идет на поправку, но что происходит в школах? Недавно по ТВ прошел сюжет об извращении исторических фактов в школьных учебниках, издаваемых в Грузии, Украине, Латвии. Это просто кошмар. А у нас? Что на уроках говорят детям? Что Ленин – всегда живой? Что Сталин – вождь всех времен и народов? Что в СССР – великой державе – все было во имя и для блага человека?

Раскроем учебники «История России. XX век» для 9-го (2002 г.) и 11-го (2001 г.) классов. В них уже нет прежней откровенной сумятицы, события излагаются без явной идеологической окраски, как бы отстраненно – с высоты прошедших лет. Но, перевернув последнюю страницу того и другого учебника, знакомство с которыми, уверяю вас, полезно не только школьникам, испытываешь явное неудовлетворение. Вроде все важные факты отражены, причинно-следственная связь событий якобы прослежена, однако ясного ответа на вопрос, что из происходившего в истории России было для страны добром, а что злом, не получаешь. Да, одни политические фигуры рассуждали так и делали то-то, а другие рассуждали иначе и боролись за нечто противоположное – об этом сказано, но что было во благо, а что – нет, догадайтесь, мол, сами.

Возможно, повинна в таком восприятии воспитанная советским образованием привычка оценивать всякий факт либо в черном, либо в белом цвете, а истинная история предполагает лишь изложение фактов и причин событий, оценку им, дескать, пусть дает тот, кто ими интересуется. Но тут я себе возражаю: оценивают историю пусть взрослые, а дети должны историю знать, чтобы, став взрослыми, не совершать ошибок. Содержанием исторического знания является истина, которую отличает от лжи последующая практика. Сегодня известно, что последовало, идеология теперь не мешает судить: что – благо, а что – зло. Отсюда несокрушимый вывод: школьник должен ясно представлять, что в истории России вело к прогрессу, а что – разворачивало страну вспять, или вело в тупик. И почему.

Получает ли нынешний школьник такое представление? Сомневаюсь. Если и получает какое-то, то весьма зыбкое. Иначе откуда берутся среди молодежи нынешние экстремисты всех мастей и оттенков. Разумеется, не только школа воспитывает гражданина, прежде всего это делает семья, свою лепту вносит улица. Но если в семье бытуют искривленные ориентиры, то спасать ситуацию должен школьный учитель и учебник истории.

Конечно, не все так просто. Раньше все было понятно, как в детстве: красные – наши, белые – враги. Петр Первый – хороший, Николай Второй – плохой. Остальные цари – тоже плохие. Кроме Ивана Грозного. Он бояр (богатых т.е.) прижимал, государство расширял, как и Петр I. Ну а Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин – это почти небожители вместо бога. Затем, правда, в этой иерархии что-то сломалось: отдельные генсеки, сменяя друг друга, из князей превращались в грязи. В новейшей же истории произошел вообще кавардак: Ельцин из всенародно избранного президента очень скоро превратился в ненавистного почти для всех правителя. И даже Путин, обладая небывало высоким рейтингом, накануне очередных президентских выборов вдруг стал подвергаться некоторой частью общества критике за действия, которые принесли ему же всенародную любовь. Парадокс? Да! Россия, однако…

И в Дагестане, в составной части России, раньше все было просто. Богатые – плохие, бедняки – хорошие. Беки, ханы, шамхалы, все священнослужители – враги, эксплуататоры трудового народа; имамы – хорошие, они воевали с богатыми, ханами и с царизмом. Правда, один среди них затесался плохой, имам Гоцинский, он воевал с советской властью. Революционеры, кто погиб в гражданской войне, остались хорошими, но кто дожил до 37-го года, оказались врагами народа.

К чему, спросите вы, эти трогательные воспоминания. Так ведь сложным все стало. Теперь кто говорит, что это красные, а не белые – враги трудового народа, а кто, по-прежнему, что – белые. Иван Грозный с Петром Первым истязали народ, а не укрепляли государство. Петр к тому же не дружил с дагестанцами, а воевал с ними. Про Маркса–Энгельса забыли, а Ленин и Сталин – не боги на земле,

а преступники. Кому верить? Вот про Ельцина все ясно – еще свежо в памяти. Зато в ступор ввергают рассуждения о Путине: казалось бы, видно, что он делает – ведь сегодня все происходит, а отдельные политики, и не только они, говорят, что ничего он не делает, даже, наоборот, коварно ведет страну (как Сусанин в лес поляков) в темные дебри тоталитаризма. И вообще… Так кому верить?

Давайте заглянем теперь в школьный учебник истории Дагестана. Что обнаружится в нем?

Было бы утомительно и непродуктивно пересказывать хотя бы тезисно изложенную в нем интерпретацию ключевых поворотов нашей истории. Поэтому ограничусь тем, что упомяну лишь о том, какое впечатление на читателя учебника эта интерпретация производит.

Но вначале такое отступление. Помните, как сравнительно недавно у нас вдруг один за другим стали праздноваться юбилеи: то этому аулу исполнилась тысяча лет, то другому – две, а третьему – уже три и т.д. И все на том основании, что где-то рядом нашли древние захоронения или черепки глиняной посуды. Сельчане ходили гордые, хотя про себя и посмеивались. Для чего эта явная фальсификация? Неужто, если б тут обнаружилась стоянка древних людей, каких-нибудь кроманьонцев, питекантропов или неандертальцев, то ныне живущие здесь люди автоматически приобрели более высокий социальный статус? Стали бы в глазах окружающих более достойными? Предполагаю, что это смешное поветрие началось с того, что Дербенту вместо искомых у него 1500 лет стали приписывать все 5000. Почему? Оказывается, нашли следы пребывания здесь 5000 лет назад человека. Ну и что? Разве стоял здесь тогда этот город? Что, дербентцы теперь стали круче? Умнее, богаче? Ведь известно же, что Дербент возник в связи с постройкой здесь крепости Нарын-кала. Зачем же изголяться? Зачем лгать себе и другим! Менталитет, однако…

Да, что-то объясняется менталитетом, а что-то политическим, идеологическим или меркантильным расчетом. Замечательный факт нашей истории: около Согратля дагестанцы разбили войско Надир-шаха. По страницам печати гуляет цифра в 100 тысяч персидских воинов. Не знаю, сколько их было, и никто, наверное, не знает. Но, думаю, 100 тысяч не могло быть. Трудно вообразить даже, что армия такой численностью могла пройти в то время так далеко в горы. А если бы она появилась здесь, то заполнила бы все пространство вокруг Согратля и сам Согратль. Вспомните: на огромном Бородинском поле сошлись французская и русская армии общей численностью около 100 тысяч. Сравните ландшафт, подходы к месту битвы и прочее. Нужны ли нам столь явные преувеличения? Они не только не подчеркивают доблесть дагестанского ополчения, а своим неправдоподобием ставят под сомнение сам факт жестокой битвы. Нужны ли эмоции вместо фактов? А если войско персов насчитывало 50, или 20, или 10, или даже 5 тысяч, пусть даже тысячу воинов, то неужели факт разгрома грозного Надиршаха стал бы менее значимым!

Сплошь и рядом мы сегодня слышим и читаем, что Дагестан всегда был единым, что никогда его народы не тревожили внутренние конфликты и т.п. И в то же время мы знаем, что каждый этнос имел свою строго ограниченную территорию и своего феодала. Как и подобает феодалам, они далеко не всегда были дружны. Между прочим, кто бывал в советское время в кремлевском кабинете Ленина, видел на стене карту Кавказа с этими четко обозначенными границами, которые лицезрел Ильич. Мы также знаем, что Хочбар сжег с собою на костре детей хунзахского хана, что был убит в мечети второй имам Дагестана Гамзатбек, что Гаджи-Мурат воевал то против царя, то против Шамиля. Общеизвестно, что не только жители разных районов Дагестана, на которые Шамилем совершались набеги, но и немалая часть аварского населения не хотела ему подчиняться, и Шамиль сурово наказывал непокорных, облагал недовольных высоким налогом, брал в плен заложников. Об этом написаны книги, об этом свидетельствуют современники Шамиля, которые вовсе не являются его недоброжелателями. Ну и что? Разве это умаляет мужество и стойкость имама и руководимых им горцев, сражавшихся за создание имамата? Нисколько! Любопытно, что в нашей прессе сегодня с одинаковым восторгом рассказывается о подвигах соратников Шамиля и дагестанцев – прежде всего офицеров в составе царских войск, сражавшихся против него. Все это известно. В то же время в школьных учебниках и с самых разных трибун об этом стыдливо умалчивается или говорится как бы нехотя, скороговоркой.

Почему? Что, мы от знания своей подлинной истории станем хуже? Нет, конечно. Уж какие есть. И не стреляя в прошлое из пистолета, его надо просто знать.

Например, о том, что в Дагестане дольше, чем где-либо в России, сопротивлялись установлению советской власти. Восстание имама Гоцинского, который был избран в этом качестве вседагестанским съездом в Ботлихе, было подавлено лишь в 1921 году. Что сказано об этом в школьном учебнике? В отличие от прежних лет имам Гоцинский уже не именуется «жирным барановодом», его имя не сопровождается уничижительными эпитетами, теперь он поэт, видный общественный деятель, пользующийся прочным авторитетом, избранный муфтием Дагестана и всего Северного Кавказа. Но то, что он был избран имамом, не упоминается, лишь вскользь он называется таковым, когда говорится о подавлении его восстания.

Эту часть учебника – о ситуации в Дагестане в годы революции и гражданской войны – прочесть очень любопытно. Такая чехарда стоящих у власти политических сил, такая разноголосица политических тенденций и предпочтений, ориентаций на бушующие в обществе настроения, что диву даешься. Но в то же время не покидает ощущение какой-то недосказанности, невнятности в оценке того, к чему в исторической перспективе вели те или иные события, какие в конечном счете преследовались различными силами цели, к каким объективным результатам могли они привести – полезным народу, прогрессивным, или вредным, регрессивным.

Эта невнятица, впрочем, достаточно прозрачно трактуется в пользу советских ценностей. Такое впечатление легко кристаллизуется из употребляемой терминологии, высекается из сопоставления рядом стоящих фраз. И это тоже понятно: наверняка, учебник создавался теми, кто уже имеет богатый советский исторический опыт и, естественно, не может или не хочет (о чем сказано выше) от него отрешиться. Чего стоят утверждения о том, что горцы мечтали о советской власти, что велась борьба (из контекста понималось, что борьба полезная, необходимая) с контрреволюцией, с кулаками и спекулянтами, а причинами антисоветского мятежа являются всего лишь нетактичное поведение красноармейских отрядов, ошибки в проведении продовольственной политики, которая предполагается замечательной, и неоправданная кое-где жестокость при справедливом (заметьте) выявлении чуждых элементов и т.п. Целью большевистской агитации в

то же время без стеснения называется разложение горцев. Наверное, это «разложение» являлось для большевиков остро необходимым для их дальнейшей счастливой жизни. И все время – бои, борьба красных партизан с мятежниками, большевиков с Горским правительством, раскол среди социалистов, насаждение большевиками классовой борьбы среди прежде спокойного дагестанского общества, нарушение ими вековых традиционных устоев быта и т.п. Таково было наше бесконфликтное «единение» во все времена, как сейчас нередко утверждается. Сегодня истинное единство необходимо нам так же, как и почти 100 лет назад. Но достичь его можно не благодаря лжи, а вопреки ей. Хотя до сих пор проще всего людей объединяла ложь. Правда ведь у каждого своя, а ложь всеядна. Но XXI век на дворе. И пример цивилизованных стран – рядом.

Кстати, что следует понимать под революцией и контрреволюцией? Казалось бы, сомнений нет: революция – это красные. А контрреволюция – это белые и все их, как мы привыкли считать, прихвостни. Но ведь существует (и давно – с 1917 года) другая точка зрения, нам прежде незнакомая. Революция – это февраль 1917 года, а контрреволюция – это октябрь 1917 года, которая воспользовалась плодами революции, узурпировала ее завоевания (свержение царизма) и ввергла страну в неисчислимые беды. Именно такой терминологией пользовались противники большевиков, считающие себя истинными революционерами. Мы же, сегодняшние, об этом не знали, не допускали даже мысли такой. А задумайтесь!

Дальнейшее знакомство со школьным учебником по истории Дагестана для 10 класса (1999 г.), пользующимся такими понятиями, как «союз трудового крестьянства с пролетариатом», «рельсы социалистической экономики», всерьез рассуждающим о достоинствах или недостатках тех или иных советских конституций, ничего нового к первоначальному впечатлению не добавляет. Сегодня мы знаем, можно ли такое хозяйствование называть экономикой, а такие конституции – главным законом, в соответствии с которым якобы жила страна. Я уж не говорю о коллективизации, индустриализации, выполнении пятилетних планов и прочих завоеваниях строительства социализма. Однако это наше новое знание на содержании учебника почти не сказалось. Как и в освещении других важных этапов жизни Дагестана в двадцатом веке. И чтобы не утомлять читателя дополнительными аргументами в справедливости уже сказанного, обратимся от школьного исторического просвещения к вузовскому.

Это обращение будет предельно кратким. И вот почему. Казалось бы, более взрослую студенческую аудиторию ждет более детальный анализ истории России в целом, и Дагестана в частности, с акцентом на сложнейшие процессы, происходившие в нашей общественной жизни. Резюмирование этих процессов с точки зрения общечеловеческих ценностей, практики политического и экономического благоустройства, государственного строительства, наработанных человечеством за свою многовековую историю, особенно в последние триста–четыреста лет, должно было присутствовать в таком анализе, дабы молодые люди в его контексте лучше поняли историю своей страны и своей республики. Увы! Все несуразицы, что присущи изучению истории в школах, в не меньшей (если не в большей) мере характеризуют (судя по опросам и преподавателей и студентов) и вузовское обучение. И это тоже вполне объяснимо, поскольку в вузах студентов просвещают люди еще в большей степени, чем в школах, отягощенные советским историческим знанием и своими многочисленными научными трудами. И их можно понять. Так исторически, простите за каламбур, сложилось.

Но от этого не легче. Всем, особенно молодым, надо знать (как у Маяковского), что такое – хорошо, а что такое – плохо. От чего уходить и к чему идти. Хотя, говорят остроумцы, история ничему людей не учит, вечно они наступают на одни и те же грабли. Думаю, утверждать это можно было в прежние века. А сейчас на дворе – двадцать первый. Не может прийти к власти новый Гитлер или новый Ленин, не могут разразиться новые мировые войны. Хотя… Хотя мы подспудно этого все же опасаемся. Поэтому нужно знать правду о своей истории, чтобы не наступать на те же грабли даже в отдельно взятой нашей родной республике.

Каков же вывод? И насколько он будет убедителен? Об этом можно судить по следующему примеру.

В понедельник, 27 апреля, по телевидению прозвучало очередное, шестое по счету, послание Владимира Путина Федеральному собранию о положении в стране. Слушал и думал: надо же, как откровенно и точно обнажает президент болячки (не болячки даже, а язвы) государства и общества. Не жмется, стараясь приукрасить ситуацию, не прячется за потоком общих фраз, а конкретен, лаконичен. Картина, над чем предстоит работать правительству, обрисована четкая, даже механизмы решения проблем обозначены. И что же? Какова реакция? Ни один из моих первых наутро собеседников на вопрос о впечатлении эту точку зрения не разделил. «А… одно и то же… Все слова, слова… Ничего ведь не меняется…» – такова была эта реакция.

Она изумляет, потому что в стране меняется многое. Но в то же время уже и не изумляет, поскольку такое неприятие или непонимание того, что происходит, стало уже привычным. Поэтому и вывод о бытующем сегодня в обществе взгляде на нашу историю, боюсь, ожидает та же участь. Но все-таки…

Снова вспомним слова поэта о прошлом и будущем, о пистолете и пушке. В какое прошлое мы стреляем? До прихода России на Кавказ или в то, что было после? В прошлое до Шамиля, при Шамиле или после Шамиля? Вообще, в дореволюционное прошлое или в советское? А, может, в недавнее, что было при Ельцине, или в первый срок президентства Путина? Или чего там стрелять в прошлое, когда сегодня можно запросто палить в настоящее. В него – всего удобней: цель хорошо видна, не промахнешься. А прошлое… Оно ведь такое разное…

Остается добавить, что стрельба – всегда ложь. Особенно такая, какая была в советское время: все, что до революции – антинародно, все, что после – манна небесная. Не следует повторять этой глупости. О прошлом надо просто знать правду. Только правду. И (как на суде) ничего, кроме правды. Лишь тогда будущее не выстрелит в нас из пушки. Доказано уже. В советское время мы только тем и занимались, что лгали о прошлом. И вот будущее выстрелило в Россию и в Дагестан. И теперь в нашем настоящем мы разгребаем руины.

И еще. Строя новый дом, нельзя по непониманию или по заказу перевирать и настоящее, мешая работе на благо страны. Пример: воюя с вождизмом, иные с усердием лепят из Путина вождя. Мы не становимся лучше, как бы не украшали свое прошлое и свое настоящее, или хуже, как бы их не чернили. Будем самими собой – надеюсь, патриотами на деле, а не на словах. Тогда и дом построим быстрее. И будет он тогда крепче…

ПРОБЛЕМА

Марьям ХАЛИМБЕКОВА

С каждым годом все меньше тех, кто пережил Великую Отечественную войну. А мы живем в разгар совсем иной войны. Борьба идет не с внешним врагом, а с внутренним, линией фронта стала человеческая душа.

Первыми жертвами этой невидимой войны стали самые беспомощные – дети и старики. Те самые старики, которых мы с пафосом благодарим по датам, а в остальное время порой забываем. Кто мог предвидеть, что самыми «счастливыми» среди них окажутся отнюдь не долгожители.

Знаковым порождением нашего времени стали дома-интернаты. Что для Кавказа, местных традиций прежде казалось дикой фантазией, вдруг обыденно воплотилось в реальность. Уже никого не удивить наличием подобных заведений в нашей республике. С поразительной быстротой дагестанцы привыкают к самой мысли о возможности пренебречь своими сыновними и дочерними обязанностями. На фоне исламизации нашего общества неуклонно растет количество постояльцев домов престарелых.

Вот один из них – республиканский дом-интернат для престарелых и инвалидов, что в Сепараторном поселке Махачкалы. Найдется ли здесь объяснение этому явлению?

ДОМ, ГДЕ ЖИВУТ СТАРИКИ

Уворот вдруг предупреждают: в помещении заложена бомба. Привыкнув к подобного рода боевым тревогам, частым в нашем «военизированном» городе, группа стариков, видимо, спешно эвакуированных из здания, пережидала ее в глубине двора. Бросается в глаза отсутствие среди них какой-либо паники. «Кому мы нужны?!» – без горечи, просто констатируя факт, махнул рукой один из них. Мне почудилось, что он имеет в виду не столько пресловутых террористов, сколько всех остальных, живущих по ту сторону изгороди. И возникло чувство обреченности, так очевидно царившее здесь, притупившее в этих людях даже могучий инстинкт самосохранения.

Приключение закончилось, когда выяснилось, что это была учебная тревога. Старики медленно возвращались в помещение: те, что посильнее, поддерживали под руку других, а некоторых несли на носилках – настоящий госпиталь с больными и ранеными. Среди всей этой немощной, тяжко вздыхающей и едва плетущейся группы почти неуместно выглядел мужчина средних лет. Это был директор интерната. Мажид Мирзаев, 1961 года рождения, выпускник юрфака ДГУ. Беседуем:

– Каковы наиболее типичные семьи, из которых старики поступают к вам?

– Наш интернат был создан в 1969 году как пансионат для русскоязычных граждан (не дагестанцев). Уроженцев нашей республики здесь до недавнего времени не было. Но после распада СССР прибыло много беженцев из Узбекистана, Туркмении, Чечни: кто-то из них продал свое жилье, а кто-то был вынужден его оставить в спешке. Старики-дагестанцы появились в нашем заведении лишь в последние 10-15 лет. Большинство из них – одинокие люди, которые могут себя обеспечить, но не желают жить изолированно. Но есть и те, у кого по 4-5 детей, да еще и с высшим образованием. От таких детей родители или ушли сами, или же дети их просто сбыли с рук, отдав на попечение государству.

Иногда старики сами стремятся к нам. К примеру, высокогорный район: как часто в местных условиях можно получить горячую пищу? А у нас трехразовое питание, полдники, установленные нормы кисломолочных продуктов, рыбы, мяса, натуральных соков и т.д. – в полном смысле полноценное питание. Один наш постоялец, старик 93-х лет, выступая в День пожилых людей на телевидении, назвал жизнь в интернате «куском рая». До интерната он жил вместе с сыном и невесткой. После этого заявления им не дали житья родственники и знакомые, обвинив их в жестоком отношении к старику. В итоге сын и его жена были вынуждены уехать за пределы Дагестана, скрываясь от общественного осуждения.

А вот другой пример. Сын привез свою мать к нам и оставил прямо в коридоре без документов, никому ничего не сообщив. Когда он соизволил вернуться спустя пять месяцев, то объяснил, что поступил так в отместку. Оказывается, мать когда-то отдала его в детский интернат из-за отсутствия школы на кутане, где работала дояркой. Вот так сынок «отомстил» своей родительнице… Был и такой случай: жившая у нас одна русская женщина, которая уехала в Саратов к родным, стала писать письма с просьбой принять ее обратно. Так она и вернулась в ставший ей родным интернат, оставив своих близких.

– На ваш взгляд, почему дети отдают сюда родителей?

– Причины как социальные, так и нравственные. Это бедность и невозможность ужиться с теми стариками, которые долго жили в России и переняли чужие обычаи. С ними родные просто не могут найти общий язык.

– Есть ли обстоятельства, при которых можно отдать родителей на попечение государству?

– Нет таких обстоятельств. Родители должны обеспечивать своих детей, а дети – родителей.

– Покинутые дети и старики – это примета нашего времени?

– Раньше эти факты были исключением, сейчас – сплошь и рядом.

– Что можно противопоставить этой устрашающей тенденции?

– Государство должно давать возможность гражданам материально себя обеспечивать, а общество должно их соответственно воспитывать, создавая соответствующую нравственную атмосферу.

– Выходит, сегодня для Дагестана подобное обращение со стариками характерно?

– Для нас это нехарактерно, но перемены в жизни страны породили это явление. Но у нас для стариков созданы все условия: в комнатах живет по 1-2 человека, есть цветные телевизоры, неплохая мебель. Многие старики сами сюда рвутся. Некоторые дагестанцы не ухаживают за своими родителями должным образом, но и отдавать их в интернат не решаются, боясь общественного осуждения. Я бы, например, не отдал сюда своих родителей никогда, это все же палка о двух концах.

– Какую роль во всем этом играет религия?

– Увы, в связи с ней нет никаких положительных факторов: все религиозные ритуалы соблюдаются, но это, скорее, лишь проформа. Уж лучше быть просто чистым душой, хоть и не набожным в общепринятом смысле. Какой толк, если мусульмане, совершающие намаз и соблюдающие остальные формальности, все же отдают своих родителей в приют. От того, что люди стали больше ходить в мечеть, брошенных стариков не стало меньше. В советские времена, когда с религией боролись, в заведениях, подобных этому, дагестанцы не находились. Время свидетельствует о результатах воспитания нынешнего поколения. Чаще всего виноваты, к сожалению, сами родители. А их отпрыскам за все это, несомненно, воздастся: их ждет такое же безрадостное будущее, какое они устроили своим отцам и матерям.

– Есть еще дома для престарелых в нашей республике?

– Во многих городах и районах есть стационары или существует надомное обслуживание. Интернаты республиканского значения – в Махачкале, Дербенте, Верхнем Казанище, Буйнакске. В Буйнакске интернат психоневрологический, а у нас постояльцы в этом отношении здоровые. Есть даже кандидаты наук, бывшие директора школ. Есть и такие, которые здесь же работают: электрик, сторож, садовник – разумеется, по рекомендации врача. Частных интернатов у нас в республике нет, на них требуются очень большие средства. А у нас бесплатное питание, медицинские услуги, услуги парикмахера, массажиста. В нынешнем году 22 инвалида воспользовались услугами санаторно-курортной поликлиники.

– Каких специальностей люди у вас работают?

– В основном медработники: врач, медсестры, санитары – контингент ярко выраженной социальной направленности, люди работают по призванию. За такую низкую зарплату можно трудиться только по велению души. Например, наш врач получает около трех тысяч. Есть люди, работающие здесь с самого основания, с заработной платой менее тысячи рублей. Они компетентны, отличаются милосердием и

терпением, ведь работают зачастую «вопреки», а не «благодаря». Каждый работник здесь в первую очередь должен быть психологом: старики не уживаются порой с собственными детьми – что же говорить о сосуществовании с людьми чужими.

– Сколько сейчас постояльцев?

– 81 человек. 56 – инвалиды, из них 3 – с детства. Возраст – от 45-ти до 95-ти. Есть три ветерана войны, один – без ног. Таких людей к нам направляет Министерство труда и социального развития РД.

– С какими проблемами сталкиваются «новенькие?

– Они 10-12 дней живут в специальном карантине, пока их полностью не обследуют. Приживаются довольно быстро. За те два года, что я здесь работаю, только один не смог адаптироваться и ушел из интерната на пятый день. Первые месяцы новенькие – тише воды, ниже травы, а потом иногда начинают и «качать права». Были у нас здесь и свадьбы с переселением в одну общую комнату, и даже разводы с последующим расселением.

– Что вас больше всего радует и огорчает?

– Огорчают нищенские зарплаты, а положительным моментом является сама суть профессии – хотя неблагодарная, но очень благородная. Одна из главных проблем – привозная вода, но это особенность Сепараторного поселка в целом. По этой причине мы, например, не можем завести собственное «натуральное» хозяйство. Высыхает плодовый сад. А в остальном нам грех на что-либо жаловаться. Почти такие же условия и в подведомственных Министерству труда и социального развития РД детских учреждениях.

– Ваши постояльцы живут в интернате до самой кончины. Как вы это переживаете?

– К смерти постепенно привыкаешь, как это происходит и с медиками. Ничего не поделаешь: кто родился, тот и постареет и умрет. Счастье – вообще дожить до этого возраста, особенно в наше неспокойное время. Особенно – в окружении детей и с обеспеченной государством достойной пенсией. А когда приводят престарелых людей в интернат, я всегда говорю: мы приготовим комнату и кровать их детям тоже. Ведь все содеянное возвращается.

После беседы директор показывает хозяйство. Приятно удивляет чистенькая, вкусно пахнущая столовая; в книге жалоб и предложений много трогательных выражений благодарности за по-домашнему вкусные блюда. В коридорах тоже чисто, но стоит неистребимый запах старости. Всюду царит полупризрачная тишина, на пути то и дело бесшумно возникают и так же бесшумно исчезают скорбные фигуры постояльцев. По коже мороз, потому что постепенно теряется чувство реальности: кажется, что бродишь по этому заколдованному пространству целую вечность.

Мажид Алигаджиевич одну за другой раскрывает перед нами двери комнат, и взгляду предстают разные бабушки. Одни не могут встать с кроватей и приветливо машут нам; другие долго стоят в дверях, молча провожая нас взглядами, от которых сжимается сердце. Тоска материализуется и клонит к земле: проводить бы изредка здесь профилактические экскурсии – наверняка, преданных детьми стариков стало бы меньше! Наверно, людям легче придумать лекарство от смерти, чем изменить свое отношение к старости – как к чужому, а не как и к своему будущему. Наивное убеждение, что немощь и смерть «придуманы» только для других!

Вот что рассказывают сами постояльцы. **Баюла Валентина Даниловна**, полная, удивительно красивая женщина, источающая неизъяснимую благость и умиротворение, говорит:

– Родилась я на Дальнем Востоке, в городе Спасске, куда была репрессирована вместе со своими родителями – отец предрекал войну с немцами, что дошло до соответствующих органов. Мои родители были реабилитированы, но не дожили до этого. Двадцать лет я прожила в Грозном, где работала в нефтяном институте старшим научным сотрудником, преподавала. Семья моя состояла из мужа и сына, а в 81-м году мой супруг скончался. На пенсии я продолжала работать. Мой муж, как и я, был кандидатом наук, мы могли купить квартиру, машину. Однако тогда было недоступно пользоваться своим достоянием. А дагестанцы вместо социализма строили дома – Кавказ мудр.

Попала я сюда в 2000-м году. После 96–97 годов кочевала по квартирам, ездила в Чечню в поисках сына. Он пропал без вести, и я два года искала его там, но так и не нашла. До этого мы не раз всей семьей посещали Дагестан, завели здесь немало приятелей. Дагестанцы – милый, сердечный народ. Хоть я и полячка по про-

исхождению, а по паспорту – русская, но ощущаю себя националкой. Особенно люблю местных женщин с их неповторимой дагестанской кухней.

Конечно, разница между жизнью до интерната и теперешним существованием большая: здесь ты зависишь только от чужой воли. Маленькие радости, которые здесь есть, – это счастье от прихода каждого утра, благодарность солнышку за его приход. Я часто выезжаю в город со своими знакомыми. Ежегодно посещаю санаторий, так как имею льготы в качестве жертвы политических репрессий. Бывают у нас и праздники, отмечаем дни рождения. На Новый год проходят традиционные сборы в столовой с танцами, приходят гости, есть свой клуб, бывают актеры, выезжаем на прогулки в город: в музеи, в театры, на море. Словом, интернат в надежных руках. Одиночество почти не ощущается, но болезни не дают покоя.

Магомедова Аят Муртузалиевна, маленькая сгорбленная женщина, абсолютно равнодушно рассказывала на ломаном русском языке о своих переживаниях, как о чем-то само собой разумеющемся. Только однажды ею овладело сильное беспокойство, когда речь зашла о ее непутевом сыне. Она сама выросла в интернате, пока отец был на войне, а мамы она лишилась еще в младенчестве. Мужа Аят Муртузалиевна похоронила рано (он погиб в аварии), и она с сыном была вынуждена уехать на заработки, 40 лет проработала дояркой. В войну Аят Муртузалиевна работала целыми днями, сына пришлось отдать в интернат. Когда он вырос, пошел служить в армию, вернулся, женился, живет в Махачкале. Аят Муртузалиевна неудачно упала, и сын прямо в коляске привез ее сюда. Жизнь здесь ей нравится. Иногда навещает сын, но приходит он сюда только за материнской пенсией. Сильно пьет. Внуки приходили за все время – с января прошлого года – только раз (старшему уже 18).

На улице Советской в Махачкале, неподалеку от ЦУМа, каждый день можно увидеть бабушку со следами старческого слабоумия на высохшем лице. В любую погоду она сидит на голой земле и жует лежащий перед ней хлеб, то и дело бросая крошки голубям, вьющимся вокруг нее. Лишь иногда она механически протягивает свою руку за подаянием, одинаково безразлично опуская ее, будь она полной монет или пустой – классический образ юродивого, который всегда почитался за святого!

Все чаще наши старики впадают на склоне лет в детство, но это безумие – счастливое для них. Видимо,

Бог намеренно ослепляет разум, чтобы не дать почувствовать все «прелести» старости в условиях нашей немилосердной страны. Абсурд в том, что, как выяснилось после посещения интерната, многие предпочитают проводить остаток лет в казенных заведениях, а не среди своих малоимущих детей.

Но если бы только это! Старых людей многие вежливо, но твердо отстраняют от всех дел – списывают, неосознанно обрекая тем самым на растянутое доживание, заставляя их испытывать чувство неловкости за якобы создаваемые ими неудобства. И вот их жизнь постепенно превращается в томительное ожидание смерти – не в страхе, а в нетерпении из-за ее запаздывания. Тогда уютные дома мало отличаются от интернатов – этих изоляторов для изжившего себя «человеческого материала».

Надо нам помнить, что сегодняшние старики – это вчерашние юноши и девушки, позавчерашние дети. Чтобы заглянуть в свое будущее, следует вглядеться в их лица, узнать в них себя. Тогда, надеюсь, появится желание радикально изменить и облегчить их существование. Иначе пожелание долгих лет жизни превратится в самое страшное проклятье.

ГЛАЗАМИ ДАГЕСТАНЦА

ПО ТУ СТОРОНУ МИФА

мое запоздалое открытие Америки

Казбек СУЛТАНОВ,
профессор Института мировой литературы РАН,
доктор филологических наук,
лауреат Государственной премии РД,
заслуженный деятель науки Дагестана

Всё началось с совпадения во времени двух приглашений: Американской ассоциации по развитию славистских исследований на конгресс в Бостон и старейшего в штате Нью-Мексико университета, основанного в конце XIX века в самом крупном городе штата Альбукерке. Вопрос приобрел остроту гамлетовского выбора: выбрать или совместить? Быть в двух местах или не быть в одном из них? Удалось договориться и отправиться в неблизкий путь по усложненному маршруту: сначала солнечный юг, почти на границе с Мексикой, потом атлантическое побережье, северо-восточный штат Массачусетс и славный город Бостон.

До посадки нашего «боинга» в нью-йорском аэропорту Джона Кеннеди я уже был знаком с его топографией: фильм «Терминал», прокрученный во время полета, снимался — с первого до последнего кадра — в лабиринтах именно этого аэропорта.

Для разворота своей философской саги о неприкаянности человека в современном мире Стивен Спилберг не нашел лучшего места, чем аэропорт – этот самый наглядный символ промежуточного человеческого состояния, когда ты уже выпал из привычной среды обитания, но ещё не освоился в новой.

Как все-таки живучи когда-то усвоенные штампы! Подлетаю к Нью-Йорку, а в голове непрошено всплыла бессмертная горьковская метафора «город желтого дьявола». В школе я долго не понимал, что стоит за этим «желтым дьяволом». Потом кто-то объяснил: золото. Уже тогда подумалось: это всё, что Алексей Максимович увидел? Дьявольская желтизна мегаполиса показалась ему, однако, недостаточной, и он с помощью физиологии решил усилить пафос: «огромная челюсть с неровными черными зубами», «сопит, как обжора, страдающий ожирением» — это о городе в целом, «скользкое, алчное горло, по которому плывут темные куски пищи, живые люди» — это о всяких стритах и авеню.

В идеологической накачке мифа о такой Америке, в антиамериканизме советского образца было что-то шизофреническое. Если вспоминали о США, то с приставкой «мировой жандарм», если о капитализме, то с обязательным добавлением «загнивающий». Вот такая презумпция тотальной виновности… Поль Робсон с Анджелой Дэвис, Сакко и Ванцетти, растленный Лас-Вегас, жуткие балахоны куклуслановцев–садистов работали на формирование мифа об Америке, символизируя жалкую нищету наших представлений о ней. Символ другой Америки — Статуя Свободы, подаренная Францией в 1886 и установленная на одном из островов нью-йоркской гавани – был заведомо нехорошим из-за явного намека на иную идею. И вот только сейчас я мог прочитать выбитые в основании статуи слова американской поэтессы Эммы Лазарус: «Дай мне твоих уставших бедняков, Их, жаждущих дышать свободно… Я поднимаю факел свой у врат златых!».

Это было время тотального внушения, суть которого описал русский американский прозаик С. Довлатов: наше учение – самое верное, наши луга – самые заливные, наши морозы — самые трескучие, наша колбаса – самая отдельная. Это было время блаженного самоупоения («мы впереди планеты всей»), демонстрации силы («но сурово брови мы насупим») и нереализуемых желаний (в ходу был анекдот: «Опять хочу в Америку (Париж и т. д.)! – А ты уже был там? – Нет, уже хотел»).

Потом «до сердца нашего дошли» незабвенные джазовые мелодии и имена их великих исполнителей: Дюк Эллингтон, Луи Армстронг, Бенни Гудмен, Элла Фицджеральд. Складывалось вопреки идеологической схеме предчувствие другой Америки, которая переставала быть только географическим понятием и только зловещим символом. Неподцензурная Америка доходила до нас на волне «Голоса Америки» и со страниц книг Уильяма Фолкнера, Эдгара По, Уолта Уитмена, Скотта Фицджеральда, Эрнеста Хемингуэя, сполна компенсируя антиамериканскую официальную риторику и возвращая образу Америки некую притягательность. Сначала марк-твеновские Том Сойер и Гекльберри Финн, потом джек-лондоновский Мартин Иден и последующие литературные откровения: «Убийство на улице Морг», «Последний из могикан», «Моби Дик», «Листья травы», «Шум и ярость», «Великий Гэтсби», «Прощай, оружие»… Карта округа Йокнапатофа, подписанная «Уильям Фолкнер, единственный владелец и хозяин», подтверждала реальность территории сильных человеческих характеров и страстей. Непреходящая сила художественного вымысла утверждала себя наперекор знанию о том, что такого округа никогда не было в Америке.

Встреча с реальной Америкой – лучший способ проститься с мифом о ней, отделяя зерна от плевел в необратимой переоценке ценностей. И узнать об иных, куда более привлекательных особенностях российско-американских отношений. Они отличались, о чем неоднократно я слышал в ходе поездки, открытой симпатией великих стран друг к другу и их тягой к взаимопознанию.

Начнем с того, что Россия и Америка никогда не были между собой в состоянии войны. Колоссальный вклад в развитие американской цивилизации внесли выходцы из России (без русских казаков, например, освоение Аляски и Калифорнии не было бы столь успешным). Вам расскажут в деталях о российской помощи американцам в годы войны за независимость от Британской империи (1775–1783), не говоря уже о щедром жесте российской короны — продаже Аляски и Алеутских островов в 1867 году. Немаловажным для судеб заокеанской страны было присутствие русского флота у берегов Америки в знак поддержки северян в их борьбе с рабовладельческим Югом во время Гражданской войны (1861–1865). Ну а боевой союз во Второй мировой войне, решивший её исход – это тема, как говорится, отдельная.

Уже в 1835 году в своей легендарной книге «Демократия в Америке» (проштудированной, кстати, Пушкиным) Алексис де Токвиль проницательно уловил сходство несходного — будущую роль в мире двух стран: «В Америке в основе всякой деятельности лежит свобода, в России — рабство. У них разные истоки и разные пути, но очень возможно, что Провидение втайне уготовило каждой из них стать хозяйкой половины мира».

Мало кто знает, что американские квакеры тщательно обследовали российские тюрьмы при Александре I, что одна из самых серьезных работ о феномене сибирской ссылки принадлежит американцу Джорджу Кеннану (1885).

Любимец советских читателей Теодор Драйзер вернулся из Москвы в 1928 году со словами: «Ни одна страна никогда не была в таком восторге от другой, как сегодняшняя Россия — от Соединенных Штатов». Через 16 лет российский социолог Питирим Сорокин, эмигрировавший в Америку и ставший профессором Гарварда, писал о совпадении «психологических, культурных и социальных ценностей» Америки и России и даже об их «конгениальности».

Стоит напомнить и о том, что лучший романтический гимн революции 1917 года пропел американец Джон Рид, хотя в сталинскую эпоху книга «Десять дней, которые потрясли мир», вдохновенно описывающая российские революционные будни, была под запретом. Его жена Луиза Брайант тоже написала книгу, но вместо «десяти дней» предпочла описать «Шесть красных месяцев в России» и после гибели мужа вышла замуж за Уильяма Буллита, будущего посла в России.

СТУДЕНТ, ФЛАГ И… УЛЫБКА

После беглого знакомства с Нью-Йорком, Цинциннатти, после довольно длительного пребывания в Альбукерке и Бостоне напросился первый и достаточно поучительный вывод: Америка не знает напряженного противостояния центра страны и периферии. Качество жизни, везде одинаково высокое, исключает саму возможность особого положения того или иного региона. Ненасытность жирующей столицы, оплаченная убогой отсталостью окраины – ничего подобного в Америке вы не найдете.

Взять тот же Альбукерке, основанный испанцами в 1706 году и названный в честь герцога Альбуркерке (первая «р» в названии исчезла). По всем параметрам город современный: бытовой комфорт, прекрасные дороги, обилие машин при почти полном отсутствии пешеходов, гипер- и супермаркеты, международный аэропорт, мощный транспортный узел. Но и не просто сохраняющий, а скорее ревниво оберегающий атмосферу провинциального уюта и покоя, приятный и узнаваемый привкус обустроенной глубинки. Застроенный высотками деловой и административный центр окружен частными домами в стиле местной (мексиканской по корням) архитектуры, чем-то напоминающей форму нашей горской сакли. Никаких гипертрофированных махачкалинских заборов: их отсутствие подчеркивает взаимоуважительную открытость и умиротворяющий простор городского пространства.

Пригласившая меня кафедра иностранных литератур и языков университета Нью-Мексико расположилась в университетском кампусе – в этом мини-государстве со своими культурными центрами, громадной библиотекой, щедро оснащенной доступными компьютерами, выставочными залами (в одном из них множество людей собирала выставка «Вьетнам глазами вьетнамцев» — обвинительный вердикт американской военщине, который американцы приняли с должным пониманием).

Оказалось, что предложенные мною темы в состоянии вызвать интерес в такой специфической аудито-

рии, как американская. Одна из лекций — об историко-культурном контексте развития литератур Дагестана и Северного Кавказа, другая — об общероссийской литературной ситуации в постсоветский период. Студенты, аспиранты, преподаватели старейшего в штате университета не только слушали, но и активно спрашивали. Особенно после публичной лекции на нелитературную тему «Северный Кавказ сегодня: есть ли альтернатива конфликтам?». Я попытался обосновать представление о нашей культуре как форме преодоления отчуждения. Говорил о большой кавказской культурной традиции, об идеале просвещенного кавказца, о полифоническом характере дагестанской культуры, не упуская из виду главную цель: убедить внимательных слушателей в том, что Северный Кавказ — это не только перманентное напряжение и регулярные вспышки насилия. Речь шла о возможной позитивной альтернативе кавказским конфликтам. Я призвал почтенную публику не воспринимать их как неискоренимые, навсегда присущие нашему региону. Опора на наши общезначимые культурные достижения позволила конкретизировать позитивный образ Кавказа, освобождая его из плена политической конъюнктуры. Кажется, удалось, если судить по заданным вопросам и явному интересу к «другому» Кавказу — творчески-созидательному и культурно открытому навстречу миру.

Этот интерес, однако, возник не во время моих выступлений, а до моего появления в местной аудитории. Надо отдать должное усилиям профессора Байрона Линдсея, благодаря которому культурная проблематика Кавказа получила прописку в научных планах университета. Я был приятно поражен, когда увидел на его рабочем столе книги по Дагестану, выписанные из библиотек Чикагского, Мичиганского, Канзасского университетов. Не поленился запомнить названия наших книг, радуясь их востребованности на другом конце света: «Десять лет научных работ в Дагестане» (1928), А. А. Тахо-Годи «Лев Толстой в “Хаджи-Мурате”» (1928), «Дагестанские повести и рассказы» (1960), московское издание избранных произведений Р. Гамзатова на английском языке (1974), К. Д. Султанов «Этюды о литературах Дагестана» (1978), «Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия» (1997), «Народы Дагестана» (2002).

Должен заметить, что в своем черном костюме и при галстуке я выглядел на лекциях как белая ворона. Вся профессура, не говоря уже о студентах, была в одежде подчеркнуто спортивного стиля. Университетские чиновники щеголяли в светлых кроссовках и почти поголовно были в джинсах, что заставляло думать о несуществующей четкой границе между теми, кто учится, и их наставниками.

Это и другие обстоятельства подвинули к пониманию специфики местной университетской жизни, определяемой ключевым понятием «права личности студента». Эти права как священная корова не подлежат даже обсуждению. Пьющего, кушающего, хрустящего чипсами студента во время лекции нельзя беспокоить: у него есть право на утоление голода. Жалобу на преподавателя нельзя оспаривать: студент всегда прав. Учится плохо, пропускает занятия? Виноват преподаватель, не способный сделать учебу и посещение привлекательными.

Добавьте ради полноты картины к этим моральным установкам разгулявшийся феминизм: нельзя открыть дверь перед женщиной – она может воспринять этот жест как намек на её слабость, нельзя предлагать свою помощь – она может посчитать неуместным подобное предложение и т. п. Если в своем кабинете вы беседуете со студенткой, то дверь обязательно должна быть открытой: недремлющее общественное око не позволит вам нарушить субординацию.

В конце семестра студент заполняет особую форму, где раздает преподавателям оценки и тем самым решает их судьбу. Доходит и до абсурда. Один из профессоров рассказал удивительный случай, который мог стоить ему работы. Он привез группу своих студентов в Михайловское и, естественно, привел их к месту погребения Пушкина. Местный экскурсовод предложил возложить, как принято, цветы на могилу. Каждый студент получил по гвоздике, но одна девушка наотрез отказалась участвовать в церемонии возложения, мотивируя отказ своим полным незнанием русского поэта. Настоятельная просьба не нарушать устоявшуюся традицию была отвергнута как посягательство на её право выбора. Разумеется, по возвращению домой эта студентка накатала жалобу, которая чуть было не сломала карьеру профессора.

Местная профессура состоит в основном из тех, кто читает «Нью-Йорк Таймс», что означает приверженность идеалам либерализма. Мне показали штаб сторонников Керри на только что прошедших выборах — их большинство в городе. Отъявленные либералы ругали победивший консерватизм, не скрывая своего недовольства политикой Буша (особенно в Ираке, который называли вторым Вьетнамом). Немало иронических стрел вызвали неуклюжие оговорки Буша типа «Мы самая великодушная страна в мире. Мы очень великодушные. Я горжусь тем, что мы такие велико-

душные. Но, несмотря на наше великодушие, мы не должны хвастать своим великодушием». Или из того же репертуара: «Господь любит вас, и я люблю вас. И вы можете рассчитывать на нас обоих…»

Тем не менее, куда более заметна другая тенденция: потребность по любому поводу декларировать свою любовь к Америке. Почти поголовная страсть вывешивать национальный флаг перед или над своим домом выдает не инспирированный сверху, а глубоко укоренившийся патриотизм, особое, чтобы не сказать — трепетное отношение к государственной символике. Когда я проявил интерес к этому вопросу, мне тут же выдали историческую справку: впервые флаг использовали в сражении при Брэндиуайне в 1777 году, а над иностранной территорией впервые его подняли в следующем году после захвата британского форта в Нассау на Багамских островах.

Существует безмерно почитаемый «Кодекс о флаге США». В подробностях расписано, как люди в военной форме должны стоять по стойке смирно лицом к флагу. А вот гражданские должны снять головной убор правой рукой и держать его у левого плеча так, чтобы правая рука лежала на сердце. Если флаг находится от вас в шести шагах, то вы должны салютовать ему до тех пор, пока он не удалится от вас.

Демонстрация верности символике выполняет и консолидирующую функцию. Патриотическое воодушевление обеспечивает единство полиэтнической Америки. Чувство общенациональной гордости явно доминирует, но не за счет утраты естественной этнической самобытности. Она свободно реализуется в сфере культурного самоосознания, бытовой эстетики, национальной кухни (на каждом углу итальянские пиццерии, японские, русские, китайские, кавказские и многие другие рестораны). Действуют многочисленные программы поддержки этнических меньшинств. Не надо никому доказывать, что культурное различие, как и свобода вероисповедания — условие развития демократического общества. Но есть и другое — воля и решимость жить вместе вопреки этнической разноголосице. Есть верхний этаж в иерархии идентичностей, неоспоримая надэтническая ценность – единство гражданского самоощущения, интеграция различий, эффективный опыт общения поверх конфессиональных и этнических границ.

Иной вовсе не означает чужой — вот ещё один поучительный урок современной Америки. Похоже на то, что Америка раз и навсегда изжила квасной патриотизм в его узконационалистическом обличии. Состав административных учреждений или американской армии, подбор телевизионных ведущих или голливудских героев-негров — всё напоминает о торжестве этнического и расового плюрализма. Сейчас здесь в принципе невозможно декларировать умонастроение, подобное тому, которое вынес на обложку своей недавней книги российский политолог А. Ципко «Россию пора доверить русским».

Политкорректность к национальности, другому цвету кожи, к разрезу глаз, к физическому состоянию человека доведена до возможного предела. Вам объяснят, что нельзя назвать толстяка толстяком: лучше сказать «человек солидного телосложения». Нет инвалидов, а есть «ограниченные в передвижении». Мы минут сорок колесили с одним преподавателем в поисках места для парковки, но когда я обратил внимание на обширную свободную площадку, то мне объяснили, что это место только для машин инвалидов, и нарушение правила грозит колоссальным штрафом.

Такое впечатление, что напрочь выбита из общественного сознания установка и на возможную дискриминацию по религиозному, расовому, половому признаку. Популярный когда-то обвинительный ярлык «ниггер» (почти аналог наших действующих обывательских присказок «черные», «азики», «хачики» или претендующих на обобщение «лица кавказской национальности») уступил место лояльному определению «афроамериканец» с ударением на идею гражданской принадлежности.

А ведь совсем недавно Мартин Лютер Кинг у Мемориала Линкольна в Вашингтоне в присутствии более 200 000 человек разных цветов кожи вдохновенно говорил о своей мечте, которая тогда, в 1963 году, казалась неосуществимой: «У меня есть мечта о том, чтобы в один прекрасный день… сыновья бывших рабов и сыновья бывших рабовладельцев могли сесть за общий стол братства... У меня есть мечта о том, чтобы наступило время, когда четверо моих маленьких детей будут жить в стране, в которой о них будут судить не по цвету кожи, а по достоинствам их личности».

В те же годы президент Кеннеди вынужден был приказать отряду национальной гвардии сопровождать в университет студента-негра, которому расисты угрожали расправой. Великий по смысловой перспективе политический жест, после которого Америка стала другой и спасла себя от страшных социальных потрясений. Страна успешно прошла школу моральной переподготовки, осваивая трудную науку терпимости и уважения к другому.

Плавильный котел поработал на славу, выдавая на гора крепкий сплав общей гражданской идеи. Никто не призывает к обязательной «дружбе народов», диалогу культур и конфессий: они органично присутствуют в общественной жизни и в сознании. Разнообразие превращено в источник силы, солидарности и социальной гармонии. Мусульманский центр Дар-аль-Ислам в штате Нью-Мексико, состоящий из мечети, гостиничного комплекса и школы, мирно соседствует с протестантской церковью и синагогой.

На фоне состоявшейся американской нации воспоминание о несостоявшемся советском народе отдает понятной горечью. Кто мог думать, что наш затасканный до дыр идеологический штамп «единство в многообразии» обретет второе дыхание далеко за океаном? Высмеянный в ельцинскую эпоху смысл припева — «мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз» — оказался реализованным в другом месте и в других обстоятельствах. Выходцы из Латинской Америки, Европы, Азии проникают в Америку с мечтой жить по формуле «мой адрес — Соединенные Шта-

ты Америки», если, конечно, иммиграционная служба найдет нужным одобрить эти чаяния…

Стоит напомнить, что Соединенные Штаты изначально возникли как страна иммигрантов-первопоселенцев в основном ирландского и шотландского происхождения, которые выжили благодаря взаимоподдержке. Освоению новых земель сопутствовал процесс складывания американской нации, которая стала нечто большим, чем просто совокупность автономных этнокультурных миров.

Легендарные федералисты, стоявшие у истоков борьбы за независимость Америки в XVIII веке, предпочитали понятие «народ» употреблять в значении «коллектив граждан». Александр Гамильтон настойчиво призывал придать «патриотизму привлекательность человеколюбия» и «культивировать дух взаимного дружелюбия и согласия». Джон Джей, первый Верховный судья США, говорил о «сообществе братьев, объединенных теснейшими узами», настаивая на «глубоком сознании ценности и благословенности объединения». В университетской библиотеке Нью-Мексико я вычитал слова одного из лидеров борьбы за независимость: «На нашем континенте не должно быть ни новоангличан, ни ньюйоркцев и прочих; мы все должны быть американцами. Я не виргинец, я – американец».

В ряду общенациональных символов (флаг, герб, гимн), в перечне постоянных примет американской жизни (небоскреб, кадиллак, Голливуд) свое устойчивое место занимает американская улыбка. Чуть было не сказал – пресловутая…

Эта улыбка доставляла немало хлопот советским публицистам, которые ничего в ней не находили, кроме наигранного оптимизма и показной вежливости. Наверное, нередко оптимизм был действительно наигранным. Но по большому счету — что плохого в постоянной демонстрации своей вежливости и радушия? В любом случае это лучше, чем обременять окружающих своим дурным настроением и озабоченностью.

Улыбка – визитная карточка уверенного в себе человека, не позволяющего себе перекладывать на плечи другого свои проблемы. Конечно, в рамках соблюдаемых внешних условностей может не оказаться места для эмоциональной теплоты и того, что мы называем «поговорить по душам». И далеко не все безболезненно переносят этот дефицит душевности. Депрессия и угнетенность настолько распространены, что хорошие психотерапевты идут нарасхват. Мне говорили о повышении спроса на антидепресанты. Добавьте к этому и другую причину, о которой американец говорит почти с содроганием как об источнике возможного банкротства — невозможность оплатить счета за лечение. Одна из цифр меня поразила: каждый год платные врачи разоряют около 2 млн американцев.

Это, так сказать, оборотная сторона медали. Главным же остается всё та же готовность улыбаться всегда и везде. Традиция перманентной улыбки культивируется осознанно и давно. Здесь с почтением вспоминают Ральфа Уолдо Эмерсона (ум. в 1882 г.) – духовного наставника, учителя-гуру, автора морального кодекса строителя американского образа жизни. Романтически-страстный проповедник нравственного совершенствования, он говорил о законе справедливости как основе этической доктрины свободного человека: «осуществление справедливости никогда не откладывается… Каждый секрет бывает раскрыт, каждое преступление наказано…» Известные работы Эмерсона «Доверие к себе», «Самодостаточность» всегда обильно цитировались, а вот в царской России за их чтение даже ссылали: какому тогдашнему чиновнику понравились бы рассуждения о том, что «…человек не плакучая ива», что «никто, кроме вас самих, не принесет вам умиротворения, ничто, кроме триумфа принципов, не принесет покоя». Не иначе, как призыв к революции, прикрытый моральной дидактикой…

Столь же популярна в Америке книга протестантского пастора Нормана Пиля «Сила положительного мышления» (1952). В том же духе оптимистического преодоления трудностей (их «надо анализировать и устранять, не нужно усиливать их страхом») вам предлагается постоянно практиковать уверенность в себе, которая напрямую зависит от того, «какие мысли обычно занимают вас. Если вы думаете о поражении, вы будете поражены…» Вектор «положительных мыслей» превратил улыбку в символ преодоленного беспокойства и в обязательную эмблему позитивной самоуверенности. Это умение «подать себя», эта приветливость, требующая от тебя ровного и равного обращения со всеми (начальник или подчиненный – абсолютно не важно) властно формировали национальный характер, превратившись в неотъемлемую часть американской культуры.

ИНДЕЕЦ В МИРЕ БЕЛЫХ

Я оказался в Америке в те дни, когда все отмечали свой самый любимый праздник — День благодарения. И только там узнал, что не было бы никакого благодарения, если бы не индейцы… Английские поселенцы, прибывшие в Америку на берега Массачусетса в 1620 году, благодарили судьбу в следующем году за то, что выжили после суровой первой зимы. Выжили с помощью коренных жителей — индейцев из племен вампаонг и пекамид, которые делились зерном, показывали рыбные места, давали семена для посева, помогали обрабатывать почву и разводить кукурузу. И сейчас праздничный обед состоит из блюд, которые подавались благодарным первым пилигримам: жареная индейка, клюквенный соус, картофель, тыквенный пирог.

Так я впервые услышал о вампаонгах и пекамидах. С детства завораживающе звучали другие имена: «апачи», «ирокезы», «чероки», «сиу», «навахо» (самое крупное, кстати, индейское племя). Романтическим ореолом были окружены и прозвища вождей индейцев типа Сидящий Буйвол или Дикий Конь. Все эти слова — самоназвания коренных американцев, которые ни на одном из своих языков – а их насчитывают до трехсот — не говорят о себе как об индейцах. Заслуга введения этого слова принадлежит Колумбу: ошибочно приняв место своей американской высадки за Индию, он поспешил назвать аборигенов «индейцами».

Индейская тема возникла не случайно: незабываемый день мне довелось провести в священном Небесном Городе — одном из старейших поселений на территории США, основанном племенем акома (ударение на первом слоге) где-то между X и XIII вв. Этот этнографический заповедник индейской культуры пользуется, судя по активности не только американских туристов, огромной популярностью, как и ежегодная ярмарка индейского искусства и ремесел. Но для самих акома это место пребывания великих духов (тоже на первом слоге), расположенное на вершине 100-метровой горы. Европейцы, точнее – испанцы впервые открыли его в 1539 г. Через шесть десятилетий конкистадоры умудрились наполовину истребить многочисленное и миролюбивое племя. Огнестрельное оружие оказалось сильнее испытанной тактики внезапных нападений, когда индейцы, по словам одного миссионера, «подкрадывались как лисицы, сражались как львы и исчезали как птицы».

Здесь мне рассказали о выросшей в резервации Лесли Силко — известной американской писательнице индейского происхождения из племени лагуна пуэбло, которую Совет по гуманитарным наукам штата Нью-Мексико объявил «живым культурным достоянием». Она закончила университет Нью-Мексико, начинала как поэт книгой «Женщина племени лагуна», но подлинную известность принес роман «Ритуал». Силко выводит образ индейского реформатора, который решает получить признание в мире белых, покончить с обособленностью и зависимостью от материнской традиции. Ради поставленной цели — «побеждать в большом мире белых» — он готов на всё, вплоть до утраты своей самобытности. Одержимый мечтой «увидеть другие места и других людей» он идет на войну и в итоге умирает от ран в японском плену, вспоминая о родной земле, отобранной у его предков и превращенной в полигон для испытаний атомной бомбы. Силко дает понять, что пожертвовать своей идентичностью не значит вписаться в другой мир. Отказ от специфики дает иллюзию приспособления. Путь должен быть другим: сохраняя свое лицо и не отрекаясь от корней, войти в большой мир как его полноправный участник.

В истории Америки многие коллизии возникали по причине незнания и непонимания индейцами принципа «частной собственности»: они исходили из того, что земля создана для всех и принадлежит всем. Племя шиннекок использовало остров Манхэттен для рыболовства и охоты на бобров, оленей, диких индеек, но никогда там не жило. Когда первые колонисты купили у них эту землю и стали возводить будущий Нью-Йорк, то индейцы искренне возмущались тем, что их перестали пускать на освященную духами предков землю.

При всей остроте противостояния (вооруженные конфликты продолжались почти триста лет) белые американцы многое заимствовали у индейской культуры. Табак, картофель, кукуруза, помидоры, как и каноэ с мокасинами — индейский подарок европейцам. В названии некоторых штатов звучат индейские слова: Массачусетс, Огайо, Мичиган, Канзас, Айдахо.

С конца XVIII века за индейскими племенами стали закреплять территории (резервации), но потом отказались от такого подхода как провоцирующего обособление от общей жизни страны. Были задействованы федеральные программы интеграции, переселения в города. Жутким напоминанием о былом вытеснении индейцев из общественной жизни остались в истории объявления типа «Собакам и индейцам вход запрещен». Сегодня и в Нью–Мексико, и по всей стране действуют организации борцов за политические права индейцев: Ассоциация племенных вождей, Конгресс американских индейцев, Национальный совет индейской молодежи. Последний находится в Альбукерке и издает журнал «Американцы до Колумба». Популярна Национальная галерея славы знаменитых американских индейцев.

КОНГРЕСС И КУЛЬТ КНИГИ

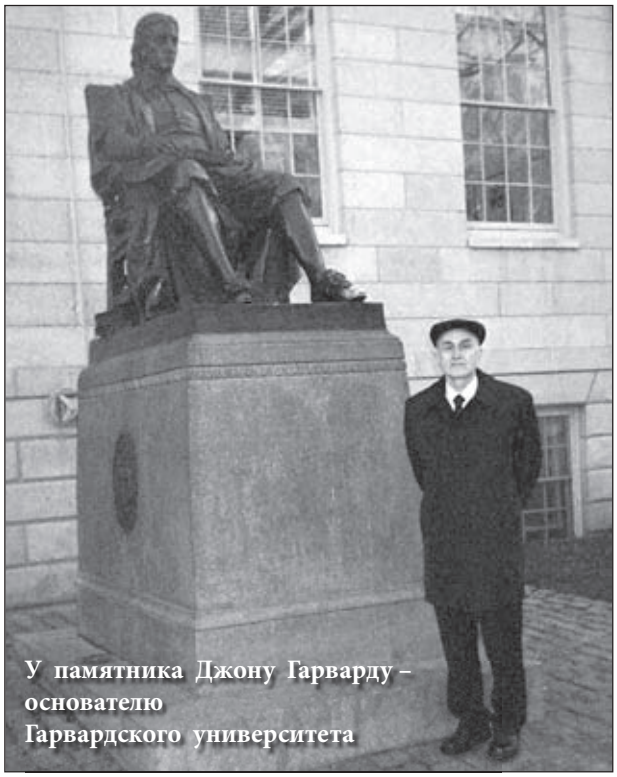
На подлете к ночному Бостону, административному центру штата Массачусетс, открывается фантастическое по красоте зрелище: десятки залитых электрическим светом островов, соединенных с побережьем прекрасными дорогами.

Основанный ещё в 1630 году Бостон — один из старейших городов США. Его особое значение в истории страны определили два фактора. Во-первых, отсюда началось освоение континента. Строгие и твердые в своих религиозных убеждениях, одержимые поисками духовной свободы, пуритане хотели построить в Новой Англии «Град на холме» — идеальное общество. Поэтому второе обстоятельство вытекает из первого: здесь возник главный очаг сопротивления имперской политике Британии (тайная организация «Сыны свободы»). Особая роль города в Войне за независимость (1775–1783) отмечена присуждением ему официального звания «Колыбель революции». Без свободолюбивого Бостона не было бы Парижского договора 1783 года, по которому Англия признала независимость Америки.

С этим городом связана жизнь и деятельность второго и шестого президентов США — Джона Адамса (1797–1801) и его сына Джона Куинси Адамса (1825–1829). Отец был участником Континентальных конгрессов и одним из тех представителей тринадцати штатов Америки, которые подписали 4 июля 1776 года Декларацию Независимости. Сын до своего президентства успел побывать в эпоху Александра I посланником США в России.

Славу Бостону принесли и два знаменитых учебных заведения — Гарвардский университет, старейший частный университет в стране, и Массачусетский технологический институт, крупнейший центр инноваций. Пуританская колония и здесь сыграла ведущую роль: на основание колледжа в 1636 году собрали 400 фунтов стерлингов, остальное добавил священник-филантроп Дж. Гарвард, именем которого и был назван реорганизованный в университет колледж.

Именно при Гарвардском университете была в 1948 году создана Американская ассоциация содействия славистским исследованиям. Для участия в её 36-м Национальном съезде мы и прибыли в Бостон с группой профессоров из университета Нью-Мексико. Эта одна из крупнейших и очень авторитетных в мире научных



У памятника Джону Гарварду – основателю Гарвардского университета

организаций объединяет специалистов по проблемам изучения России, стран Восточной Европы, Центральной Азии и издает ежеквартальный журнал «Славик ревью».

На конгрессе сразу – без привычных для нас общих пленарных заседаний — началась работа в тематических секциях. Работали десятки секций по политологии и истории, культурологии и филологии, социологии и этнологии. Головная боль сразу дала знать о себе: как успеть на самые интересные выступления, которые проходили на разных этажах в разных аудиториях фешенебельного отеля Мариотт? Одновременно работали, например, секции по кавказской проблематике. На одной Син Поллок из Гарвардского университета представлял новые материалы о деятельности Потемкина на Кавказе. На другой в это же время Дана Шерри из университета Беркли анализировала особенности колониальной политики в последнее десятилетие Кавказской войны (1855–1864). На третьей, которая получила интригующее название «Советская война против пятой колонны. 1936–1945», Джеффри Бердс проанализировал ситуацию в Чечне до её депортации в 1944 году. Успокаивало то, что я был в тот день свободен и мой доклад запланирован на другой день. Иначе никуда бы не успел.

Но и в последующие дни тот же напряженный режим перетекания из одной аудитории в другую. Как пропустить обсуждение таких тем, как «терроризм и литература», «Россия и Кавказ в судьбах выдающихся личностей», «роль и место царского генерала Р. Фадеева в кавказской политике», «последний евразиец» (о Льве Гумилеве)? Не говоря уже о таких «горячих», как «коррупция и власть», «путинская Россия. В чем цель антилиберализма?», «новый федерализм» в современной России и т. п.

Сами названия секций и докладов были сформулированы намеренно интригующе: «Темная сторона Пушкина», «Ирония и идеология», «Данте и русский модернизм», «Марина Цветаева как поп-звезда: как постсоветская Россия читает Цветаеву», «Украинская литература как выражение национального бедствия», «Украинская интеллигенция и польское восстание в 1863 году», «Белорусско-еврейские отношения в XX веке», «Еврейский вопрос в русской литературе XIX–XX веков», «Достоевский и антисемитизм» …

Кавказ наряду с Украиной, Балканами, Центральной Азией привлекал повышенное внимание. Впервые в рамках съезда работала секция, посвященная кавказским литературам. Б. Линдсей говорил о традициях культурной репрезентации Кавказа. К. Хокансон на примере пушкинских текстов проанализировала особенности художественной актуализации кавказского мира. В своем докладе «Между свободой и судьбой» я попытался сопоставить различные литературные трактовки темы Кавказской войны XIX века. На фоне инонационального восприятия лучше видишь своеобразие взгляда изнутри (литературы Северного Кавказа). Культурологический анализ двух подходов к одному явлению позволил выявить глубинный смысловой код взаимопознания поверх барьеров военного противостояния. Один из них восходит к богатейшему опыту русской и зарубежной литературы, другой сформировался в рамках национальной культуры Дагестана и Северного Кавказа. Состоялись исторически значимые диалоги несопоставимых поначалу культурных миров, встреча мощной инокультурной традиции описания-осознания кавказской трагедии и нашего национального самосознания. Итоги дискуссии по моему докладу подвел канадский профессор П. Аустин. В работе секции приняли активное участие не только ученые, но и члены Ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Все единодушно высказались за продолжение сотрудничества в изучении литератур и культур Северного Кавказа, за усиление позиций кавказоведения на предстоящих международных научных форумах.

Помимо научных мероприятий конгресс запомнился широко развернутой презентацией многочисленных американских и европейских издательств, предложивших тысячи книжных новинок.

Среди кавказоведческих изданий выделялись три книги. Прежде всего, исправленное нью-йоркское издание книги Лесли Бланч «Сабли рая». Если на суперобложку известного дагестанцам лондонского издания 1960 года была вынесена картина перехода отряда горцев через реку, то обложку нового издания украсило поданное крупным планом лицо Шамиля.

Большой интерес вызвала книга Л. Келли «Лермонтов. Трагедия на Кавказе». Издательство университета Чикаго представило работу Н. Гриффина «Кавказ. Путешествие в страну между христианством и исламом». Недоумение, правда, вызвала обложка: неужели автор, размещая рядом портреты имама Шамиля и Басаева, всерьез полагает, что великое дело первого и нынешняя деятельность второго преемственно связаны?

Из книг, посвященных исламу, назову две: гарвардский сборник «Исламская законодательная школа. Эволюция, упадок и прогресс» и работу Ш. Хантер «Ислам в России. Политика идентичности и безопасности». Не могу не упомянуть такие бестселлеры, как «Сталин. Биография» Р. Сэрвиса и сборник «Русская мафия». Обещают стать популярными книги Д. Херспринга «Путинская Россия. Несовершенное прошлое, неопределенное будущее», Дж. Блэка «Владимир Путин и новый мировой порядок», Уильяма Таубмана «Хрущев: человек и эпоха». Последняя содержит любопытные подробности. Когда Хрущев передал американцам рукопись своих мемуаров, те выразили сомнение в их подлинности. В Москву тайно привезли две различные по цвету и форме шляпы и попросили Хрущева в них сфотографироваться. Бывший советский лидер мгновенно выполнил просьбу заокеанских империалистов, подтверждая свою готовность сотрудничать с ними. Ирония исторического каприза… Как тут не вспомнить еще один анекдот: Хрущев говорит Кеннеди: «Я болел за вас на выборах президента США» и получает в ответ: «Хорошо, что американцы не знали об этом».

По российской проблематике обратили на себя внимание 7-томная «История сталинского Гулага. Конец 20-х – первая половина 50-х годов» (московское издательство Росспэн), сборник «Российский Восток. Имперские границы и народы. 1700–1917», монографии О. Хлевнюка «История Гулага. От коллективизации к большому террору» (Йельский университет) и Д. Горенбурга «Мобилизация этнического меньшинства в Российской Федерации».

Профессор Ричард Роббинс, выступивший с докладом о дореволюционном московском градоначальнике Джунковском, сказал мне о выходе в свет в ближайшее время фундаментальной книги о Дагестане Джерри Хамбурга, подготовленной Нотрдамским университетом.

Запомнилась беседа с директором известного издательства «Славика» Джорджем Фулером (Индианский университет). Начали с обсуждения возможного издания моей книги, но потом он заговорил о конфликтах на Кавказе, о дефиците политической культуры и здоровой прагматике. Фактически мы стали обсуждать перспективы гражданского общества в регионе и нашу способность адаптироваться к современным вызовам. Первоначальное ироническое недоумение американского собеседника по поводу кавказского неумения договариваться плавно перешло, как мне показалось, в заинтересованное и уважительное отношение к самоценности другого мира.

Мощь издательской индустрии, продемонстрированная на конгрессе, была бы невозможна без того, что можно, не впадая в преувеличение, назвать культом книги. Досужие разговоры о бездуховности американцев, погрязших в материальном потребительстве (один философствующий европеец обозвал их «дикарями в небоскребах») легко опровергаются их трепетным отношением к обустройству библиотек.

Самое интересное здание на территории Гарвардского университета принадлежит библиотеке, в которой содержится свыше 10 млн томов и около 6 млн микрофильмов (третья по фондам в США). А всё началось с 260 книг, которые Джон Гарвард в 1638 передал основанному колонистами колледжу. Должен сказать, что посещение этого дворца Книги оставляет сильное и незабываемое впечатление. Не меньшим потрясением стал визит в Бостонскую публичную библиотеку — старейшую муниципальную библиотеку страны, которая расположена в одном из лучших зданий города.

Доступ к фондам во всех библиотеках открыт любому желающему. В знаменитой Библиотеке Конгресса, основанной в 1800 году для его членов, достаточно показать паспорт, и тебе тут же выдадут читательскую карточку. Начинала эта библиотека с трех географических карт, а сегодня насчитывает 126 миллионов единиц хранения, среди которых книги на всех языках народов России. Когда Томаса Джефферсона, третьего президента США в 1801–1809 гг., спросили о целесообразности собирания всех книг без исключения, он ответил: «Нет такой области знания, которая не могла бы понадобиться члену конгресса».

НОВАЯ ИМПЕРИЯ?

Сегодня в Америке много и активно говорят о новой роли США в XXI веке. В частных беседах, на страницах газет и журналов все рекорды по частоте употребления бьет понятие «цивилизаторская империя нового типа». Америка переживает бум имперской риторики, полным ходом идет легализация понятия «империя»: это слово перестала быть бранным.

Неамериканцев прямо-таки шокирует откровенность новых имперских притязаний. США словно загипнотизированы своей военной и технологической мощью (стоит напомнить, что сухопутные силы США размещены более чем в 40 странах на всех континентах, что у них более 700 военных объектов за пределами США). Запомнилось хлесткое и отрезвляющее название одной статьи Збигнева Бжезинского «Новый век солидарности? — Не рассчитывайте на это». Положение единственной сверхдержавы, выигравшей геополитический поединок с Советским Союзом, кружит голову. Домашние представления о «высоком предназначении» формируют особый тип самовосприятия: мы — архитекторы нового мирового порядка, а экспорт демократии – наше любимое занятие.

Страшно озабоченные «продвижением демократии в мире», американцы оригинально трактуют свои национальные интересы: соответствие или несоответствие им становится критерием оценки поведения других стран. Словосочетание «борьба за демократию» позволяет легитимизировать любую военную акцию.

На рубеже XX и XXI веков Америка пережила неоконсервативную революцию. Имена таких неоконсерваторов, как Роберт Каплан, Джон Муравчик, Уильям Кристол (его журнал «Уикли Стэндерд» — рупор имперских настроений), Роберт Каган, Майкл Бут (редактор газеты «Уолл Стрит Джорнал») не сходят со страниц изданий. В книге последнего «Войны с целью достижения мира: малые войны и взлет американской

мощи» расписывается «привлекательная империя», «империя свободы», во имя интересов которой «не следует бояться свирепых войн ради мира».

Вера в свою миссию во имя блага и спасения человечества (в том числе от терроризма) несет в себе черты религиозной одержимости. Неоконсерваторы убеждены в том, что приверженность своим идеалам свободы и демократии предполагает готовность распространять их в качестве универсальных, не останавливаясь перед превентивными ударами по несмышленым странам. Убеждены в своем моральном праве отвечать за всех, возложенном на них самим Всевышним. Глобализм как «единственно верное учение» становится идеологическим прикрытием нового имперского строительства и контроля над планетой.

Подобное умонастроение, тяготеющее к монополизации истины, имеет свои историко-культурные предпосылки. Ещё в 1786 году Джеймс Медисон говорил о «великой, уважаемой и процветающей империи». Пафосом мессианского универсализма насквозь пропитаны откровения Германа Мелвилла, автора аллегорического романа «Моби Дик» (1851): «Мы несем ковчег общемировых свобод. Бог предназначил наш народ для великих дел…Мы – первопроходцы человечества…» О «глобальной борьбе за свободу» любил порассуждать Рональд Рейган. Ту же борозду продолжает Джордж Буш-младший: в послании о положении в стране (2003) он объяснил миру, что «свобода, которую мы ценим, — это не американский дар миру, это Божий дар человечеству». Никак не меньше…

Нетрудно назвать такого рода взгляды несколько упрощенным восприятием окружающего мира. «Мы» — это те, кто призван передать другим факел подлинной демократии. «Они» — это те, кто обязан его благодарно принять. Популярный сегодня антиамериканизм, похоже, в расчет не принимается. Как и предостережение одного из первых президентов США Джона Адамса: Америка «могла бы диктовать миру свою волю, но тогда она уже не смогла бы оставаться хозяйкой своего собственного духа».

Жить с миром в мире, может, и не получится. Один из публицистов воскликнул в сердцах: «Самая мощная держава мира не понимает мира вне ее границ. Караул!». Пути истории поистине неисповедимы: ушедшая вперед Америка может оказаться в зоне гордого одиночества. Наполеоновский комплекс может сыграть злую шутку, а статус единственной сверхдержавы может таить в себе элементы будущего распада. История развалившихся Британской, Османской, Австро-Венгерской и Советской империй нависает как предупреждение, хотя в нынешней Америке подобные сопоставления принято считать неуместными. Но факт остается фактом: корабль американской политики не всегда соизмеряет свое движение с возможными рисками и подводными камнями. Америка явно переоценивает готовность других стран подыгрывать ей и особо не утруждает себя оглядкой на их добровольное согласие или на то или иное национально-культурное своеобразие.

За пределами США резкую общественную реакцию вызвало сравнение антитеррористической операции с новым крестовым походом. Неосторожная оговорка Буша мгновенно отослала мусульманский мир к незабываемой эпохе жестоких крестовых походов во имя освобождения Святой земли. В ответ Америке напомнили, что был такой полководец Саладин, который отбил у крестоносцев Иерусалим в XII веке, одержав победу над английским королем Ричардом Львиное Сердце. Не обошлось и без комментария Бен Ладена, который тут же призвал мусульман стать наследниками великого воина в борьбе с христианским Западом.

Надо признать, что в самой Америке достаточно активны не только неоконсерваторы, но и их оппоненты. Позиция критиков теории нового имперского величия красноречиво обозначена в названии книги К. Престовица «Страна — изгой. Односторонние действия Америки и крах благих намерений». Во время пребывания в Бостоне я наслышался о нашумевшей книге известного романиста Гора Видала «Имперская Америка: размышления о Соединенных Штатах Амнезии» (амнезия — отсутствие памяти) и об интервью в связи с её выходом. На вопрос о будущем писатель ответил так: «Господи, помоги нам не разозлить Китай. Их ведь намного больше, чем нас…»

УЕХАТЬ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ

Открывая Америку, открываешь и себя, перерастая привычные границы. Познание Америки – это не только изгнание стереотипов, но и зеркало, в котором лучше видишь свои недостатки. Америка вынуждает не только сопоставлять, но и думать, вглядываться в себя родного на фоне совсем другой жизни. Автопортрет в американском интерьере — замечательный повод превратить опыт приобщения к иной цивилизации в школу самопознания.

Америка подталкивает к пониманию одной истины: в современном мире мы все — люди, народы, культуры — скованы одно цепью и уже нельзя жить «с широко закрытыми глазами», если вспомнить название фильма Стэнли Кубрика. К пониманию того, что несходство, разнообразие – не помеха, а условие подлинного взаимопонимания. Что настоящая свобода есть система самоограничений, а не вольница и не беспредел. Что пора овладевать искусством жить в мире с миром. Не против Америки и не с Америкой, а вровень с ней – по уровню и качеству жизни.

Любая страна, которую доводится посещать, становится местом встречи с ней и — с самим собой. Мы уезжаем, чтобы вернуться к себе другим человеком. Халилбек Мусаясул, наш великий художник и изгнанник, нашел последний приют в Америке, но никогда духовно не уезжал из Дагестана, сохраняя в душе мелодию главного смысла: «…обойдя весь мир, ведомый воспоминаниями, я всё равно вернусь на Родину, даже если мое паломничество будет долгим, может быть, продлится всю мою жизнь».

Можно уехать на короткое время, на долгие годы и даже навсегда, но «всё равно» никуда не уедешь от данного тебе места рождения и, следовательно, от себя самого.

БАДы: РЕКЛАМА И РЕАЛЬНОСТЬ

Шамиль ОМАРОВ,
зав. кафедрой фармакологии Даггосмедакадемии академик Международной Академии наук, профессор

В последнее время средства массовой информации широко рекламируют биологически активные добавки (БАДы) для лечения многих заболеваний. Агрессивная реклама вводит в заблуждение неискушенных больных, желающих избавиться от многочисленных заболеваний, и здоровых, использующих их для профилактики.

Некоторые отечественные и зарубежные специалисты считают, что применение лекарственных трав и БАДов – это «мостик» между традиционными лекарствами и высоконаучной медициной. Этот «мостик» с каждым годом все расширяется, и стал уже «главной магистралью» во всем мире, в том числе и в Дагестане.

Впервые БАДы стали появляться в 60-е годы в США. По внешнему виду упаковка многих из них как две капли воды похожа на упаковку традиционных лекарств, как и сам их внешний вид. И те и другие продаются в аптеках и нередко соседствуют на одной полке. Каких-либо правил, регулирующих выкладку лекарственного средства (ЛС) и БАДов, не существует. С точки зрения маркетингового анализа, лекарства и БАДы, представленные в качестве лечебных средств, неотличимы друг от друга. Они конкуренты на аптечном рынке и соревнуются в борьбе за покупателя. И все чаще в этой гонке лекарства оказываются аутсайдерами.

Первоначально БАДы были простыми комплексами из витаминов и минералов. Впоследствии в их состав стали входить различные компоненты: лекарственные травы, экстракты и порошки из различных, в том числе и экзотических, «природных» продуктов, ткани животных. До недавних пор считалось, что витамины и лекарственные травы, являясь «натуральными продуктами», безвредны. Но сегодня потребители этих «натуральных продуктов» не учитывают, что эффективность и безопасность многих из них не доказана, а полученные к настоящему времени сведения о свойствах многих компонентов БАДов позволяют говорить о вреде их применения.

Так же, как и в случае с лекарственными травами, нет достаточно убедительных научных доказательств эффективности витаминных комплексов в составе БАДов, не всегда известны точные дозировки, не учтено взаимодействие их компонентов друг с другом и другими препаратами, которые применяются одновременно с ними. И то, что любая, даже самая эффективная, биодобавка начинает действовать лишь через 2–3 месяца от начала ее приема. Поэтому возможны осложнения при лечении многими «безопасными» лекарственными травами и БАДами, широко рекламирующимися, как «всемогущие лекарства».

Одним из компонентов БАДов являются витамины. Да, витамины действительно нужны для нормальной жизнедеятельности организма, их дефицит приводит к различным заболеваниям. Но при этом не всегда учитываются неблагоприятные последствия при использовании их в высоких дозах, не принимается во внимание взаимодействие с другими компонентами БАДов и препаратами, применяемыми одновременно с ними. Например, витамин А обладает тератогенными свойствами (вызывание дефектов анатомии плода). Поэтому беременным не рекомендуется принимать его в дозах свыше 10 000 МЕ. Если женщина не информирована, что ей следует избегать дополнительных источников поступления витамина А в составе других лекарственных комплексов, или с пищей, богатой витамином А, то возникает риск превышения этой дозы. Например, при приеме АЕвита, который часто назначается беременным женщинам. В его составе витамин А присутствует в дозе в 10 раз превышающей допустимую для беременных.

Аналогичные замечания приведены в литературе и применительно к минералам. Так, в составе БАДов для коррекции веса тела часто присутствует хром, который может вызывать поражение почек при применении в больших дозах. Особенно для больных, страдающих их заболеваниями. Другой пример – кобальт. Этот микроэлемент токсичен в отношении многих органов человеческого организма, поэтому во многих странах запреще-

но его применение. Селен – еще один пример. Возможна острая и хроническая интоксикация в случаях передозировки селена, особенно у лиц с белковым дефицитом. Педиатрам рекомендуется брать под особый контроль детей, которые принимают, селен в составе БАДов. С его применением связаны такие побочные реакции, как тошнота, рвота, поражение почек, изменение ногтей, усталость, раздражительность, диарея, абдоминальные спазмы, сухость кожи, парестезии. Рекомендуемые дозы селена лежат в диапазоне от 50 до 200 мкг в сутки.

В литературе описаны 74 случая отравления китайскими травами, которые были загрязнены мышьяком. Травы были назначены для лечения астмы. У больных отмечалось появление психозов, острых токсических гепатитов, анемии, рака кожи и внутренних органов. У трех больных отравление оказалось смертельным.

Распространяемые повсеместно БАДы содержат иногда сильно действующие лекарственные препараты. В их составе были обнаружены психотропные, противовоспалительные, гормональные препараты, могут оказаться не декларируемые составляющие. Лекарственные травы могут быть загрязнены токсическими веществами, включая пестициды, соли тяжелых металлов и радиоактивные соединения.

Нет четких доказательств их эффективности по определенным показаниям. В связи с этим не может быть уверенности в их терапевтическом действии и безопасности.

Практика подтверждает сказанное. В настоящее время регистрируются многочисленные побочные реакции на продукты растительного производства. В банке данных Всемирной организации здравоохранения имеется около 10 000 сообщений о побочных реакциях на продукцию такого рода. Например: настой березовых почек может вызвать раздражение почечной ткани; золотой корень (родиола розовая) не рекомендуется при гипертонии, калина не применяется при подагре, клюква не применяется при обострении язвенной болезни желудка и 12-перстной кишки, кукурузные рыльца нельзя применять при повышенной свертываемости крови; лимонник китайский противопоказан при гипертонии, нарушениях сердечно-сосудистой деятельности, бессоннице; лук репчатый противопоказан при патологии почек, печени, острых заболеваниях желудка и т. д.

Не все знают, что, применяя БАДы с лекарственными травами, они потребляют химические элементы и вещества, обладающие выраженной биологической активностью. Так, например, в составе более чем 200 трав обнаружены алкалоиды пирролизидина, которые, как было установлено, вызывают поражение печени, опухоли различных органов. Эти алкалоиды присутствуют во многих травах, относящихся к семейству астровых, бобовых и бурачниковых, они содержатся, хотя и в меньших количествах, в таких широко известных и применяемых травах, как окопник лекарственный и мать-и-мачеха. Эти алкалоиды оказывают токсическое воздействие на многие органы и системы, но печень является основной их мишенью. Они вызывают и поражение сердечно-легочной системы (гипертрофию мышечного слоя артериальных сосудов и желудочков сердца, повышение давления в аорте и легочной артерии).

На основании этих и других данных во многих странах мира принято решение изъять из употребления лекарственные травы, в состав которых входят алкалоиды пирролизидина: хна, воловик лекарственный, бурачник лекарственный (огуречная трава), белокопытник, крестовник, мать-и-мачеха, окопник лекарственный (жирный корень), чернокорень лекарственный, кипрей узколистный (иван-чай, шалфей полевой). А лекарственная трава под названием дубровник в последнее время широко применяется в составе диетических смесей, предназначенных для похудания и для гигиены ротовой полости.

При применении китайских трав очень часто наблюдаются серьезные нежелательные эффекты, связанные с содержанием в них аристохолевой кислоты. Только в одной Бельгии было зарегистрировано 100 случаев тяжелейших осложнений со стороны почек, связанных с применением БАДов, производимых в Китае. После регистрации этих случаев в Бельгии, Великобритании, США, Малайзии были приняты срочные меры по ограничению и запрещению их использования, были разосланы письма-предостережения врачам и пациентам.

Недавно появилось сообщение, в котором представлены доказательства возникновения почечной недостаточности у женщин, которые принимали китайские травы – стефанию и магнолию. Много сообщений по поводу потенциально опасных осложнений при применении зверобоя (гиперикум), в частности, появление таких симптомов — «бегающие», разрозненные мысли, раздражительность, агрессивность, бессонница и импотенция. Стало известно, что зверобой взаимодействует со многими лекарственными препаратами, приводя к изменению эффекта от их применения. В результате во многих странах мира было принято решение внести соответствующие дополнения в инструкции по применению препаратов.

Надо помнить о риске развития серьезных последствий в результате применения экстрактов ромашки (камилосан — масляный экстракт цветков ромашки). И такое, безобидное, на первый взгляд, растение, как алоэ может вызвать поражение почек, печени, желудочно-кишечного тракта. В связи с этим применение алоэ противопоказано при аппендиците, болезни Крона, язвенных колитах, синдроме раздраженной кишки, язвенной болезни, гепатите, гематурии, нефрите. Не рекомендуется применение алоэ детьми до 10-летнего возраста.

Сегодня использование большинства лекарственных трав не контролируется так, как лекарств. В отношении лекарств должны быть представлены доказательства их эффективности и безопасности, определены рекомендуемые дозы и возможные побочные эффекты, должен проводиться контроль их качества. Такие же требования предъявляются к наполнителям лекарственных форм. Но таких требований, к сожалению, не предъявляется к БАДам, содержащим вещества растительного происхождения. Более того, в некоторых странах, из которых БАДы поступают на наш рынок, многие лекарственные травы отнесены к категории пищевых продуктов. В такой ситуации любой желающий зарабатывать деньги на лечении может браться за изготовление, например, спрессованных таблеток или капсул, помещая в них измельченные и высушенные травы. Государственные органы не контролируют производство такого рода продукции и сами препараты. Эти «натуральные лечебные средства», произведенные одной компанией, но в разные сроки, также могут различаться по эффективности и безопасности.

Следует нам всем учитывать и то, что биологически активные соединения в составе лекарственных трав могут быть безопасными для одних и небезопасными для других, причем в той же степени, в какой могут быть небезо-

пасными лекарственные препараты, которые в определенных дозах могут вызывать серьезные побочные эффекты.

Исследование свидетельствует, что проблема безопасности лекарств становится не только проблемой национальной безопасности в отдельных странах, но и прорастает в серьезную глобальную проблему. Количество смертей, связанных с применением лекарств, исчисляется сотнями тысяч. Миллионы людей получают тяжелые, подчас необратимые осложнения при лекарственной терапии. Вот почему практически во всех развитых и во многих развивающихся странах функционируют национальные центры по контролю над безопасностью лекарств. В связи с этим обостряются проблемы безопасности лечения с использованием БАДов и лекарственных трав.

Например, за период с 1993 по 1998 год в США зарегистрировано 2621 сообщение о побочных реакциях, связанных с применением БАДов, включая 101 со смертельным исходом. Актуальна эта проблема и для нашей республики, как и для всей России. Среди побочных действий их использования значатся пороки внутриутробного развития плода, особенно высок риск возникновения этих уродств в первые 12 недель беременности, наследственных болезней, которые поддаются лечению очень трудно, поражения печени и почек, сердечно-сосудистые осложнения. Степень риска возрастает и в результате того, что один и тот же компонент может иметь несколько названий и поступать в организм в избыточных количествах в случае применения нескольких БАДов.

Изучая литературные источники, принимая участие в многочисленных съездах, конгрессах, проводимых в различных странах мира, я пришел к выводу, что надо информировать население о биологически активных добавках (БАД). Эти форумы были посвящены изучению биологически активных веществ продуктов пчеловодства – пчелиного яда, прополиса, маточного молочка, цветочной пыльцы, меда, воска лекарственных растений и БАДов. В 2000 году были опубликованы требования, которые предъявляются к заявкам на регистрацию БАДов. Согласно им в информационных материалах и рекламе может быть указано только то, что БАДы могут влиять на структуру и функции организма. В случае рекомендаций их применения для лечения, профилактики и диагностики заболеваний они должны получить одобрение и рассматриваться в фармакопейном комитете. В этих новых требованиях приводится разъяснение относительно того, что нужно считать структурой и функцией организма, а что относится к категории заболеваний.

С сожалением следует признать, что упомянутые проблемы далеки от разрешения и, в первую очередь, из-за сложившегося представления о БАДах как о безопасных «продуктах», чему в значительной степени способствует их рекламирование, участие в этой рекламе врачей и именитых специалистов, которые не информированы о них в достаточной степени. А фанатичное порой отношение потребителей к БАДам, возможность получать «большие» деньги на реализации этой продукции еще более затрудняет решение проблемы. В этой ситуации особую значимость приобретает проведение соответствующей разъяснительной работы среди медицинских работников, потребителей и распространителей продукции всеми доступными средствами, и, прежде всего, через журналы, газеты, телевидение.

Кстати, управление по контролю лекарств и пищевых продуктов в США еще в 1966 году предложило писать на этикетках следующий текст: «Пищевые потребности в витаминах и минералах лучше удовлетворять продуктами. БАД показаны лицам, нуждающимся в дополнительном приеме. Нет научно обоснованных данных, позволяющих рекомендовать БАД в нормальных условиях». Сегодня же большинство пациентов воспринимают БАДы как одну из особых форм лекарственного средства, как менее вредную и более полезную для здоровья. В этом доверчивых покупателей убеждает агрессивная реклама, в которой люди в белых халатах настойчиво предлагают употреблять для лечения именно ЭТО средство, поскольку оно, в отличие от «химических» препаратов, не имеет побочных эффектов и содержит исключительно растительные компоненты. В ход идет «тяжелая артиллерия» в виде таких формулировок, как «препараты прошли клинические исследования и рекомендованы к применению Минздравом РФ», «восстанавливают нарушение функций организма», «устраняют причины заболевания», или заявлений типа «великолепно при лечении импотенции, фригидности, женских заболеваний и алкоголизма». Иными словами, все сразу, и в одном флаконе.

Проникновение лекарств в «зону интересов» сведено до минимума в тех терапевтических областях, где эффективность и безопасность являются основополагающими. Об этом свидетельствуют результаты исследования. Так, в качестве общеукрепляющих средств рекламировалось 17 лекарственных препаратов (ЛС) и вдвое больше БАД – 37, в сегменте успокаивающих средств – 7 ЛС и 14 БАД. Настоящий хит – средства для лечения эректильной дисфункции. Здесь «засветилось» 15 БАД и всего 3 ЛС. В то время по заболеваниям, при которых пациенту легче понять, эффективен препарат или нет, биодобавки явно не в фаворе.

Существует и другой прием – использование БАДов, имеющих схожее или одинаковое торговое название с ЛС. Регистрируя БАД, можно косвенно прорекламировать фармацевтический бренд. И наоборот, пользуясь уже устоявшимся высоким спросом потребителей и лояльностью к существующей марке, зарегистрировать БАД со сходным названием.

Мифические преимущества БАДов по сравнению с лекарствами, заявляемые в недостоверной рекламе, нередко приводят к трагической развязке. Человеку свойственно верить в чудо. Поддавшись на красивые обещания, выложив при этом немалые деньги, тяжелобольные люди отказываются от лечения, назначенного врачом, чтобы потом в лучшем случае оказаться на больничной койке, ну а в худшем – понятно, где.

Тем не менее, было бы неправильно делить лекарства и БАДы на «хорошие» и «плохие». И те и другие имеют право на существование, но каждое на своем месте. Должно быть четко определено, где кончается здоровье и начинается болезнь, чтобы биодобавки не претендовали на свойства, которые присущи фармацевтической продукции. Необходимо отработать этические нормы продвижения как БАД, так и ЛС. В частности, эти вопросы поднимались в Госдуме РФ на «круглом столе», посвященном проблемам лекарственного обеспечения. В рекомендациях, выработанных его участниками, правительству РФ предложено внести изменения в законодательство о рекламе ЛС и БАД, а также установить ответственность за недобросовестную рекламу этой продукции.

Решение проблемы безопасности БАД не терпит отлагательства и должно основываться на целенаправленной, постоянной и долгосрочной работе, эффективность которой зависит от уровня информированности медицинского персонала и населения.

ТАЙНЫ КАЙТАГСКОЙ ВЫШИВКИ

Салихат ГАМЗАТОВА,
директор Дагестанского музея изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой

В республиканском Музее изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой в апреле работала выставка золотой и шелковой вышивки, представившая музейную коллекцию этого вида народного искусства почти в полном объеме. К ее открытию музей подготовил два издания: богато иллюстрированный буклет, сопровожденный статьей зав. отделом ковров и тканей А. Магомедовой, с ее частью читатели могли познакомиться в майском номере нашего журнала за прошлый год, и книгу дагестанского краеведа Габиба Исмаилова «Даргинская вышивка». Этот вид народного искусства получил достаточно условное название – «кайтагская вышивка».

Оно представляет собой прямоугольные куски ткани, размером приблизительно 50 х 100 см, обычно хлопчатобумажной, очень редко – шелковой, расшитой шелковыми нитками. О них как об интересных произведениях искусства писали уже в начале 50-х годов ученые из Москвы Е.М. Шиллинг, Э.В. Кильчевская, А.С. Иванов. Но они просто отмечали их внешние особенности, и селения, в которых они изготовлялись – в основном села Кайтагского района. Отмечалось также, что подобные вышивки встречались и в аварских селах. Как образцы текстильного искусства экземпляры вышивок находились в Музее народов Востока и Государственном историческом музее в Москве, Музее этнографии и Эрмитаже в Санкт-Петербурге, но объектом пристального научного изучения они не стали.

Только приезд в середине 80-х годов в Дагестан английского этнографа Р. Ченсинера положил начало подлинному интересу к этому удивительному виду искусства. Р. Ченсинер, будучи не только ученым, но и, думается, в большей степени предпринимателем, вывез в Англию огромную коллекцию вышивок и опубликовал в 1993 году в Лондоне великолепно иллюстрированный каталог «Кайтаг. Текстильное искусство из Дагестана». С тех пор интерес к вышивкам неуклонно возрастал, а спрос у зарубежных коллекционеров и высокие цены послужили причиной того, что кайтагские вышивки оказались почти полностью вывезенными на Запад. Сегодня в Дагестане только в нашем музее, в Государственном объединенном музее и у нескольких частных лиц сохранились еще последние экземпляры. При этом многие кайтагские вышивки, которые сейчас фигурируют в зарубежных каталогах, поражают удивительным рисунком, восхитительной работой, и аналогичных лучшим из них сегодня нет ни в дагестанских, ни в российских музеях.

В нашей коллекции хранится, к сожалению, всего 14 кайтагских вышивок, при этом только семь представляют действительно уникальные, богатые по цветовой гамме и самобытные по рисунку произведения конца XVIII – начала XIX века. Остальные семь выполнены уже в начале XX века с применением химических красителей и не могут ни в какой мере конкурировать со своими «предшественницами».

Не менее характерна (как пример равнодушного отношения к произведениям, которые составляют гордость дагестанского искусства) и история их научного изучения. После выхода в Лондоне альбома по кайтагскому искусству в известном международном журнале «HALI», специализирующемся на ковроделии и вышивке, были опубликованы большая статья о кайтагских вышивках и рецензия на книгу Р. Ченсинера заведующего отделом искусства Востока Государственного Эрмитажа Анатолия Иванова. В Дагестане же за все это время вышли только две газетные статьи научных сотрудников Музея изобразительных искусств: Джамили Дагировой и Айшат Магомедовой. В основе их была информация, переведенная А. Магомедовой из английских изданий, и они имели популяризаторский характер. Подлинное же изучение кайтагских вышивок дагестанскими учеными так и не началось. Информация об этих уникальных изделиях собиралась на уровне любителей и коллекционеров, приобретавших их. Поэтому сегодня выход книги Габиба Исмаилова «Даргинская вышивка», безусловно, очень значимое событие для дагестанского искусствоведения и для дагестанской культуры.

Габиб Исмаилов – человек самозабвенно и бескорыстно влюбленный в искусство шелковой вышивки. Одним из первых, если не первым, он оценил ее красоту и уникальность. Будучи родом из селения Гапшима Акушинского района, он, в то время преподаватель сельской школы, по возможности приобретал вышивки для собственной коллекции. Но судьба Исмаилова–коллекционера оказалась значительно менее удачной, чем судьба ученого. И все же благодаря его страсти многие экземпляры кайтагской вышивки оказались зафиксированы хотя бы в фотографиях.

В начале 90-х Исмаилов начал изучать историю этих вышивок. Сведения, изложенные им, легли в основу статьи Р. Ченсинера в уже названном лондонском каталоге. Его, а также Магомедхана Магомедова и Рамазана Хаппалаева автор благодарит за оказанную помощь во вступительной статье к своему альбому. За прошедшие с того момента двенадцать лет интерес Г. Исмаилова к искусству кайтагской вышивки не угасал, он продолжал этнографическую работу, и уже к 2004 году им был собран уникальный материал, который автор мечтал опубликовать. Но его попытки оказались тщетными. Лишь при помощи нескольких людей, понимающих ценность работы Исмаилова, его книга количеством всего в 100 экземпляров была издана в апреле этого года и ее презентация состоялась в нашем музее при открытии упомянутой выставки.

Собранные Исмаиловым, ныне преподавателем школы № 30 г. Махачкала, сведения действительно бесценны. Он первым определил ареал распространения кайтагских вышивок, расширив его и отметив, что, помимо сел верхней части Кайтагского района, такие же вышивки изготавливались в селах верхней части Акушинского района, а также в аварских селах Согратль, Чох, Ругуджа, Кикуни.

Г. Исмаилов выделил типы орнамента и локальные центры, в которых они вышивались. Он также высказал достаточно убедительные предположения об истории их возникновения. Они изготовлялись в районах, через которые проходил путь иранской армии в XVII веке. Подобные вышивки в это время уже делались в Иране, и иранские воины могли взять их с собой, чтобы закрывать во время похоронного обряда лица убитых (так же впоследствии использовались и дагестанские вышивки). Иранские вышивки, по предположению Г. Исмаилова, могли попасть к дагестанцам в качестве трофеев и стать отправной точкой для изготовления аналогичных. С другой стороны, Исмаилов отметил, что в селах Акушинского района позже других был принят ислам, вследствие чего традиции доисламских верований сохранились в них более глубоко и отразились в символике вышивок, сделанных в этом районе.

Автор подробно рассматривает знаки, включенные в орнамент кайтагских вышивок, и проводит очень интересные параллели между ними и аналогичными изображениями на старинных изделиях декоративно-прикладного искусства дагестанцев: на намогильных плитах, деревянных изделиях, войлоках, коврах. Еще более удивительные аналогии проводит он между знаками на кайтагских вышивках и буквами албанского алфавита и татуировками горянок. Еще в 2002 году им была написана и опубликована книга «Татуировки горянок Дагестана», на которую он делает ссылки. Автор привлекает многочисленные собранные им сведения о сохранившихся до последнего времени древних народных ритуалах, совершаемых во время празднеств «Первой борозды», свадебного шествия. Очень интересен иллюстративный материал, включенный в книгу: это и фотографии вышивок и различных объектов, на которых запечатлены знаки и узоры, которые мы встречаем на вышивках. Весь материал собран автором во время его многочисленных экспедиций в дагестанские села и впервые опубликован в этом издании. К сожалению, весь имеющийся иллюстративный материал не был включен в книгу из-за отсутствия средств. Но, думается, дальнейшие творческие исследования автора и его богатейший фотоархив будут опубликованы.

Уникальный материал опубликован Г. Исмаиловым и об усишинских вышивках, которые изготавливались жительницами селений Усиша и Зилмук. Эти вышивки являлись их свадебными платками, в них же их и хоронили. Подобные платки и сейчас берегут пожилые жительницы этих селений, не собираясь нарушать традицию: в них они завещали своим детям похоронить их. Изображения на вышивках имели охранное значение, они защищали невесту от злых сил, ту же роль они должны будут играть и в загробном мире. Платки богато украшены различными знаками и узорами, очень часто на них изображаются лабиринты, фигуры всадников. Конкретное значение этой символики, ее связь с обрядами, в которых она использовалась как оберег, таит в себе очень много интересного, раскрывающего мировоззрение людей того времени.

В советские годы нас учили, что незаменимых людей нет, и я верила, что это так. Сегодня я думаю, что есть дела, которые могут осуществить только конкретные люди, и если нет таких людей, то дело так и останется невыполненным, явление, которое ждет своего исследователя, останется неизученным. Теряется драгоценное время, уходят свидетели, которые способны сообщить сведения, в должной мере понятные только специалистам, целый пласт удивительной культуры так и может остаться непонятым и неразгаданным. Благодаря энтузиазму Г. Исмаилова мы получаем сегодня бесценную информацию о нашей культуре, которая, как платки усишинок, тоже могла уйти в сырую землю. Мы рады, что хотя и очень поздно (жаль, что такая работа не велась в 40–80-е годы уже прошлого века), но у нас есть талантливый краевед, беззаветно преданный изучению культуры родного края. Я поздравляю Габиба Исмаилова с выходом его книги и желаю ему такого же неиссякаемого энтузиазма, силы и осуществления всех его творческих исследований, которые так нужны всем ценителям дагестанского искусства, всем патриотам Дагестана.

Будем надеяться, что феномен культуры, который носит название «кайтагская вышивка» еще раскроет перед нами свои удивительные тайны. А с самими «кайтагскими» произведениями вы сможете познакомиться в новой расширенной экспозиции ДМИИ им П.С. Гамзатовой.

ЗАПОВЕДНИК НАРОДНЫХ ПРОМЫСЛОВ

(Окончание. Начало в предыдущем номере.)

Гаджи АБДУРАХМАНОВ,
зав. отделом культуры Дахадаевского района

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КЕРАМИКА

Керамическое производство существовало в Дагестане уже в древнейшие времена. Многие исследователи отмечают широкое распространение у горцев гончарных изделий декоративно-прикладного характера. В III–II тысячелетиях до н.э. в керамике Нагорного Дагестана широко используются налепные украшения, часто применяется прием обмазки сосудов жидкой глиной. В первые века новой эры здесь появляется гончарный круг. Керамика лакцев Балхара, лезгинов Испика и даргинцев Сулевкента – очень оригинальное явление и представляет собой неиссякаемый источник дальнейшего развития декоративного искусства народов Дагестана.

Один из главных центров керамического производства, известный с VIII–X веков находится на территории Дахадаевского района в ауле Сулевкент. Ныне это покинутое село расположено в труднодоступном, но живописном ущелье между селениями Кубачи и Шири.

Керамика Сулевкента чисто функциональна, декор ее очень скуп и прост, но именно в этом заключена эстетическая ценность изделий. Внимание искусствоведов привлекает керамика с чертами восточных средневековых фаянсов: часть фона покрыта белым ангобом, оттеняющим подцветку прозрачной глазури. Нет ни рисунка, ни узора – лишь сочетание дополняющих друг друга силуэтов темно-коричневого и бледно-зеленого цветов, очень лаконичное и впечатляющее, очень далекое от хорошо прорисованной, стилизованной «зирихгеранской» орнаментики.

Самые ранние образцы сулевкентской керамики, найденные в старых разрушенных селениях, свидетельствуют о том, что первоначально здесь вырабатывалась грубая лепная посуда с простым налепным и нарезным украшением в виде рельефных профилировок, прочерченных рядов прямых и волнистых линий, точек и штрихов.

В раннем средневековье лепная керамика горцев, помимо практического назначения, начинает выполнять и ритуальную и декоративную функцию. Скульптура начинает господствовать над вещью, образ животного над образом утилитарного предмета. Старинный водоносный кувшин, хранящийся в музее истории Грузии, искусствоведы называют «свинья», сравнивая его с архаической формой кувшинов балхарцев, но сулевкентский напоминает усатого мужчину с хохолком и задранным носом.

Примерно на рубеже XIII века в керамике Сулевкента рельефно-лепные и прочерченные узоры сменяются росписью. Она выполнялась темно-красной глиной. В начале XX века характер и формы изделий почти не меняются, исчезают только наиболее трудоемкие приемы украшения: налепы, профилировки, процарапанные линии; сосуды делаются небольшими, чтобы облегчить их перевозку на отдаленные рынки. Выполненный красным ангобом узор покрывает в основном только верхнюю часть кувшина. В связи с возрастанием среди сулевкентцев отходничества в зоны северного Дагестана, где бытовала поливная керамика, в их промысле в XIX–XX веках распространяется полива, появляются скульптурные детали в виде лепных изображений птиц, оленей, баранов и других традиционных мотивов.

После переселения жителей Сулевкента в 1946 году в Шурагатский район производство керамики идет на спад, но на новом месте они продолжали создавать свои мастерские. Роспись по-прежнему сохраняется темно-

красная и наносится широкими, жирными линиями при помощи кусочка войлока. Сохраняется и традиционная основа росписи: S-образные мотивы, волнистые и прямые линии, завитки, мазки в виде запятых. Роспись на всех сулевкентских кувшинах располагается поясом из ряда тонких линий, обрамленных по краям более широкими полосами. Поверх такого линейного пояса наносится несложный орнамент. Своей благородной простотой и размеренным ритмом параллельных линий и крупных фигур узора, цельно гармонирующих с формой сосуда, роспись сулевкентских кувшинов привлекает декоративным изяществом и монументальностью.

В начале XXI века отдельные хозяйства сулевкентцев поселились в родном ауле и решили на месте возобновить ремесло своих предков, но пока их энтузиазм не получил поддержки из-за отсутствия жилищно-бытовых условий для работы гончаров. Несмотря на это, сулевкентский керамический промысел имеет возможности для восстановления производства художественной поливной керамики со скульптурными и рельефно-лепными украшениями.

РЕЗНОЙ КАМЕНЬ

Резьба по камню широко распространена по всему Дагестану. Каменные рельефы и архитектурные детали украшают культовые сооружения, жилые дома и предметы быта. Высокого совершенства достигло искусство резьбы по камню в лакских, даргинских, табасаранских и лезгинских селениях. Резной камень представлен в основном четырьмя типами орнамента: графическим (текстовым), геометрическим, ленточным и растительным. В горах Кайтага, в Табасарании в течение многих веков широко использовался растительный, геометрический и плетеный узор. Нередко встречаются древние и более поздние сюжетные мотивы, изображающие животных, языческие и магические символы, реже – человека. Наряду с архитектурными и мемориальными памятниками из камня изготовляются небольшие бытовые предметы: ступки, подставки для прялки, солонки, ритуальные чашки. Резной камень особенно часто встречается в надмогильных стелах.

В разное время сформировался ряд центров, выделяющихся своими профессиональными камнерезами. В Дахадаевском районе такие центры сложились в Зирихгеране, Сутбуке, Урари, Бакни, Урхниша, Ашты, Кала-Корейше и Уркарахе. Надо подчеркнуть, что в них хорошо заметно единство орнамента, отличающее их от других регионов республики. Самые ранние датировки резных камней на территории района выявлены в Кубачи (XIII–XIV вв.). В советское время наиболее ценные резные камни были вывезены из Кубачи, Кала-Корейша, Сутбука, Кища, Ицари и многих других сел и стали экспонатами музеев мира и частных коллекционеров. Но то, что еще сохранилось, впечатляет любого ценителя этого древнейшего искусства. Тем более, процесс создания новых произведений из камня продолжается и по сей день.

Высокохудожественные образцы резного камня в большом количестве представлены в Кубачах. Это, в основном, украшения архитектурного или бытового декора: тимпаны (углубленная часть стены над дверью или окном, обрамленная аркой), консоли, розетки, петроглифы, камни-вставки с арабской каллиграфией, каминные плиты. В убранстве жилищ кубачинцев и сирхинцев камины служили символами домашнего тепла, украшения и благополучия семьи. Особенно резной камин гармонично вписывается в интерьер домашнего музея, где с большим искусством размещаются антикварная посуда и разнообразная металлическая утварь местных умельцев и мастеров известных стран Востока.

С принятием ислама кубачинцами в 1306 году, рельефные изображения животных и людей были изуродованы: отбиты зубилами головы. Запрет ислама на изображение живых существ привел к переходу от скульптурно-рельефной пластики к растительному орнаментальному декору, но современные мастера все чаще стали обращаться к источникам искусства своих предков.

В XVIII–XX веках камнерезное искусство кубачинцев вытесняется ювелирным делом, и оно стало развиваться в соседних селах – Сутбуке, Бакни, Уркарахе, Урари, Гуладты. Здесь появляются свои мастера резьбы по камню, использующие орнамент «зирихгеранцев». Сейчас сами кубачинцы заказывают резные орнаментированные надгробные стелы и каминные плиты у сутбукцев. Во многих селах также сохранились каменные основания (подставки) прялок, выполненные сутбукскими резчиками, и единичные экземпляры бакнинской и уркарахской работы. И что самоценно, все подставки покрыты богатым резным орнаментом кубачинского стиля с элементами «мархарай», «тутта», «тамгъа». Иногда мастера вводят сюжетные сцены охоты, всадников, животных, характерные для «албанских» камней.

Среди первоклассных памятников резьбы по камню особое место занимают надмогильные стелы, мавзолеи, пиры-святилища, кенотафы. Несмотря на религиозные каноничные запреты на изготовление пышных, декоративных надгробных сооружений, народные традиции

здесь сохраняют более прочные позиции. Не сотни, а тысячи каменных стел изготовлены лучшими резчиками сел и искусно декорированы по всей поверхности. Наиболее ранние стеловидные надгробия датируются XIII–XIV веками, а саркофагообразные, которые распространены только в Кала-Корейше и Уркарахе, – XI–XII веками.

Горские кладбища стали своего рода заповедниками истории камнерезного и эпиграфического искусства разных поколений народных мастеров. Рельефы большинства надмогильных памятников орнаментированы растительным узором местного стиля в сочетании с письменной арабской вязью. Надписи на арабском языке исполнены как «цветущим» почерком куфи, так и круглым простым насхом. Имена создателей искусных стел раннего периода забыты. Но уникальные надмогильные плиты из Уркараха, одна лучше другой, ажурные и «невесомые» созданы Шахбановым Хасбулатом в начале XX века.

Известными камнерезами этого времени были Гасан Омаров, Муртазали Ахмедов и братья Гусин и Рабадан Камаловы из Сутбука. Старший брат Гусин зубилом наносил на камень рисунок, а Рабадан искусно выбивал узор. Их работы сохранились в селениях Урари, Уркарах, Кубачи. Их традиции сегодня продолжают братья Шахбановы и Гусин Магомедов, преподающий основы резьбы по камню в школе искусств.

Первоклассные образцы камнерезного искусства зафиксированы в Кала-Корейше – столице раннефеодального государства Кайтаг. Среди них выделяются штуковый михраб XI-XII веков, саркофаг, надгробные стелы усыпальницы и родового кладбища кайтагских уцмиев.

Резьба по штуку (природный минерал – смесь алебастра с гипсом) была распространена в Средней Азии и Иране, стены дворцов ассирийских царей также украшались барельефами из алебастровых плит. Отсутствие этого природного минерала на территории региона и характерная для стран Востока резьба по штуку свидетельствуют о тесных контактах мастеров Ирана и Дагестана. Штуковое панно соборной мечети Кала-Корейша входит в перечень памятников культурного наследия федерального значения.

Михраб состоит из двух ниш, снабженных архивольтами, несущими на себе куфические надписи, и колоннами, капители которых также имеют надписи. Причем весь михраб (высота 3,2 м) напоминает портал мечети. Декоративные возможности «цветущей куфи» здесь использованы в полной мере. Художественное оформление главного обрамления выглядит как пышный, сложный и ажурный орнамент. Весь строй композиции михраба отличается богатой фантазией автора, бесконечным разнообразием рисунка отдельных элементов орнаментального построения.

Большой интерес представляет и калакорейшский саркофаг. Он высечен из массивного блока-ракушечника и покрыт художественной резьбой с изобразительными сюжетами с трех сторон. На одной боковой стороне рельефно высечены фигуры льва и львицы, между которыми расположен геральдический орел. Львы показаны в профиль, но обращены к зрителю, как бы охраняя усопшего и подчеркивая его власть. Орел, выпустив когти на массивных ногах, одним глазом смотрит на нас, образуя композиционный центр. На торцевой стороне высечена рельефная многофигурная композиция – «дерево жизни», вокруг которого размещены львы и птицы. Аналогий подобного саркофага нет нигде. Этот уникальный памятник датируется VIII–X веками, поскольку считается, что арабская куфическая надпись была нанесена на нем позже, после принятия Кала-Корейшом ислама. Как бы там ни было, этот резной саркофаг таит в себе еще много загадок.

Новый подъем камнерезного искусства наблюдается в XIII веке, когда налаживалась экономическая жизнь горцев. В это время выделяются профессиональные мастера-зодчие и мастера архитектурно-декоративных работ. Ими построены великолепные мечети (Урари, Кубачи, Уркарах), минареты (Худуц, Калкни, Бускри), дошедшие до нас величественные боевые, сигнальные и сторожевые башни (Ицари, Зубанчи, Кища, Урари, Амузги), а также множество архитектурных деталей, вставок в стенах жилых домов. На камнях фасадов стен культовых и общественных зданий сел Ицари, Уркарах, Кала-Корейш, Кубачи, Шири, Харбук и других сохранились архаические изобразительные мотивы: солярные знаки (спирали, свастики, розетки с лучами), изображения священных животных и «древа жизни».

Сравнительно небольшой группой представлены каменные рельефы с батальными сюжетами. Одна такая вставка XIV века сохранилась в Ицари, на которой отображена битва монгольского и ицаринского воинов-всадников. Все фигуры искусно вырезаны в низком рельефе, по рисунку несложно определить традиционную одежду и воинское снаряжение воинов. В кубачинских тематических рельефах изображены шествия пляшущих мужчин, спортивные состязания, бег зверей, процесс жертвоприношения и другие бытовые, обрядовые стороны жизни населения.

Дагестанцы, в частности, жившие на территории нынешнего Дахадаевского района, создав в течение XIII–XVIII веков замечательные памятники резьбы по камню, внесли свой вклад в сокровищницу мирового искусства.

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

На территории Дахадаевского района сохранились сотни наскальных рисунков, которые по исследованию археологов относятся к эпохе бронзы. Главной особенностью искусства «художников» той эпохи была символическая форма, условный характер изображения. Символами являются как реалистические изображения животных, так и условные знаки. «Картинные галереи» первобытного искусства обнаружены около селений Санжи, Дибгаши, Зильбачи, Трисанчи. Почти все изображения длинноногих коз, всадников, геометрических узоров выполнены красной, коричневой желтой охрой на открытой поверхности скал. Изображение коней и всадников, как считают историки, появляются в конце эпохи бронзы, когда лошади были одомашнены и игра-

ли большую роль в качестве средства передвижения и ритуального животного, привязанного к человеку. И хотя эти рисунки предельно схематичны, многие из них выразительны и исполнены динамизма.

С тотемными культами связаны рисунки горных козлов, туров, диких зверей.

Для археологов, искусствоведов и искателей экзотики отдельные наскальные рисунки дают большую пищу для размышлений и раскрытия тайн древних символов.

РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ

Резьба по дереву является традиционным видом декоративно-прикладного искусства дагестанских народов. Древнейшие образцы деревообработки, датируемые 2-м тысячелетием до н. э. найдены археологами республики при раскопках кургана близ станции Манас, Чиркейского и Кафыркумухского могильников. Деревянные изделия в значительном количестве выявлены в раннесредневековых археологических памятниках большинства поселений. Судя по ним, дерево широко использовалось в архитектуре, при изготовлении хозяйственно-бытовой утвари и посуды, разнообразных орудий труда.

На территории Дахадаевского района искусными резчиками по дереву считаются кищинцы и жители кубачи-даргинского нагорья.

Уникальными образцами художественной средневековой резьбы по дереву являются двери Кала-Корейшской мечети XI–XIII веков. Впервые на их орнамент обратил внимание академик Б.А. Дорн (Атлас к путешествию по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. СПб. 1895). Сейчас обе пары створок дверей находятся в Дагестанском объединенном музее. Они изготовлены из цельных досок дубового дерева – прочного материала для резьбы. Лицевая сторона первой пары створок по краям покрыта широкой полосой одножелобчатого ленточного узора, рельефно поднятой над фоном.

В музее Кубачинского художественного комбината выставлена другая уникальная работа – резная деревянная кафедра (детали мимбара) джума-мечети. По описаниям М.М. Маммаева детали мимбара изготовлены в разное время: наиболее древние части – в средние века, а отреставрированные – в XVIII–XIX веках. Изысканная, трудоемкая резьба, многообразие орнаментальных мотивов позволяют рассматривать эти детали как образцы средневекового искусства деревоотделочников. Каждая доска кафедры покрыта резным орнаментом, различающимся рисунком, техникой и стилем исполнения. В их декоре преобладает растительный орнамент, лишь на отдельных участках представлены элементы линейно-геометрического узора «Вавилонский лабиринт» и арабская вязь.

В зависимости от прикладного назначения деревянных конструкций, мастера-резчики используют следующие породы древесины: липа, абрикос, дуб, орех, кизил, груша, береза… Широко используются деревянные конструкции в архитектурных сооружениях. Но декоративное дерево чаще встречается в интерьере мечетей селений Ашты, Кунки, Худуц, Ицари, Урари, Бускри, Калкни, Гунакари, Шири и Кища. Замечателен образец опорного столба из селения Шири. По форме, характеру резьбы и стилю орнаментальной отделки цельная опора из орехового дерева относится к XV веку. Квадратная колонна со срезанными углами имеет коническую капитель (база сгнила). Все грани столба покрыты плоскорельефным орнаментом, все типы которого органически сливаются друг с другом, создавая цельную, четкую и ясную композицию. В отличие от ширинской мечети на опорных столбах аштынской и кункинской мечетей применялась плетеная ленточная орнаментика, широко распространенная в декоре Закавказья, Скандинавии, Древней Руси. Столбы аштинской мечети (1705 г.) покрыты сплошным узором из густой «плетенки» двухжелобчатых лент. Особенно выразительна массивная капитель. Все столбы изготовлены из цельных бревен орехового дерева. Схожий вид декора имеется и на двери кункинской мечети. Интересные образцы столбов XIX века встречаются в мечетях селений Калкни и Гунакари. Характерен для них декоративный мотив – выразительный «узел» в середине опоры.

Широкое распространение в районе получило изготовление и бытовое использование деревянных ларей. Изготовление ларей для зерна – распространенное ремесло в селениях Кища, Меусиша, Кудагу, Викри, Гуладты и Ашты. Мастера-плотники для декора их передней и двух боковых сторон чаще использовали «чешуйчатый узор», но нередко вводили растительные и зооморфные композиции. Для изготовления отделочных сторон ларя, сундуков выбирали лучшие доски из ореха, липы, сосны или чинара, а остальные элементы делались из менее ценных пород. Резчики по дереву XVIII–XIX веков овладели почти всеми видами художественной резьбы: линейно-графической, двускатно-желобчатой, трехгранно-выемчатой, лентовидной, чешуйчатой, ажурной, плоскосилуэтной и пластической. Сквозная или ажурная резьба появилась лишь в конструкциях XIX–XX веков, она чаще встречается на деревянных карнизах, верандах, балконах, на окнах и дверях.

В селении Кища это ремесло успешно развивалось и в течение всего прошлого столетия. Кищинцы обеспечивали внутренний рынок изделиями из дерева – ложками, поставцами, ступками для чеснока, сундуками типа «кьани», детскими люльками, резной мебелью, чугурами… Изготовление их было подвластно искусному мастеру Абдуразаку Раджабову. Другой известный мастер Амирхан Алиев делал чугуры (даргинский музыкальный инструмент). Традиции мастеров резьбы по дереву продолжают молодые художники-резчики. Среди них выделяется Габибулла Мусаев – преподаватель школы искусств. Он автор шкатулок, досок для игры в нарды профессиональной тончайшей отделки, которые получили высокую оценку искусствоведов.

Администрация Дахадаевского района разработала проект «Возрождение художественных промыслов района», поставив цель: сохранить все виды декоративно-прикладного искусства, технологию, типы орнаментов, которые еще можно спасти и принять все меры для развития наших народных ремесел.

ЛИТЕРАТУРА

СЦЕНАРИЙ

СОЛДАТ ПОБЕДЫ

Посвящается славному сыну дагестанского народа генералу Магомеду Танкаеву

Зияв БАММАТОВ

Эскизы художественно-документального фильма, сценарий которого задуман как произведение, в котором вымысел переплетается с биографией главного героя.

Это случилось накануне Дня Победы. В то утро генерал Танкаев надел свой парадный мундир с орденами, подошел к зеркалу и ненароком увидел вдруг из окна своей квартиры незнакомца, расположившегося на заднем сиденье его старенькой, припаркованной к тротуару, «Волги».

Человек вылез из машины и, не торопясь, стал вытряхивать от пыли выцветший, рваный плед.

Небритый, в потрепанном пиджаке, в немытых кроссовках, незнакомец слегка прихрамывал. Вместо брюк на нем, подобно шароварам, нелепо раздувались ярко-красные спортивные штаны, явно подобранные на мусорке.

Отряхнув плед и уложив его в армейский рюкзачок, человек старательно почистил сиденье, на котором, судя по всему, ему и пришлось провести эту короткую майскую ночь.

– Дедуля! – отвлек генерала от созерцания бомжа басовитый юношеский голос. – Гляди-ка, ночлежку устроил в твоей машине. Сейчас приведу его в чувство!

– Отставить! – оборвал внука генерал. – Трогать инвалида – последнее дело. Дай-ка бинокль.

В окулярах он увидел немолодое лицо, усталый, потухший взгляд. Внук шагнул к двери:

– Он же автоугонщик! Косит под бомжа!

– Крррy-гом! – пригвоздил его к месту генерал. И вдруг, покачнувшись, выронил бинокль.

Внук мгновенно очутился рядом, обнял деда:

– У тебя же машина антикварная, за такие круто платят.

– Кажется, это он, – побледневшими губами прошептал Танкаев. И растерянно посмотрел на внука. – Радуга…

Перед генералом, словно под лучом вспыхнувшего прожектора, высветилась вдруг черная от разрывов снарядов земля, высветились траншеи, убитые... И он увидел себя в офицерской гимнастерке с полевым телефоном в руке: «Я – Беркут! Я – Беркут! Радуга, слышишь меня? Мы окружены! Ударь справа! Всей батареей! По моему правому флангу! Ты понял, Радуга? Бей, не стесняйся! Иначе конец!». И уже после боя тогда еще молодой, с черным от копоти лицом, капитан Танкаев обнимает на волжском утесе такого же молодого капитана: «Спасибо, Радуга!».

– Дедуля, я «скорую» вызову. У тебя галлюцинация. Нет никакой радуги. Держись, дед.

– Отставить! – выпрямился генерал и увидел из окна, как к тому, которого называл он когда-то таким позывным, приблизились милиционеры.

Танкаев распахнул окно:

– Не трожьте его! Это мой человек! Мой... – и вместе с обескураженным внуком устремился на улицу.

– Что с тобой, дедуля? – спрашивал внук, когда они неслись по лестнице вниз. – Не волнуйся, менты разберутся!

– Что ты мелешь? Это мой фронтовой друг – капитан Родимцев... Радуга! Он спас мне жизнь! И не только мне...

Мирная солнечная московская улица. По ней к удивленным милиционерам и к не менее удивленному бомжу подбегает генерал:

– Радуга!

Бомж опешил. На его лице неподдельное изумление:

– Танка? Ты? Жив?

Глаза у обоих заблестели слезою. Крепкое мужское объятье.

– Беркут... А я вот из Сталинграда... Кое-как добрался до Москвы... Думаю, в последний раз, должно быть, отмечу нашу победу...

Внук что-то шепотом объясняет милиционерам, те «берут под козырек», почтительно приветствуют генерала и удаляются.

Иван Григорьевич Родимцев, однополчанин Танкаева, соратник по Сталинградской битве, тут же был принят в доме генерала гостеприимной хозяйкой, которую Родимцев не мог называть иначе, как Верочка. В те суровые дни там, под Сталинградом, капитан Танкаев на всю жизнь соединил свою судьбу с очаровательной связисткой, которую все – и солдаты, и офицеры, называли не иначе, как Верочка. Ее уважали, потому так ласково и обращались к ней.

Что такое фронтовая свадьба под канонаду орудий, под разрывы бомб? Отчаянное веселье бойцов – такое не забывается. И фронтовая солдатская песня:

Не столы настоящие
Украшают наш дом,
На снарядные ящики
Мы закуску кладем.
По сто грамм нам положено,
Боевой наш паек,
Где же кружка порожняя?
Наливай-ка, дружок!

И оба, Беркут и Радуга, как завороженные, прокручивали в памяти тот блиндаж, где собрались бойцы, чтобы поздравить молодоженов. Родимцев – рядом с молодоженами, на коленях у капитана баян:

Мы за землю, за русскую,
Выпьем этот бокал,
И закусим закускою,
Что нам Черчилль прислал,
За землянку уютную,
Фонаря огонек,
За машину попутную,
Если путь твой далек,
За любимую девушку,
Что так любишь и ждешь,
За ее фотографию,
Что в кармане несешь,
За товарища верного,
С кем в бою побратим,
С кем всегда укрываешься
Полушубком одним.

Под эту песню на экране пройдут документальные кадры Сталинградской битвы. И комбат Танкаев сражается со своим батальоном на передовых рубежах неприступного для врага города.

Но вот что узнал генерал о судьбе своего боевого друга... Жестокая участь постигла старого фронтовика... Получив после войны квартиру в Сталинграде, обзавелся семьей, но в 1991 году он похоронил супругу, его единственный сын угодил вскоре в тюрьму. И закаленный в боях вояка надумал обменять квартиру на меньшую жилплощадь, чтобы хоть как-то выкрутиться из долгов и помочь сыну. Неискушенный в юридической казуистике, доверчивый Иван Григорьевич не только не въехал в однокомнатную квартиру, но в одночасье оказался «без кола и двора».

Аферисты ловко облапошили героя Сталинграда, который не дрогнул ни перед немецкими «тиграми» и «пантерами», ни под бомбами германского рейха, а теперь он сломлен.

Под Сталинградом Родимцев потерял ногу, с той поры Танкаев его не встречал... Еще три года Танкаев вел свои батальоны, а затем и полки на Запад, к самому логову гитлеровского зверя. О таких, как Танкаев, знаменитый маршал Конев как-то сказал: «Мы одержали Победу в самой страшной и жестокой войне, какую только пережило человечество, прежде всего, благодаря слаженным и умелым взаимодействиям полков и их командиров. Эти мощные, мобильные боевые единицы и определили наш успех».

Танкаев со своим полком участвовал в самых кровавых сражениях Великой Отечественной – битвах под Смоленском, Москвой, Сталинградом... Десятки побед... Он освобождал украинские города, освобождал Прагу.

И вот два фронтовых товарища, Танкаев и Родимцев, пришли 9-го мая на Красную площадь.

– Я не дам тебя в обиду, Радуга! Правда на нашей стороне! Не для того мы сражались и хоронили друзей, чтобы подонки издевались над нами.

Родимцев стоял рядом, без единого ордена, без единой медали. Когда-то все его награды увел у фронтовика очередной проходимец, прикинувшийся на час тележурналистом.

Танкаев снял со своей груди с полдюжины орденов и медалей и пристегнул их к пиджаку Ивана Григорьевича. Тот сопротивлялся, отговаривал друга. Но Танкаев был непреклонен. Радуга прослезился. Да, он сломлен!.. Сломлен, как человек. Но, встретив Беркута, он воспрянул духом и вновь поверил в себя.

Тема фильма – битва за честь, и не просто за честь мундира, а за честь нашей Истории, о которой сегодня столь неуважительно порой отзываются подонки разных мастей и борзописцы, которые не нюхали пороха! Сломленная судьба фронтового товарища заставляет Танкаева броситься в бой. Это его последняя, быть может, самая нелегкая битва, битва с невидимым врагом, с «молью и с короедами», разъедающими здоровое древо страны.

– Завтра же садимся в машину и едем в Сталинград! Едем за Правдой!

– В Волгоград, дедуля, – поправляет генерала стоявший рядом внук.

– Нет, в Сталинград! Мы найдем твоих обидчиков, Иван Григорьевич! Мы постарели, но фронтовое братство не распалось.

– Я с вами, дед. И я поведу машину. Пригожусь вам, вот увидишь.

Солнечным майским утром втроем они выехали на старенькой танкаевской «Волге» из Москвы...

Этот путь – путь по местам былых сражений. Раздумья, споры, дорожные приключения, поиски обидчиков – вот что станет основным сюжетным стержнем картины.

В повествование органично вплетется фронтовая кинохроника, она станет идейным контрапунктом фильма и поможет нам еще раз пройти вместе с Танкаевым весь его славный боевой путь – сначала до Волгограда, потом и до Праги.

А в Волгограде Танкаев с помощью армейских друзей помогает вернуть Ивану Григорьевичу квартиру. Но по-кавказски упрямый генерал не мог вернуться в Москву, пока обидчик Родимцева, присвоивший его ордена, гуляет на свободе. Здесь и пригодился старым воякам младший Танкаев. Смышленый внук, чемпион Дагестана по борьбе среди юношей, прекрасно справился с поставленной перед ним боевой задачей. Проходимец попал в хитро расставленные сети и был доставлен на квартиру Родимцева.

– Ну, что будем делать, малыш? – миролюбиво спросил у перепуганного проходимца генерал. – Ты ведь не успел еще и меня лишить наград. Может, попробуешь?

– Не имеете права! У вас нет доказательств...

– Иван Григорьевич, – обернулся к другу Танкаев. – Ты мог бы перед судом подтвердить личность тележурналиста, который, оказывается, вместо тебя воевал под Сталинградом?

– Да, это он, – произнес Родимцев.

– Это самосуд! Я требую, чтобы меня отвели в отделение милиции! Это не конституционно!

– О Конституции поговорим позже. А в милицию мы тебя не сдадим. Тобой займется армейская прокуратура. Ты нанес оскорбление армии и перед ней понесешь ответ.

Генерал Танкаев обладал железным характером. Он сдержал свое слово и на сей раз.

Но настал час разлуки.

Был уже конец мая и бурно цвели вокруг города-героя яблоневые и вишневые сады.

Два старых человека шли бок о бок по аллее сада, и буйный цвет весенних вишен на всем пути накрывал их белоснежной фатой. Они вели беседу.

– Признаюсь тебе, Радуга. Мой самый счастливый цвет – белый, – говорил генерал. – Цветущая вишня... она, как молитва, очищает и душу, и мысли...

Они остановились. Иван Григорьевич приобнял Танкаева, утвердительно кивнул в ответ головой.

– Когда я умру, – улыбнулся генерал, – на могилу мою принесите белые цветы. Только белые... А Верочке я не могу об этом сказать, расстроится. Ты понял?

– Ну что тебя вдруг так занесло, Танка? – Родимцев поглядел в глаза друга.

Танкаев остановился, побледнел. Будто пружина сжала что-то в его груди. Он оперся на плечо Ивана Григорьевича. Тот поспешно достал из кармана капсулу:

– Под язык, Беркут. И не волнуйся. У меня тоже моторчик пошаливает.

Танкаев с усилием выпрямился и улыбнулся:

– Бывает. Будем жить, Радуга!

Когда генерал возвращался с внуком в Москву, он долго о чем-то размышлял, глядя на бегущую навстречу ленту шоссе. И неожиданно поделился своими мыслями с Танкаевым-младшим?

– Не будем ломать парню судьбу, Казбек. Ну что из того, что припаяют ему лет пять или восемь? Там, за решеткой, и опыта наберется, «академиком» станет. А через пару годков, поверь, его выпустят, и начнет он тогда мстить старикам. Я таких знаю.

– Что ты предлагаешь, дедуля? Зачем же затевали все это? Мотались, бензин жгли, Ивану Григорьевичу голову морочили? Пусть тогда подонок снова грабит людей!

– Да нет же, так просто не отпущу его. Мозги все равно вправлю. И урок он от меня по полной программе получит. Научим его уважать фронтовиков. Пусть поймет, почем на войне фунт лиха...

– Что ты придумал, дед?

– Скоро увидишь...

Генерал Танкаев входит в здание Министерства обороны России. Часовые отдают ему честь...

Он сидит перед коллегой, молодым генералом, и что-то убежденно рассказывает ему.

Тот пожимает Танкаеву руку:

– Ну что ж... Я очень благодарен вам, генерал, за проделанную работу. Мы осветим это в прессе. А наша прокуратура по заслугам воздаст прощелыге...

– Но я не затем пришел к вам, генерал. У меня совсем другие намерения в отношении этого парня.

– Излагайте.

– Думается, – продолжал Танкаев, – его надо проучить, но проучить воспитательно, без всякой там тюрьмы.

– Это что-то новое, – улыбнулся генерал. – До сих пор только тюрьмы перевоспитывали преступников.

Танкаев развернул перед командующим округом свой план:

– Скоро, как мне известно, округ будет проводить широкомасштабные маневры. Доверьте мне подследственного, я засажу его в траншею перед началом боя и, когда пойдут в наступление танки, начнет работать артиллерия, пойдет в атаку пехота, я отдельно попрошу вертолетчиков пикировать именно на эту траншею... Пусть он наложит в штаны...

– Ну, это же ребячество, – широко улыбнувшись, перебил Танкаева командующий.

– Пусть он на своей шкуре испытает хоть тысячную долю того, что испытывали когда-то мы! – разволновался Танкаев.

– Вот именно – тысячную, – рассмеялся командующий. – Ведь маневры – игра, и бить будут холостыми… С него, как с гуся вода...

Генерал Магомед Танкаев и народный поэт Дагестана Расул Гамзатов на встрече с молодыми офицерами

– А я попрошу танкистов, чтобы они отутюжили траншею. Червяком он будет ползать…

– Успокойтесь, генерал.

– Это надо сделать, разрешите...

– При всем уважении к вам, не могу. Это противозаконно.

– Но надо же, чтобы в нем заговорила совесть... – Танкаев не договорил.

Предметы на столе у командующего поплыли перед ним, стены качнулись. С усилием, достав из кармана капсулу, он незаметно для собеседника поднес ее к побелевшим губам...

А командующий что-то долго и увлеченно объяснял ему, но слов его Танкаев уже не слышал, он лишь следил за темпераментно жестикулирующим хозяином кабинета.

Наконец все вернулось на свои места – и стены, и стол, и фигура командующего. До Танкаева отчетливо донеслась последняя фраза генерала:

– Обратитесь к министру, только он может помочь.

…Парень испуганно метался по траншее. Но взвод и он, в том числе, были окружены. Танки палили беспощадно. Они надвигались со всех сторон. Пикировали вертолеты.

Разрывы муляжных мин сотрясали землю. Лицо парня почернело, то ли от комьев взлетавшей вокруг земли, то ли от ужаса. Один из танков уже ворвался в зону обороняющихся и гусеницы его пересекли траншею.

– Ложись!

Парень бросился на залитую водой землю, пополз по траншее. Тень танка уже настигла его... Он обернулся, увидел над собой гигантскую машину и от пронзительного крика его содрогнулись, кажется, небеса.

Но это был всего лишь сон – сон генерала.

В то утро Танкаев не проснулся... Этот последний сон стал для генерала и последним откровением его жизни.

ЭПИЛОГ

В горах Дагестана, неподалеку от аула, где родился Танкаев и где родились его предки – отец, деды, прадеды, светится белым цветом могила генерала. Цветы над могилой, как и завещал Танкаев, белого цвета.

В повисшей над горами тишине слышатся чьи-то шаги. С букетом ослепительно белых роз откуда-то, словно из поднебесья, приближается к могиле генерала... сам генерал Танкаев. Он опускает букет к изголовью... Что это? Мистика? Он снимает с себя генеральский мундир с орденами, бережно кладет его рядом с цветущим деревом. Затем, зачерпнув из баночки воду, умывается и, смыв с лица грим, оказывается уже не генералом, а просто артистом.

Ему-то и суждено было сыграть в нашем фильме роль славного сына дагестанского народа. И звучит над горами песня:

Цвет радости – белый
Считался от века,
Как вешний черешневый цвет.
С вершины Эльбруса
И с гребня Казбека
Течет незапятнанный свет.

Актер медленно удаляется от могилы, и вместе с ним удаляется песня. Актер обернулся, отдал низкий поклон своему герою и скрылся за скалой.

Но если белеть мои волосы стали,
То значит средь белого дня
У вестника радости вестник печали
Похитил однажды коня.

СТИХИ

ВЕЧНЫЙ СПОР

Шамиль МУСТАФАЕВ

ДВАДЦАТЬ СЕМЬ

Людской беды немая тень,
в тревожном небе затаилась,
когда судьба моя свершилась,
мне было только двадцать семь.

Как оказавшись на войне,
сверкая золотом погонов
и возглавляя эскадроны,
я мчался первым на коне.

Рекой бежала всюду кровь,
и люди падали как камни,
и те, кто был недавно с нами,
блуждали в царстве вечных снов.

С картиной ужаса в глазах,
земля взмолилась о пощаде,
она не ведала о гаде,
что с красным знаменем в руках.

И в ком текла другая кровь,
они без жалости рубали,
и ничего не понимали,
что будет божий суд суров.

Волною хамства поднялись,
все на пути своем сметая,
и, как волков голодных стая,
делить добычу принялись.

Россию гордую обняв,
в своих объятьях задушили,
любовью ложной погубили,
все до последнего отняв.

Я не был в страхе за себя,
мне было горько за Отчизну,
что все подвергла вандализму,
вся эта свора Октября.

Моя изодрана шинель,
но не упал я вовсе духом,
когда вели меня под дулом
сквозь темный каменный туннель.

Морозным утром, ровно в пять,
едва лишь звезды догорели,
под стоны жалобной метели
меня решили расстрелять.

Стоял я молча у стены
и, улыбнувшись так спокойно,
был счастлив тем, что мог достойно,
отдать себя за честь страны.

На землю падал белый снег,
раздался выстрел так привычно,
и было пуле безразлично,
что мне всего лишь двадцать семь.

А. З. А.

Вся красота, что есть на свете,
Перед твоею так ничтожна,
Волна любви твоей, как ветер,
Ласкает волосы и кожу.

И все, к чему ты прикоснешься,
Вдруг оживает, словно в сказке,
Ты светлым именем зовешься,
Но не предам его огласке.

Не потому, что я скрываю
Все чувства лучшие и мысли,
Я от людей тебя спасаю,
Чей яд приводит к смерти быстрой.

ВЕЧНЫЙ СПОР

Часы проходят, меняя годы,
все реже волос, тускнее взгляд,
то устаю от своей свободы,
то вновь хочу вернуться назад.

То ранней птицей жду я утро,
то ночи темной капюшон,
то мыслю правильно и мудро,
то вовсе этого лишен.

То прогоняю стаю мыслей,
то снова вместе соберу,
то загораюсь, будто искра,
то гасну, словно на ветру.

То жду подолгу я кого-то,
то вовсе видеть не могу,
то замираю, как болото,
то что есть мочи закричу.

То одинок непоправимо,
то снова полон дом гостей,
то мнится: жизнь проходит мимо,
то вдруг шагаю вместе с ней.

То без любви я прозябаю,
то от нее сбегаю прочь,
и все я знаю и не знаю,
и сразу всем хочу помочь.

То протяну тихонько руки,
то опущу их невпопад,
то устрашаюсь я разлуки,
то безразличен или рад.

То взгляд твой кажется загадкой,
то ничего в нем не сыщу,

то огорчусь в душе украдкой,
то все забуду и прощу.

Так и живу – с собою споря,
то в ссоре вечной, то в ладах,
душа моя живет у моря,
а разум прячется в горах.

ЖЕЛАНИЕ

В твоих глазах, до боли нежных,
обрел я счастье и покой,
отныне все, чем жил я прежде,
уже не властно надо мной.

Теперь живу одним желаньем,
быть рядом, милая, с тобой,
и ублажать свое сознанье,
твоей душевной глубиной.

ЗИМНИЙ СУД

Зима завьюжила вокруг,
И мне немножечко досталось,
Снежинкой боль к груди прижалась,
Не испугавшись теплых рук.
Я слева руку приложил,
Она, колючая, не тает,
И сердце бедное терзает,
За то, как я на свете жил.
Как я терял себя в грехах,
Так близко с дьяволом общаясь,
Не веря в бога и не каясь,
Ни стыд не ведая, ни страх.
Как, одурманенный травой,
Вином запив всю мерзость жизни,
Я становился ненавистным,
К всему, что связано с тобой.
Я презираю жизнь свою,
Что учит нас повадкам зверя,
Что больше в ангела не веря,
Я душу дьяволу дарю.
Что каждый раз, как идиот,
Тебя во лжи разоблачая,
Я вновь ошибку повторяю,
Что колом в сердце мне войдет.
Немало бед я испытал,
Но горьких слез не проливаю,
Я жизнь свою подвинул к краю,
Когда своей тебя назвал.

ЛАНДЫШ

Прошедшим годам вопреки
любовь далекую я прячу,
на дне души моей незрячей,
ослепшей в сумерках тоски.

Она останется во мне,
покуда взор мой не погаснет,
такой же чистой и прекрасной,
как первый ландыш по весне.

ДНЕВНИК

З. ДАДАЕВА

ЛЕГЕНДЫ О ЛЮДЯХ...

Эти легенды появлялись двенадцать дней.

Тогда встретились две души и «узнали» друг друга. Совсем близко подошли Тайна и Нежность, чуть поодаль ждала Любовь.

Но Человек испугался, и все закончилось.

Остался опыт и знания растворения в Боге, в себе и в другой душе. И остались Легенды – как фантомы вспоминания обыкновенного чуда.

ТЕБЯ БОЛЬШЕ НЕТ

Смотрю в небеса с тоской, болью, гневом. Оттуда медленно сыпется дождь из белых ромашек.

Это ты признаешься мне в любви.

Бог собирает для меня ожерелье из моих лет. Сегодня он нанизал на нить еще одну бусину.

Мне нравится мое ожерелье. Только с каждым годом оно становится длиннее и тяжестью своей сгибает меня к земле.

Моя любовь ходит по свету в длинных, белых одеждах. Ветер рвет ее, солнце испепеляет ее, время разрушает ее. Я жду ее.

Я уже не помню Себя. Нет – я не знаю Себя. У меня никогда не было этого главного знания.

Может, Меня уже нет. А если есть, то две или много, а значит – ни одной настоящей.

Наша любовь живет в песочных часах. Я перетекаю в тебя вся, целиком, без остатка.

Опустошаюсь. Потом ты перетекаешь в меня, наполняя и опустошаясь одновременно.

Мы одно целое, растворенное и живущее друг в друге.

Песочные часы переворачивает наша любовь. И так до тех пор, пока она не устанет смертельно.

Любовь умирает от усталости.

Жернова жизни медленно мелят горе, радость, любовь, ненависть, мечты, надежды.

Невидимый мельник монотонно крутит ручку год за годом, превращая все в пыль вечности.

Каждый год осень расстилает нам под ноги свой золотой ковер – божье приданое.

А уходя, как хорошая хозяйка, сворачивает его, перекладывая нафталином – до следующего года.

Я стала каменной старухой, сидящей у входа в свой аул и ждущей своих будущих детей.

Моя будущая дочь с лицом богини подходит ко мне с огромной кистью розового винограда и, подняв ее над каменной головой своей матери, стискивает ладони.

Терпкий сок растекается и оживляет холодную глыбу.

Я встаю с каменных корточек и иду назад — в свое будущее...

Долгой оказалась дорога к моему храму. Иду к нему вслед за стеклянным посохом.

Я не опираюсь на него, а он не касается земли. Мы не нужны друг другу. Просто нам по пути.

Я с ветром на Ты. Мы с ним старые приятели. Он любит подгонять меня в спину, заставляя бежать с ним наперегонки. Я всегда жду его — ветер моих перемен.

МАМЕ

На всем белом свете ты одна любишь меня бескорыстно, и не в ответ, просто за то, что я есть.

Принимаешь меня со всеми моими слабостями и пороками. Огорчаешься моими неудачами, радуешься моими победами. Я всегда греюсь у твоего костра.

Потому что я часть и продолжение Тебя.

Не спешу к тебе и искусственно удлиняю свой путь. Наслаждаюсь им, заблуждаюсь в нем. Постигаю его.

Проистекаю из любви и заканчиваюсь в ней. У этой реки нет начала и нет конца.

Оправила возлюбленного в свою нежность. Так золото обнимает драгоценный камень.

Как нелепо выглядит человек, который спешит. Куда?.. Зачем?..

Нет ничего громче тишины. В ней эхом отдается мое одиночество.

Долгие годы не выпадали дожди в моей долине. Старое солнце жгло нещадно это богом забытое место. Израненная засухой земля, казалось, уже не способна родить ни одного семени из своего лона…

И упало небо на землю каплей жизни.

РАССКАЗ

Хабизат

ХИЩНИКИ

На берегу серого моря тишина. Погода пасмурная. Опустевшие скамейки и беседки скучали без посетителей. Я вытащила из пакета теплый плед, укуталась и устроилась на одной из скамеек. Почувствовала себя комфортно.

Морская вода была мрачной. Изумрудный цвет, который всегда так радовал, будто исчез из ее жизни. Чайки качались на воде у берега, им было так же хорошо, как мне.

Но стало жутко, как вспомнила гибель Андрея, который утонул прошлым летом. Веселым, энергичным, общительным был парень моей приятельницы. В тот день после ремонта своей квартиры он с ребятами решил отдохнуть на море. Ох, какое же ты, море, злое! Такого парня убило!

Мои размышления прервал грустный голос:

– Привет!

Я оглянулась: неподалеку от меня стояла немолодая женщина. Она тоже глядела вдаль и, как я поняла, обращалась к морю. Море, всплеснув, ответило ей:

– Привет! Все-таки пришла ко мне?

– Ну и что ж…

Море подкатило несколько своих маленьких волн, как бы торжествуя по поводу прихода долгожданной посетительницы. Хоть и нехорошо подслушивать, я невольно оказалась свидетельницей их беседы.

Женщина продолжила:

– Чему ж ты радуешься? Ты, злой хищник…

– Понимаю: ты сердита. Но ты видишь только одну мою сторону. А по натуре своей я – великодушное и могучее, я служу человеку.

– Я испытала, как ты служишь…

– Небо – свидетель, не по моей вине он потерялся. Просто он переоценил свои силы. Я не захватчик, наоборот: я очищаю вас, даю вам энергию, в меня влюбляются поэты и художники. И я им воздаю должное. К сожалению, таких людей единицы. Большинство из вас – грабители.

– Он тебя не грабил. И я тоже.

– Какая разница – кто… Вы терзаете мою душу, изымаете печень, режете на куски сердце.

– Что-то слишком мудрено!

– Кто убивает моих детей? Кто отравляет меня нечистотами? Кто из нас больше хищник: вы или я?

– Но ты безжалостно! Зачем тебе губить сотни тысяч невинных? Вспомни цунами.

Море взволнованно зашумело:

– А ты, думаешь, почему? Вы же ненасытно выгребаете из меня все, что вам нравится, и не думаете, каково это мне. Где тонко, там и рвется. Я чувствую себя ужасно! Надолго ли меня хватит? Вы разрушаете естественную гармонию и сами страдаете от этого.

Женщина молчала, видно, ей нечего было сказать. Наступила неловкая пауза. Первым заговорило море:

– Мне нравится, что ты думаешь...

– Я не люблю тебя, но меня к тебе тянет. Ты, наверно, колдуешь: манишь к себе, чтобы, когда захочешь, поглотить.

– Я никого не заманиваю. Если вы не можете управлять собой, кто в этом виноват? А скольких безумцев я спасла? Вспомни и об этом. Давай лучше поговорим о хорошем. Я радо, что ты пришла ко мне. Разве мой воздух не бодрит тебя?

Моя соседка, похоже, успокоившись, ответила:

– Да, я наслаждаюсь твоей свежестью, хоть ты сегодня и в сером наряде. В голубом, с белым пушком по краю, ты, разумеется, лучше.

– Спасибо! Если мы будем понимать друг друга, все будет хорошо.

– Если ты искренне, то стоит подумать. Ты живое, и тебе отведено больше времени, чем нам. Я сегодня очень расстроена. Не все у меня складывается, как хотелось бы. Каждый сам придумывает и серые дни, и праздники.

Море молчало, слушая свою собеседницу, а потом сказало:

– Смотри на жизнь проще. У тебя нервы больны. Сделаю тебе массаж, и тебе станет легче.

– Я бы с удовольствием, но не могу приходить к тебе, не могу спокойно смотреть, как люди оставляют здесь после себя свои объедки, банки, бутылки – меня это раздражает. И не становится легче.

Собеседница моря задумалась, будто пытаясь вспомнить что-то, потом засмеялась:

– Да-а-а... А раньше было замечательно. Мы бегали по пирсу, по пляжу, дурачились, плескаясь в твоих волнах, а ты бросало на нас алмазные бусы, они рассыпались по нашим телам…

Они продолжали говорить, вспоминая прошлое, но я их уже не слышала. Быть может, море говорило правду, что на жизнь нужно смотреть проще? Не знаю. Мои мысли прервало пение женщины. Она подошла ближе к воде, коснулась ее поверхности, как бы поглаживая и успокаивая морскую гладь:

– Мы ведь друзья с тобой! Да? Я ведь, понимаю, мы, люди – не подарок. Я вернусь, как только смогу. Не скучай!

Я услышала, как море будто эхом, пропело вслед женщине:

– Не скучай… чай… чай…

И все стихло.

ОЧЕРКИ БЫТА

Наира АЛИЕВА

СОХРАНИ СВОЕ ЛИЦО

Наконец-то и меня пригласили на свадьбу! Нет, конечно, мужа приглашали постоянно, но почему-то только его. А когда-то, я помню, на пригласительных открытках писали: «Приглашаем вас с семьей…» или «Ув. тот и та… Приглашаем вас…» Почему возникла такая дискриминация, не знаю. И поэтому я, всегда индифферентно относившаяся к свадьбам, сейчас просто была счастлива: хотелось покрасоваться и посмотреть на современную тусовку…

Впервые я ответственно подошла к такому мероприятию: если раньше шла в лице и в платье, какие Бог послал, то теперь отправилась делать лицо в известный салон.

Я сразу почувствовала себя там одинокой кометой, вернее, метеоритом, упавшим на планету другого химического состава. Но, отбросив комплексы, я скромно попросила сделать макияж.

– Какой, – профессионально поинтересовалась визажист.

– А какие бывают? – в свою очередь спросила я.

– Для чего вы делаете? – уточнила она.

– Чтобы выглядеть лучше, – искренне удивилась я.

Тут она как бы проснулась.

– Вы что, первый раз? – весело спросила она.

Я, не видя в этом никакого преступления, честно ответила.

– Куда вы собрались? – в лоб спросила девушка.

Меня, признаться, вопрос покоробил, но я все-таки смиренно ответила, что собираюсь на свадьбу…

– Так бы и сказали, – перебила она. – Вам ярко или по-молодежному?

– Ну, вообще-то я из девичьего возраста вышла. И потом, возраст не закрасишь, – резонно заметила я.

– Не скажите, разные особы бывают, – парировала творческий работник. – Значит, скромно? Вы как обычно краситесь?

– Как Бог на душу положит. И не всегда.

– Ложитесь сюда.

Я опешила… Предполагала, что сяду на стул, а меня эта маляр собирается малевать лежа.

– А зачем ложиться?

– А как мне над вами работать? – уже сердясь, отвечала муза.

Я послушно легла. Чувство было как в зубоврачебном кабинете. Но все оказалось буднично: кремы, щеточки…

– Ну, вот и все. Скромненько – вы готовы.

Я встала и подошла к зеркалу. Почему-то сразу вспомнилась идиотская реклама: «Шок – это по-нашему». На меня издевательски смотрела разукрашенная старая калоша с Тверской – более яркий эпатирующий макияж трудно было представить! А стрелки! Клеопатра отдыхает. Такой агрессивной физиономии у меня никогда не было – и это еще скромно, по ее словам. Представляю, как выглядят нескромно. Заплатив за это произведение наивной живописи круглую сумму, я молниеносно поймала такси… А дома дверь открыл муж. Он с таким изумлением посмотрел на меня, что я молча прошла в прихожую и встала перед зеркалом.

– Тебя никто не видел? – озабоченно спросил он и, получив утвердительный кивок, сказал: – Путана на пенсии. Срочно умывайся.

Я сама сделала макияж – скромно и очень неплохо, теперь я это понимала. А на свадьбе я увидела столько насмерть изумленных, весьма почтенных матрон с аборигенским макияжем, на которых с юмором реагировала молодежь, что я поняла – им просто было жаль смывать деньги с лица. Не все же так богаты!..

КУКУШОНОК

Я на цыпочках пробралась из ванной в спальню... Он уже спал, приоткрыв свой ротик и немного сопя. Опять! Опять я не успела обнять свое солнышко и сказать, как я его сильно люблю, поспрашивать, как прошел день, во что он играл, о чем говорил с друзьями, как занимался в школе, не успела прочитать ему книжку... Не успеваю! Чувство раскаяния стало тяжело ворочаться где-то в груди. Когда же я буду жить с моим малышом вместе?

Утром я его быстро и требовательно бужу и по-

лусонного одеваю, муж лихорадочно готовит кашу. Затем он с папой, мой маленький воробышек, бежит, как всегда опаздывая в школу. Я бегу на занятия: учу чужих детей. Из года в год они накатывают бесконечными волнами на берег моей жизни, а я их учу, учу и учу – так проходит моя жизнь. Если у меня окно между часами, то я забегаю к маме: она наизусть знает мое расписание и всегда ждет меня, своего ребенка, которому отдала так щедро свою жизнь. Она не думала о карьере и никогда не жалела о ней – она жила нашей жизнью. Только она так бескорыстно любит меня, считает самой красивой и умной. С ней я ребенок: мне так спокойно и хорошо. С ней останавливается время, я никуда не спешу, а она готова бесконечно слушать о моих проблемах.

После занятий я бегу за своим маленьким школьником. С рюкзаком он похож на черепашку. Кормлю, наскоро спрашиваю об оценках (не о нем!), затем приходит снова учительница, которая уже сейчас подтягивает его. Потом англичанка. И лишь после этих цунами знаний он пулей вылетает на двор гулять с не обремененными учебой друзьями, которые уже давно носятся во дворе и чувствуют какое-то превосходство над моим малышом – он не знает законов двора, законов мальчишеского общения, законов настоящей жизни. Потом быстро темнеет, и я его зову домой. Но тут приходит муж – снова за столом разговоры о нашем взрослом, стандартно прожитом дне. А он снова играет сам с собой, сидит за компьютером или смотрит очередной страшный сериал мультфильма. А я прибираюсь. Мою посуду. Затем готовлюсь к занятиям, говорю по телефону... Наконец, я зову его к себе и обещаю:

– Сейчас, солнышко, приму душ, и мы с тобой поговорим.

– А ты почитаешь сказку? – спрашивает он доверчиво.

– Конечно, подожди меня немножко.

И вот я стою перед ним, а он уже спит, и мне стыдно, и до слез жалко моего бедного малыша.

МОЗОЛЬ

Застарелой моей мозолью в области мечтаний является сюжет под условным названием «Кавказская пленница». В меня страстно влюбляется неизвестный джигит, похищает меня и привозит в какое-то орлиное гнездо. Ну, естественно, атрибуты такого романтического похищения – слуги, фрукты, музыка. Плюс современная атрибутика – компьютер, сотовый и т.д. Но, поручив меня заботам слуг, мой современный Дон Жуан начисто забывает про меня – одну из многочисленных пассий, – как сойка, которая прячет желуди про запас и забывает, куда спрятала. А я продолжаю жизнь в этом раю. Ничего не делаю: никаких стирок, уборок, приготовлений еды, работы... Никто не будит меня. Бесшумные, как тени, слуги выполняют все мои прихоти.

Вначале я, конечно, отсыпаюсь. Потом сколько угодно брожу по просторам интернета. Потом читаю модные журналы... Косметолог. Визажист, массаж, музыка, языки... Потом начинаю осваивать окрестности... Потом начинаю разъезжать по миру... Конечно же, мне становится скучно ездить одной, не делясь впечатлениями. И я забираю к себе жить своего уже интересного мужа. На фоне прекрасных экзотических пейзажей у нас снова вспыхивает индийская любовь, и мы, гордые, влюбленные, возвращаемся в свою квартирку на пятом этаже.

Нет, все-таки с милым рай и в шалаше. Пусть и двойная жизнь – работа плюс дом, зато с единственным из нескольких миллиардов живущих, обратившим на меня внимание – это в какой микроскоп надо было смотреть, чтобы в людском муравейнике увидеть меня, а потом просто полюбить. Поначалу, ни за что – просто как биологическую особь, а потом просто присохнуть, когда он узнал меня как личность – пусть с незатейливым узором души, но для него самым совершенным.

Так что мечта мечтой, но претворять ее в жизнь я не хочу – для чего? Чтобы вернуться на круги своя? Наверное, чтобы, прокрутив сладкую мистификацию, понять, что жизнь намного лучше даже самой райской мечты…

МАЛЕНЬКИЙ ЗИГЗАГ

Я решила взяться за себя!

Конечно, такие желания у меня возникают периодически, и я начинаю активно любить себя. Я накупила кучу дорогущих кремов, лаков, косметики и принялась за творческое создание своего имиджа. О! Я получала просто чувственное удовольствие от различных притираний, от запахов кремов. Отдельный крем для век. Отдельный крем для лица. Отдельно для кожи (как будто на лице у нас не кожа), отдельный крем для рук… Вечером, в постели, активно намазавшись всеми положенными кремами, я чувствовала себя причисленной чуть ли не к рангу леди. Муж, первый раз увидев меня столь щедро промасленной, шарахнулся и сказал:

– Это невозможно, не постель, а парфюмерная лавка.

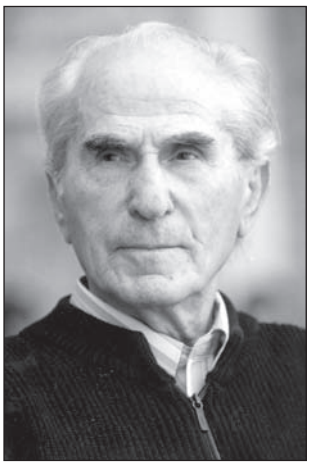
И еще что-то добавил. О чем – вы, конечно, догадались.

Но меня, как революционный паровоз, ничто не останавливало. А как творчески я красила впервые ухоженные ногти! Я искренне жалела, что у меня не 20 пальцев.

Но очередной порыв прошел, и о нем напоминают лишь сиротливые штабеля косметики. В ту сторону я стараюсь не смотреть, а муж в очередной раз подчеркивает, что его пророчества сбылись, и меня ничто не изменит. Я же, раздаривая кремы, горячо убеждаю, что лучше их нет. И в глубине души понимаю, что, действительно, горбатого могила исправит, – быть женщиной – это тяжкий труд, и героем соцтруда в этой области я точно не стану. Процесс этот должен быть естественным. Это должно быть частью натуры: трудиться, чтобы быть привлекательной, с радостью.

Кончено, это мой фиговый листочек. Я настолько занята своей работой и своей семьей, что на такой подвиг, как уход за собой, – уже не остается ни сил. Ни времени, ни желания. Ну не могу я подать себя, нет во мне менеджера, и рекламная упаковка отсутствует. Вот в чем я женственна – так это отсутствием воли и логики. Поняв это, я смирилась, что не привлекаю интересных мужчин, и снисходительно наблюдаю, как попадаются в сети косметики довольно неплохие мужчины. Сами виноваты.

ИЗ КНИГИ, КОТОРОЙ ПОКА НЕТ



Булач ГАДЖИЕВ

ГЕНЕРАЛ МИЩЕНКО – ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН

Манасаулец Курахил-Магома на арбе перевозил дрова в Темир-Хан-Шуру. Ночь застала его недалеко от города. Проливной дождь затопил всю округу. В том месте, где грунтовая дорога петляла около южной сторожевой башни, арба окончательно застряла в глубокой яме. Как ни старался Курахил-Магома, но ни понукание, ни палка не помогали, и он было уже окончательно отчаялся, как вдруг перед ним в сетке дождя возник человек и, не говоря ни слова, приложился плечом к арбе. Его примеру последовал и манасаулец, стеганув волов палкой. Когда повозка, наконец, тронулась со злополучного места, а затем одолела и подъем, он с благодарностью протянул незнакомцу руку. Тот с готовностью ответил, и в этот момент Курахил-Магома под плащом незнакомца заметил золотой погон. И он догадался, что победить хляби небесные ему помог генерал Павел Иванович Мищенко.

Мой знакомый Ибрагим-Халил рассказывал: «Когда мне было 12 лет, на фаэтонах с дамами из Темир-Хан-Шуры к нам, в Манас-аул, приезжали губернатор Дагестана, генерал Мищенко, инженер Даитбеков и другие господа. Мужчины у скал Накатала и Галанджара устраивали засаду, а мы, детвора, с противоположной стороны поднимали неимоверный шум, чтобы напугать зайцев, лисиц и кабанов (каждый из нас получал за это от 30 до 50 копеек). Стрельба продолжалась несколько часов. Затем господа обедали, отдыхали, ловили форель в Апке-озень.

Однажды мне крупно повезло. Возле аула появились кабаны. За ними погнался генерал Мищенко. В одном месте нахожу его калошу. После охоты (а она была удачной) я вернул ему пропажу. Генерал дал мне полтора рубля, на которые в городе я купил новый бешмет, пообедал сытно в столовой и с остававшимися 20 копейками вернулся в Манас-аул. Это был самый счастливый день моего детства…»

…Когда красный полк проходил мимо генерала Павла Ивановича Мищенко, тот становился во фронт и отдавал честь.

– Вы что, красных почитаете? – спрашивали у него.

– Этого не скажу, – отвечал Мищенко, – но знамя любой воинской части, любого государства смею приветствовать.

Кто же такой Павел Иванович Мищенко?

27 января 1904 года нападением на Порт-Артур Япония начала военные действия против России. А 31 января царь Николай II обратился к населению с призывом идти на войну.

Второй Дагестанский полк в конце марта 1904 года отправился на Дальний Восток. Он входил в состав корпуса, которым командовал генерал-адъютант Павел Иванович Мищенко. Горцы отличились на реке Тайпузыэ, в лаоянских боях на Жахэ, при взятии деревень Халантози, Янтайцы, Пейдагоу. Завидев дагестанцев в черных бурках, японцы в панике разбегались.

В конце декабря 1904 года 2-й Дагестанский полк участвовал в знаменитом набеге на железнодорожную станцию Инкоу. В январе 1905 года всадники полка бились у реки Хуньхэ. Генерал Мищенко приказал атаковать одну деревню, чтобы очистить правый берег реки. Сотня полка была встречена огнем пехоты, залегла, неся потери. На спасение товарищей бросились еще две сотни дагестанцев, а по указанию Мищенко конная батарея открыла огонь из пушек. Неприятельские пулеметы замолчали, ружейный огонь ослаб. В феврале 1905 года в кровопролитных боях под Мукденом всадники полка снова бросались в конную атаку… Немало горцев навсегда осталось лежать на полях Маньчжурии.

П.И. Мищенко так понравились дагестанцы, что он, имея высокий чин генерал-адъютанта, бросил службу и вместе с всадниками полка прибыл на их родину. Восторженные жители Темир-Хан-Шуры устроили воину горячий прием. Рескриптом царя Павлу Ивановичу Мищенко было присвоено имя Почетного гражданина Темир-Хан-Шуры, а администрация подарила ему двухэтажную башню, расположенную к югу от города.

Заслуженный воин, еще в Маньчжурии делившийся с всадниками-дагестанцами всем что имел, не изменился и после армии. Горцы бывали у него запросто. Одному даст семена, другого научит скрещивать лучшие сорта фруктовых деревьев, третьему подскажет, почему нужны «магазины» для пчелиных ульев. Горцев тянуло к Мищенко многое, особенно удивляла их небольшая электростанция, которая давала свет дому, саду и энергию лесопилке. Между прочим, станция действовала до 1942 года.

Генерал оказался неплохим садовником. На полутора гектарах он разбил великолепный парк, посадил фруктовый сад. Долго, до наших дней, сохранялись катальпа, клен, белолистка, береза, восточная туя, кедр, тополь, персидская сирень, розы, вечнозеленый букус, яблони, груши, персиковые, абрикосовые деревья, вишня, черешня, айва, миндаль, слива, грецкий орех. Павел Иванович был еще страстным пчеловодом.

Он водил дружбу с Беловесским Адамом Григорьевичем, чье имя и сейчас носит высокая горка на окраине Буйнакска. Они бывали в гостях друг у друга семьями. Оба – высокообразованные люди, им было о чем поговорить.

Революционерка Тату Омаровна Булач рассказывала мне: «Я лично знала генерала Мищенко, бывала у него в гостях. С ним были знакомы У. Буйнакский, М. Дахадаев, Д. Коркмасов. Последний дал указание, чтобы никто не смел беспокоить героя русско-японской и 1-й мировой войн».

Однако жизнь славного генерала трагически оборвалась. Это было связано с визитом к нему в 1918 году трех красноармейцев.

После тщательных поисков мне в 1954 году удалось увидеться с одним из них. Звали его Николай Иванович Бабенко. Он трудился в Буйнакской ремконторе. Встреча была тягостной. Он долго не хотел отвечать на мои вопросы. Когда же я напомнил, что это не моя прихоть, а общественность интересуется всем этим, Бабенко сдался.

«Генерала Мищенко я знал еще до революции, – поведал он, – еще тогда, когда переоборудовали сторожевую башню под жилой дом. Я по профессии столяр, работал у генерала с артелью плотников. После выполнения заказа я потерял его из виду. Это значит до 1918 года. В том году за аулом Чиркей шли бои между ляховцами из Астрахани и всадниками Дагестанского полка. У нас, у красных, был убит один кавалерист. Похоронить его решили торжественно, с почестями. Нужны были венки. Я сказал, что цветы можно достать в саду генерала Мищенко. Я, Кравченко и еще один красноармеец, фамилию которого забыл, верхом отправились к Мищенко. Как сейчас помню, когда мы сошли с лошадей, нас встретила солидная дама, выше среднего роста. Я обратился к ней со словами: "Разрешите набрать цветы", и объяснил ей, по какому случаю мы прибыли. Она сказала: "Я сама нарежу!" Из башни дама принесла секатор и аккуратно набрала солидный букет. Мы поблагодарили ее и ускакали в город. Вот и все. Потом по Темир-Хан-Шуре прокатился слух, что мы убили генерала Мищенко. В этом обвиняли меня и бичераховцы…»

Старожилы уверяли меня, что Бабенко солгал от начала до конца. Когда в Темир-Хан-Шуре установилась советская власть, трое красноармейцев, в том числе и Бабенко, заявились к Мищенко и передали, что его срочно вызывают в город.

– Извольте сказать, кто вызывает? – спросил Павел Иванович.

– Советы, – был ответ.

Через короткое время он вышел из дому одетый по всей форме, при всех регалиях. Когда генерал стал прощаться с супругой, красноармейцы приказали: «Царское время навсегда кончилось: снимите погоны и побрякушки!».

Павел Иванович в первую минуту будто оцепенел, затем круто развернулся и направился в башню. Через несколько минут хлопнул выстрел. Его застали в луже крови…

Парк и сад, где жил Павел Иванович, расположены в живописном уголке. Потом там функционировал туберкулезный госпиталь республиканского значения.

А башню, подарок горожан Темир-Хан-Шуры генералу, не взирая на мои протесты, разрушили. Неизвестно и где его могила. Мое предложение – назвать одну из улиц города его именем – было напрочь отвергнуто.

На снимках: генерал на русско-японской войне; башня в усадьбе генерала в Темир-Хан-Шуре, позднее снесена.

ТЕЛЕТЛЬ И... ЛОНДОН, ТЕМИР-ХАН-ШУРА И... КАЛУГА

В один из летних дней 1977 года преподавательница Буйнакского финансового техникума Валентина Климова передала мне письмо, в котором спрашивалось, есть ли в Дагестане населенный пункт под названием Телетль. Подписалась неизвестная мне женщина так: «Калужанка из Москвы Некрасова Вера Петровна».

Я ответил утвердительно.

В следующем письме из Москвы сообщалось: «В ауле Телетль один сезон проработала учительницей Иванова Лидия Георгиевна. Это было приблизительно в 1902 году. Хотелось бы узнать о ее пребывании в дагестанском ауле. Для меня, – говорилось в конце письма, – это очень важно».

По этому поводу я обратился в телетлинскую школу. Откликнулся учитель истории Муртузали Ахмедов. Привожу часть его письма: «…В первый же год открытия нашей школы, в 1901 году, приехала в Телетль учительница Лида. Об этом мне говорили аксакалы аула М. Хачаев, М. Маламагомедов, Н. Алиев, но ни один из них не помнит ни ее фамилии, ни отчества, не знают они, и сколько учительница проработала в Телетле, т.к. в ту пору названные товарищи были еще детьми».

Вера Петровна в очередном письме предупреждала меня: «Мне 80 лет, я не кавказский житель, где горы помогают преодолевать годы, поэтому тороплюсь выполнить одну чрезвычайно важную для меня миссию». История, которую она сообщила, была такова.

...В один из летних вечеров 1901 года в квартире почтмейстера Темир-Хан-Шуры Георгия Иванова давался званый ужин. После еды и танцев молодые люди делились последними городскими новостями. Когда и эта тема была исчерпана, кто-то из присутствующих начал читать вслух газету «Областные ведомости» Одна заметка привлекла внимание присутствующих: для только что открывшейся одноклассной школы в ауле Телетль Гунибского округа требовался русский учитель.

Как это нередко бывает, среди молодых людей начался спор: кто захочет поехать в такую глухомань, куда на всю зиму дорога заказана и т.д. и т.п.

Вдруг разговор принял совершенно новый оборот:

– Я поеду!

Слова эти утонули в раздавшемся продолжительном хохоте. И было от чего. Это заявление сделала дочь почтмейстера Лида Иванова. Ее слова никто всерьез не принял. Однако девушка упрямо повторила свои слова. Доводов против поездки была целая куча, в том числе и такой: что сказать женихам, от которых отбоя нет. Ничто не помогло. Вечер расстроился, и гости расходились, будто с панихиды.

Уверенность Лидии была основательна. Год назад она блестяще окончила в Тифлисе Женский институт Святой Нины. Темир-Хан-Шура для нее и родителей являлась родиной. Отца здесь уважали, а сама Лидия водила знакомство и дружбу с дагестанской молодежью.

Волей-неволей родным и знакомым пришлось благословить в дорогу юное создание. К концу второго дня конная линейка доставила девушку в нужный аул.

Павел Павлович Каннинг с женой Лидией Георгиевной Ивановой, г. Калуга, 1907 г.

Телетль в ту пору представлял собой довольно крупный населенный пункт, но в отличие от других аулов в нем была только одна улица, к тому же еще настолько узкая, что встречные арбы не могли так просто разъехаться. Линейка остановилась у дома начальника участка. Девушку поразили образованность начальника Ибрагима Амирханова и поразительная привлекательная внешность его супруги – Бийке. Попав в гостеприимную семью, Иванова совсем успокоилась.

Школа оказалась новой постройки, из тесаного камня, и состояла из двух комнат. Благодаря усердию начальника участка школа заработала, и к концу года дети, к удивлению родителей, более-менее сносно могли на бытовом уровне говорить по-русски. Научились они также читать и писать.

Когда наступило лето, Лидия собралась домой. Дети провожали ее до последней сакли аула и остановились перед крутым спуском к «Царской дороге». Лидия Георгиевна прощально махала им платочком, время от времени утирая слезы. Более в Телетль она не приезжала. На то имелась весьма уважительная причина. Года за три до описываемых событий семья Ивановых каждое лето отдыхала в Кисловодске. Здесь Лидии Георгиевне случилось встретиться с молодым человеком, назвавшимся Павлом Павловичем Каннингом. Выяснилось, что он приехал из Калуги подлечиться и отдохнуть. Девушка из Темир-Хан-Шуры произвела на Каннинга неотразимое впечатление. Он предложил ей руку и сердце, но получил отказ. И только лишь после телетлинской эпопеи Лидия дала согласие на брак. В связи с этим вся семья Ивановых покинула Дагестан и переехала в Калугу…

Вера Петровна снова напомнила мне о своем возрасте, плохом здоровье и что вряд ли ей удастся завершить написание книги.

«Хорошо бы, – писала она, – если бы мы увиделись в Москве, и я Вам вкратце сообщила бы о судьбе темирханшуринки после переезда в Калугу».

Дочитав письмо, я сказал себе, что в жизни Ивановой, посвятившей один год детям горцев, ничего выдающегося нет. Таких «кавказских пленниц» в Дагестане в советский период – пруд пруди, на всех у меня сил не хватит. Однако решил, что, будучи в Москве, непременно с ней встречусь.

Так и вышло. Оказавшись в столице, я договорился с Некрасовой по телефону, и мы встретились у Библиотеки им. В.И. Ленина. Вера Петровна оказалась невысокого роста, худенькой, изможденной женщиной с потухшими глазами. Записывать, что она говорила, не было возможности. Я все приказывал себе: «Запоминай, Булач, запоминай!». Более часа мы торчали на улице. Я удивлялся, как Веру Петровну держали ноги. Расставаясь, она поцеловала меня в лоб и помахала худенькой рукой. А я уехал в аэропорт.

И вот тороплюсь пересказать читателю историю, которую Вера Петровна доверила как завещание. Вот она.

…Из Лондона в Санкт-Петербург прибыла леди Каннинг с сыном. Ночью юноше стало худо. Разбуженная прислуга сообщила, что в соседнем номере остановился с семьей профессор медицины господин Парубский. Доктор оказался настолько любезен, что без всяких церемоний отправился к больному, а осмотрев его, объявил, что у сына леди двустороннее воспаление легких. На следующий день в Лондон полетела телеграмма о случившемся. Потянулись тревожные дни, и все это время профессор был занят неожиданным пациентом, которого, в конце концов, поставил на ноги.

Перед возвращением в Англию леди Каннинг и ее сын нанесли визит Парубскому и его семье. Во время встречи произошло непредвиденное. Молодой лорд с первого взгляда влюбился в одну из дочерей профессора – Анну Александровну. Поняв, что это серьезно, леди чуть не потеряла сознание, но сын настаивал на своем, и в Лондон полетела вторая телеграмма, испрашивающая разрешения сыну жениться на русской девушке. Как и ожидалось, отец юноши, лорд Каннинг, счел затею сына временным помешательством и требовал немедленного возвращения семьи на родину. В противном случае, говорилось в телеграмме, у него не будет сына.

Тогда юноша принял новую веру и женился на Парубской. Через год у них родился сын, которого окрестили Павлом. Мальчик оказался чрезвычайно любознательным. Во время обучения в 6-м классе он привязался к своему гимназическому учителю К.Э. Циолковскому, бывал у него дома и, по возможности, старался быть ему полезным. Наш герой получил образование и сделался владельцем аптеки. Вот тогда-то Павел Каннинг ездил на лечение в Кисловодск, где и завязался у него роман с темирханшуринкой Лидией Ивановой…

Вера Петровна Некрасова, г. Калуга, 1968 г.

Вот, собственно говоря, и весь рассказ, услышанный от Веры Петровны. Я надеялся, что из переписки с Некрасовой узнаю, как события развивались дальше. Но вскоре получил известие о кончине калужанки. На всякий случай обратился в музей истории космонавтики им. К.Э. Циолковского в Калуге. Ученый секретарь музея Н.Г. Белова переслала мне воспоминания …самой Лидии Георгиевны, из которых я сделал следующую выборку:

«Константин Эдуардович Циолковский считал Павла Каннинга своим другом. У него среди инженеров, врачей и демократично настроенных калужан имелись друзья. Некоторые из них жертвовали деньги, чтобы Циолковский мог приобрести материалы для своих моделей. Делал это и мой супруг. Революционно настроенные друзья Циолковского Доброхотов и Авилов часто спасались от полиции в нашем доме. Муж организовал книжный склад, куда Константин Эдуардович сдавал для продажи свои научные брошюры и книги. А разговоры в доме часто шли о ракетах, дирижаблях, о межпланетных путешествиях.

– Многие, – жаловался Константин Эдуардович, – считают меня фантазером и смеются над моими работами. Вот Павел Павлович верит в мои идеи, за это я его люблю.

К.Э. Циолковский переписывался с зарубежными учеными, хотя не знал иностранных языков. Всю переписку на французском языке вела моя сестра – Валентина Георгиевна Иванова, переехавшая с нами в Калугу из Темир-Хан-Шуры. Умер мой муж, Павел Каннинг, в 1919 году от тифа во время работы в военном госпитале, заразившись от больных».

Получил я письмо и от внука основателя космонавтики А. Костина. Он также утверждал, что его дед и Каннинг были близкими друзьями. Лидия Георгиевна и ее сестра Валентина часто импровизировали на рояле для моего деда, писал он.

В 30-е годы прошлого века Лидия Георгиевна была сослана, находилась на грани смерти и только лишь в середине 50-х годов, благодаря хлопотам родственников Циолковского, вернулась в Калугу, получила уголок для жилья, где и умерла в 1963 году...

Из воспоминаний самого Константина Эдуардовича я счел нужным выписать следующее: «В 1914 г., весной, до войны меня пригласили в Петроград на воздухоплавательный съезд. Сопровождал меня, – пишет Циолковский, – мой друг Каннинг…»

В этой дружбе, конечно же, свою роль сыграла Лидия Георгиевна, урожденная Иванова. Хотя жизнь иногда оборачивалась к ней мачехой, но прожила она ее достойно.

Я всегда буду хранить память о Вере Петровне Некрасовой. Она помогла мне протянуть незримую нить между Темир-Хан-Шурой и Калугой. Мир праху ее.

КАДАР И КАДАРЦЫ

Как-то губернатор Дагестана призвал к себе всех сельских старшин – бегаулов. Он выразил возмущение тем, что в последнее время в Темирханшуринском округе участилось воровство, особенно на Кадарском участке.

Губернатор выспрашивал, чьих рук это дело, но собравшиеся сидели, будто на них столбняк нашел.

В конце концов, губернатор обратился к старосте Кадара Уцуми-Гаджи с таким призывом: «Всех, кого ты подозреваешь, если даже их будет 100 человек, приведи ко мне. Я их спрячу в тюрьму». Уцуми-Гаджи, склонный к грубоватому юмору, взмолился: «Посадите лучше меня, а народ не пугайте».

– Почему? – удивился губернатор.

Но Уцуми-Гаджи замялся.

– Продолжай! – велел губернатор.

– Дело в том, – наконец решился тот, – что кадарцы тут ни при чем. Это ворую я и мои сыновья…

При этих словах присутствующие засмеялись, а губернатор громче всех. Но затем сказал: «Передай кадарцам: поймаем – сошлю в Сибирь…»

Как-то всех арестантов в темирханшуринской тюрьме построили на плацу. Приехал член царской семьи и хотел услышать, имеются ли претензии, жалобы. Высокий чин подходил к каждому осужденному и задавал один и тот же вопрос:

– За что сидишь?

И получалось так, что каждого посадили ни за что ни про что. Очередь дошла до кадарца. Он отвечал: «Сижу за то, что украл двух быков, продал их, а деньги проел».

Царский отпрыск приказал кадарца отпустить, а остальных держать до тех пор, пока не признаются в своих грехах.

Или другой случай. Один кадарец ночью стал отпиливать амбарный замок.

Прохожий спрашивает:

– Ты что делаешь?

– Не видишь, – отвечает вор, играю на агач-кумузе.

– Вах, – удивился прохожий, – почему же не слышно музыки?

– Завтра, – пообещал кадарец, – не только ты, все, вплоть до губернатора, услышат мою музыку.

Так что Уцуми-Гаджи отчасти говорил губернатору правду…

Жизнь четырех сыновей юзбаши Кадара при советской власти сложилась трагически. У Уцуми-Гаджи была еще и дочь Киштетей – ослепительной красоты. Кадарцы говорили: «На нее долго нельзя глядеть – ослепнешь».

Отец в ней души не чаял, наряжал как куклу и ни за какие блага не хотел расставаться с дочерью. Семеро молодцов сватали красавицу, и каждый из них получил отказ. Весть о причудах бегаула Кадара дошла до губернатора. Тот собственной персоной явился в аул, наделав по пути много шума. Рассказывают, что между ними произошел крутой разговор.

– Беки из лучших фамилий жалуются, что ты ими пренебрегаешь.

– Но вас неправильно осведомили, – пробовал возразить Уцуми-Гаджи.

– Никаких «но», – вышел из себя губернатор. – Если они терпят вольности с твоей стороны, то я этого не потерплю…

Соловей только потому хорошо поет, что где-то вблизи в кустах слушает соловьиха. Послушав семерых молодцев, дочь бегаула Киштетей выбрала себе восьмого соловья – князя из Капчугая Хайбуллу Хайбуллаева. У них родились двое сыновей и дочь Папу, дожившая до Великой Отечественной войны. Сама княжна умерла еще до революции в возрасте около 60 лет. Даже в этом возрасте Киштетей была несказанно хороша, только около нежных губ появились капризные морщинки.

Мои информаторы вспоминали, что старшего сына Уцуми-Гаджи не стало от какой-то загадочной болезни. Другой его наследник, Садак, был так же богат, как и отец. Когда его отары возвращались с зимних пастбищ, то Садак одаривал всех кадарцев ягнятами. Его женою стала знатная эрпелинка Гичи-бике, носившая немыслимо длинные платья. Аульские модницы старались ей подражать, однако, разобравшись, что бездельничать, как княгиня, не могут, отказывались от своей затеи. Советская власть освободила Садака от всего его богатства. Он с семьей был депортирован в Казахстан, где отдал душу Богу.

Сын Садака Гамзат проживал в Буйнакске. Жена его, эрпелинка Руайдат работала в школе учительницей. Умерла в неполные 40 лет. Ее брат служил в органах. Когда начались репрессии, он вместо мужа своей сестры подставил брата Гамзата – Закава. Тот был сослан в Джамбульскую область.

Четыре семьи Уцумиевых этапировали в Казахстан. Но прежде их доставили в Буйнакск. В одно раннее утро Уцумиевых вместе с другими вывели на улицу. А там очередь растянулась от кожзавода до вокзала, от одного конца города до другого. Загнали людей в «теплушки» и двинули в неизвестном направлении. В вагонах от скопления людей дышать было нечем. От причитания женщин и плача детей можно было оглохнуть. Старики читали молитвы и старались успокоить потерявших голову земляков.

Через несколько дней эшелон остановили в какой-то степи. Сделали милость: разрешили собраться по семьям. Оказывается, очутились в Казахстане. Кругом беспредельная степь. Людей построили в колонну по четыре, когда добрались до какой-то конюшни, их остановили.

– Это ваш дом, – объявили ссыльным, – ваша новая родина. Если не хотите умереть – обживайтесь!

Пока «обживались», половина поумирала. Но бывали и счастливые дни. Гамзат приметил девушку по име-

ни Хадижат. Она принадлежала к знатному балкарскому роду Кучковых. Кадарец не скрыл, что в Дагестане остались двое детей от женщины, которую он не мог забрать с собою в ссылку, чтобы их не погубить. Невзирая ни на что, Хадижат соединилась с Гамзатом и подарила ему Дину-ханум, Мину-ханум и Зайнала. Когда я собирал материалы по истории Кадара, все они были живы, находясь уже в пенсионном возрасте.

Садак, младший Уцумиев, также хлебнул горя в Казахстане. Когда в ссылке умер его отец, то мама, Эсме-ханум, ночью скрылась. Никто не мог объяснить, куда она подевалась. Исчезла, будто иголка в стоге сена. Через много лет выяснилось, что Эсме-ханум бежала в Дагестан. Она хотела увидеться с братом Салимханом, который для безопасности переселился из Кадара в один из аварских районов. Уму непостижимо, как она с грудным ребенком и подростком-дочерью через всю страну могла пробраться в Дагестан. Это действительный факт, но жизнь все-таки оказалась беспощадной к кадарке.

Я как-то рассказывал, как потоком реки Шурозень в 1944 году были унесены 96 человек, из них и две девочки из Кадара – Нохей (Пахай) и Айзанат. Первая из них была дочерью Эсме-ханум.

В скорбные дни кто-то донес на беглянку. На ее счастье попался добрый начальник, который, увидев на руках Эсме-ханум больного ребенка, велел: «Когда мальчик умрет – сошлем, а пока не трогайте женщину!».

О них будто забыли. Эсме-ханум и ее сын Садак остались жить в Буйнакске.

Третьим сыном Уцуми-Гаджи был Зайнал, любимый сын родителей. Рослый, здоровый. Двухпудовой гирей он забавлялся будто с мячиком. Ему приятно было сознавать свою силу и рост. Специально для него из Астрахани привезли фаэтон на резиновом ходу и мягких рессорах. Когда коляску доставили в аул, Зайнал не проявил к ней никакого интереса, в то время как все кадарцы удивлялись невиданному подарку.

– Ты купил дорогую игрушку, – заявил отцу Зайнал.

– А ты сядь, – предложил Уцуми-Гаджи.

Дальше произошло такое, что не очень верится, хотя меня уверяли: когда Зайнал опустился на сидение, ось с треском сломалась.

– Тебя, – в сердцах произнес отец, – ни фаэтон, ни лошадь не выдерживают. Придется ходить пешком.

Джалавом звался следующий отпрыск бегаула Кадара. Он блестяще закончил Темирханшуринское реальное училище. Перед тем как выехать на учебу в Санкт-Петербург, он решил с Зайналом отдохнуть в горах. У «Волчьих ворот» они захотели утолить жажду. Им показали, где находится родник «Даил иша» – холодная вода.

Зайнал не захотел пить, а Джалав не отрывался от источника, пока брат его не оттащил. Считают, что вода «Даил иша» послужила причиной скоропостижной смерти Джалава.

Уцуми-Гаджи эту потерю очень переживал. Он почему-то поклялся, что никому из детей и внуков не позволит учиться в городских школах, так как после окончания Джалавом училища довелось его потерять…

Когда произошла революция, Уцуми-Гаджи решил укрыться от советской власти в одном из своих дальних хуторов. Перед своей кончиной он попросил: «Похороните меня в Кадаре».

– Не пустим! – заявили активисты села.

Но в ночное время, тайком, удалось предать Уцуми-Гаджи кадарской земле. Все его имущество реквизировали, часть скота – активисты, а добро безнадзорно похватали люди, присвоив себе.

Вся общественная жизнь Кадара в те годы XIX века вращалась вокруг рослой фигуры Уцуми-Гаджи. Поэтому я получил о нем больше сведений, чем о ком-либо другом. 90-летняя Сапият Атаева рисовала мне его такими штрихами: «Уцуми-Гаджи, хозяин окрестных гор и старшина Кадара, был крупным человеком и носил белую бороду. Его дом находился выше мечети в Карша-ауле. Почему-то он мне, девчонке, запомнился гарцующим на лошади…»

В беседе вместе с Сапият Атаевой участвуют несколько близких ей людей. Их реплики помогают ярче осветить портрет старшины Кадара. К примеру:

У Уцуми-Гаджи одаманом служил Чапай-Али. Както хозяин прислал чабанам негодные муку и мясо. Когда бегаул прибыл на кутан, его стали угощать шурпой, сваренной из присланных им продуктов. Уцуми-Гаджи воротит нос, отказывается от еды.

– Хозяин, – вступает в разговор старший чабан, – не брезгуй нашей пищей, покушай.

Так как на слова одамана хозяин не реагировал, тот сказал:

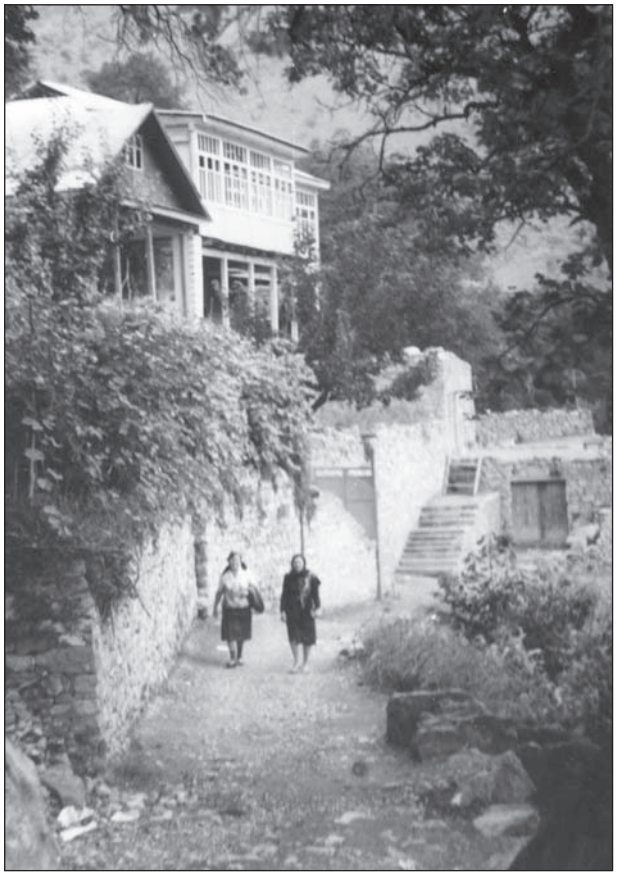
– Уцуми-Гаджи прислал нам пойло, годное разве что для собак. Мы сейчас на его глазах побросаем чабанские палки и разойдемся по домам…

Это было нечто вроде бунта. Уцуми-Гаджи не выдержал. Он попросил угрозу не исполнять. Но разве в ауле нельзя было найти замену мятежникам? Оказывается, нет. Дело в том, что Чапай-Али, говоря современным языком, представлял собой ходячий компьютер. Он точно знал количество овец, коз, ослов, лошадей в каждом стаде. Знал характеры чабанов и на что каждый способен. Знал повадки и клички всех собак, охранявших отары. Ему были известны границы земель Уцуми-Гаджи, родники, какой породы деревья растут в горах, сколько плодов с них можно собрать, и сколько после сушки за них можно получить на Темирханшуринском базаре. Вот почему Уцуми-Гаджи проглотил угрозу Чапай-Али.

Когда установилась советская власть, жители Кадара на задаваемые им вопросы об экономике аула указывали на одамана, уверяя при этом, что Чапай-Али даст самые точные сведения, ответит на любые вопросы.

Жизнь этого человека оборвалась нелепо. Возвращаясь домой, он упал с лошадью со скалы в пропасть Кациней.

КОНЕЦ СВЕТА



Дибиром в Читле служил человек из другого аула. Проснувшись в полночь, он посмотрел на часы, крайне удивился и заторопился разбудить сельчан: «Сейчас должен быть полдень, а у нас, в Читле, как видите, полночь».

– А почему? – спросили у него.

– Наверное, – отвечал дибир, – конец света подходит.

Аул заходил ходуном. Все бегали: стали жарить, варить, чтобы перед смертью хоть раз досыта наесться. Сидят, пируют, угощают друг друга. Но тут некоторых одолело сомнение: «Давайте в Инхо пошлем человека, чтобы узнать: наступает конец света или нет!».

Послали. Тот на краю Инхо увидел человека, спящего под ореховым деревом. Читлинец разбудил его и спрашивает:

– Скажи, какое сейчас время?

– Скоро рассветать начнет.

Озадаченный посол вернулся в свой аул и стал уверять, что никакого конца света нет, а дибир дал промашку.

Чтобы не опозориться на весь Дагестан, решили об этом случае молчать. Но в ауле оказался в тот день один чужак, Урус-Алибек. Его отвели в мечеть и заставили поклясться, что он тоже о случившемся не проронит ни слова. А Урус-Алибек, давая клятву, думал, что будет молчать только до тех пор, пока не покинет аул. Прибыв в Инхо, он тут же рассказал, как читлинцы встречали конец света. Назавтра уже весь Дагестан знал о событиях в Читле.

Об этом курьезе рассказывал своему племяннику Анварбеку Абакар Меджидов, а племянник пересказал мне то, что услышал от дяди. И так как сведения Меджидова существенно отличаются от тех, что я выше описал, то, кажется, следует огласить его рассказ и для других.

Из какой-то мусульманской страны поступило сообщение, что очень скоро земной шар на целую неделю лишится рассвета. Слух имеет ту особенность, что, передаваясь от одного другому, обрастает «подробностями», которые отличаются от первоисточника, как небо от земли. Это и произошло в Читле, в ауле, оторванном от всего мира высокими горами.

Сообщение, о котором я говорил, поступило в этот аул и звучало так: «На днях наступит конец света». В связи с этим имам мечети на всякий случай стал в ней ночевать. Проснулся он как-то и, глянув на ходики, висевшие на стене, обомлел: часовая стрелка замерла на цифре «8». Но на дворе было темным-темно. Имам заторопился к мудуну Меджиду, жившему поблизости, со страшным известием о том, что конец света настал, и попросил созвать народ на последнюю молитву. Мудун взобрался на минарет и троекратно призвал читлинцев явиться в мечеть. Однако, поняв, что аульчане видят третий сон, сбежал вниз и отправился сам будить земляков. Первой же на его пути оказалась сакля Малачи.

– Немедленно сделай садака, – закричал мудун, – настает последний день!

– Не может этого быть, – возмутился Малачи. – мои дети на утро готовили хинкал, а раз спят, значит еще не утро.

Меджид побежал дальше, и вскоре аул, как растревоженный улей, заходил ходуном. Люди усердно молились, просили прощения друг у друга, обменивались саадака. И добрые читлинцы решили также о конце света сообщить жителям соседних аулов. Сиражу предложили: «Отправляйся в Инхо и сообщи джамаату, что происходит». Но молодой человек заартачился: «Почему, когда настает конец света, меня посылаете? Шагу не сделаю, хочу в родном ауле умереть!». Но в Читле нашелся другой молодец, который страдал бессонницей, он всю ночь не смыкал глаз, поэтому с готовностью двинулся в Инхо. Там читлинец встретил человека, который торопился к центру села.

– Не скажешь ли, земляк, – обратился к нему молодец, какое сейчас время?

– Только что пропел петух, – отвечал тот, – пора идти на утреннюю молитву.

Услышав эти слова, читлинец рванул назад и сообщил аульчанам о позоре, который они на свою голову навлекли. Пока суд да дело, вовсю рассвело. Стали гадать: как же избежать срама. Посыпались предложения одно нелепее другого.

Следует заметить, что в ту ночь в Читле гостили трое: один человек из Мехельта, другой – из Нижнего Инхо, а третий, Алибек, из Мочоха. Поэтому посыпались предложения:

– Надо, в первую очередь, уничтожить гостей!

– Тому, кто проговорится – отрезать язык!

– Болтунов опустить в яму на один месяц.

Были и другие предложения. В конце концов сошлись на том, что если кунаки на Коране дадут клятву молчать, то отпустить их на все четыре стороны.

Алибек из Мочоха имел кличку – Урус-Алибек, поскольку он сносно владел русским языком. С него первого взяли клятву. Придя в Инхо, он заявил: «Я только что был на том свете и видел, что делают с безбожниками». Короче говоря – растрепался.

Слухи о «происшествии» в Читле разошлись, как круги от камня, брошенного в воду. Когда у читлинцев спрашивали о «конце света», они немедленно покидали охочих сыпать им соль на рану. Дело дошло до того, что жители оплошавшего аула стали думать, куда им переехать. Однако большинство читлинцев выдержали экзамен, проявили характер.

У них в ауле часто гостил некий мехельтинец. Он был громадного роста, но наивен как малое дитя. Позвали его читлинцы и говорят:

– Балхарцы на проданные у нас кувшины приобрели мешок сахара.

– Ну и что?

– А то, что мы будем отвлекать разговорами балхарцев, а ты мешок отнеси на ту гору.

– Для чего? – не понимает мехельтинец.

– Затем, чтобы поделить сахар между нами.

Сказано – сделано. Когда мехельтинец, не дождавшись читлинцев, раскрыл мешок, он обнаружил в нем речной песок.

В пещере на высокой скале два молодца ухитрились поймать двух орлов. К их когтям привязали ветошь, намоченную в керосине и, чиркнув спичкой, пустили их в воздух. Перед тем как проделать «операцию», читлинцы пустили слух, что над Инхо появятся огненные птицы, извещающие о конце света.

Сперва соседи думали, что читлинцы шутят, однако, увидев, как над Инхо появились орлы, охваченные огнем, ударились в панику, заперлись в домах, подвалах, сараях…

Вот так жители Читля «отомстили» не только мехельтинцам и инховцам, которые потешались над ними насчет «конца света», но и другим.

События эти в Читле произошли то ли в 1904-м, то ли в 1905-м году. С тех пор истекли десятилетия. Заирбек Амирханов и Загид Гаджиев сочинили пьесу «Последний день в Читле», а артисты Аварского театра сыграли спектакль. К этому времени выросли новые поколения, люди изменились, но зрители все равно смеялись над тем, как их предки готовились встретить свой последний день на грешной земле.

На снимке: аул Читль в наши дни. Фото автора.

САТИРА И ЮМОР

Вита КАЗАКОВА

КУВАЛДА

Жил я 30 лет в своей квартире – никого не трогал. Я к тихой жизни привык. А тут вдруг набежали люди со стройки, застучали, затрещали, а через месяц в квартиру подо мной квартиранты въехали.

Живем неделю – ничего вроде. К концу второй им музыки захотелось. Тут-то я и узнал, что они глухие. Просыпаюсь однажды среди ночи оттого, что раскладушка моя подпрыгивает. Спросонья соображаю: вроде не пил накануне, чего это меня кидает, а в голове: «Бум! Бум! Бум!». На десятый «бум» окончательно проснулся и понял: квартиранты музыку слушают. Может, для них музыка, а для меня… Да еще и дом наш такой, что если в подвале кот чихнет, на чердаке мышей сдувает.

Отправился я культурно вопрос решать: постучал в дверь, сначала рукой, потом раз пять ногой, собрался уже за молотком идти, как дверь открылась, высунулось что-то женское, невнятно вопросило:

– М-мешаем, да?

– Ага, – сказал я. – Три часа ночи, спать хочется…

– Му! – сказало нечто, и дверь захлопнулась.

Что такое «му» не понял, потому что «бумы» не утихли, а выросли в «бухи» и даже в «бахи»…

Прошло еще немного времени. После очередного падения с раскладушки под очередной «бум» я понял, что война неизбежна. Ментам звонить – стрёмно, опять вниз спускаться – мычать начнут. С досады я долбанул пару раз ногами в пол. Как ни странно внизу зашевелились, закопошились и через минуту ко мне в дверь позвонили.

Подошел я к двери и наивно спрашиваю:

– Кто там?

Тот начал издавать звуки: что-то насчет евроремонта, трещин на потолке, ментов и прочей ерунды.

– Му! – сказал я и вернулся к раскладушке. Засыпал

уже проверенным способом – с ватой и снотворным, но зато и с новой мыслью: оказывается, соседи за свой потолок переживают – это надо обдумать.

К следующими «бумам» я подготовился: запасся кувалдой, выспался днем по самое «не хочу» и сел дожидаться трех часов ночи. Как только раздался снизу первый «бум», я в ответ кувалдой по тому месту, где обычно внизу люстра висит. Они мне раз – я им два. Так складно получалось, что я увлекся. Но в дверь снова позвонили. Вот хорошо, уже ко мне на прием идут. Дверь открыл, кувалду держу за спиной. Стоит «сам». Я к нему с вопросом:

– Чего пришел?

Он мне опять про ремонт, ментов и потолок. Я в ответ:

– Музыка приятная, я под нее танцую, включайте погромче, а то слышно плохо.

Глухой он, что ли, не расслышал?

– Мы, – говорит, – телевизор смотрим.

«Да как же – смотрим, я им антенну еще двое суток назад перерезал». И объясняю:

– Который час, знаешь? Спать иди – и кувалду из-за спины достаю.

Тот чего-то побледнел, глазками захлопал и исчез, не попрощавшись.

С тех пор тихо живем: я кувалду при себе держу – полезная штука, оказывается.

НОЧНАЯ ПРОГУЛКА

Была чудная лунная ночь. Не спалось, и поманило меня на свежий воздух помечтать, покурить, за соседкой подсмотреть, если получится. Оделся, бинокль прихватил на всякий случай и пошел мечтать.

Только из подъезда вышел, хвать, а сигарет нет: в рубашке нет, в брюках нет, в носках тоже нет, и носков нет – дома забыл. Побрел к киоску, где приятель ночным сторожем спиртное налево продает, решил у него стрельнуть.

До киоска – один поворот за угол и полдома в придачу. Иду, размышляю о соседке, как бы она спать не улеглась пораньше, а то буду, как дуб, с биноклем торчать посреди двора. Заразмышлялся, ногу за поворот занес и чувствую, что проваливаюсь. Так и падали: сначала тапочек, потом нога без носка, а потом и я с биноклем в придачу. Вдруг внезапно остановились – люк узковат оказался. Один тапочек, правда, на дно ушел, зато второй при мне остался. И то ладно. Выбрался из провала, огляделся. Никого, только крышка от люка рядом валяется. Я человек добросовестный, решил ее на место водрузить, чтобы моего подвига никто не повторил. Только взялся за крышку, откуда ни возьмись менты чешут, и сразу с двух сторон рядом с моей пятой точкой выросли, паспорт требуют.

У пятой точки паспорта не было, как и у меня – я ж помечтать вышел. Ну, они давай протокол словесный составлять:

– Задержан при невыясненных обстоятельствах во время порчи общественного имущества в виде люка.

Я объясняю:

– Люк на место хотел вернуть, сам чуть не упал... Старался, чтоб другие не навернулись.

А они свое:

– Штраф плати… Или следуй с нами в часть дежурную, подежурим вместе.

В часть мне не хотелось, штраф платить было нечем. В связи с этим лишили меня бинокля, а он – вещественное доказательство моей невиновности. Так лишился я средства визуального контакта с соседкой. Зато ночные дозорщики меня в покое оставили и как сквозь землю провалились.

Плюнул я на люк и в яму, пусть в нее кто хочет, тот и падает, и пошел за сигаретой. Иду теперь аккуратно. Вот уж и киоск виден в пяти метрах по курсу, осталось дорогу перейти. Ни машин, ни пешеходов, ни светофоров. Шагнул на проезжую часть смело… Последнее, что помню, скрип тормозов под крик:

– Куда тебя, му..к, несет?..

Очнулся быстро. Лежу на асфальте. То, что люком не добило, теперь ноет. Вокруг тишина – ни светофоров, ни пешеходов, ни машин. Откуда все взялось? Так и не понял. Жив хоть остался. И заветная цель перед носом. Добрел до приятеля своего. Тот спросонья мне бутылку самопала вручает:

– Бери, бери, дешево. Отличная водка, такой нигде не найдешь.

– Я и сам знаю, что не найдешь, вместе разливали, – урезониваю я его. – Ты мне лучше сигарету предложи.

Приятель среагировал на голос, всмотрелся, узнал меня и протянул пачку «Примы». «Прима» так «Прима» – на безрыбье и сам раком станешь. Взял я и отправился обратно, минуя опасные дороги и патрулируемые люки.

Дошлепал до двора, примостил на лавочке свои ушибленные конечности. Соседкины окна давно погасли. Подсматривать было не за кем. Сижу, курю на луну, мечтаю о подзорной трубе с ночным видением. Вот-вот домой спать пойду. Тут хлопнуло окно где-то наверху и чувствую: летит в меня нечто тяжелое. И прямо перед носом – дзинь об асфальт – пустая бутылка. У меня сердце к горлу подпрыгнуло, адреналина, наверно, поднавалило.

– Вы что, – кричу – совсем рехнулись?

А мне в ответ:

– Почему каску не носишь? Дома забыл?

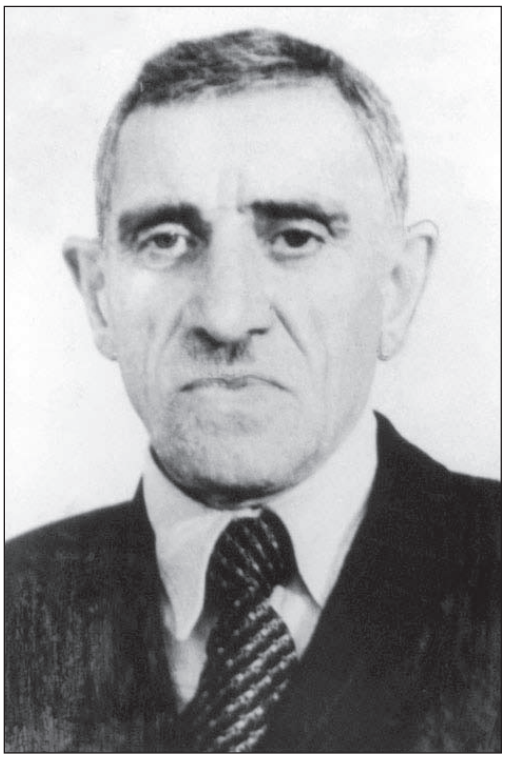
Прошмыгнул я на свой этаж, втиснулся в двери, заполз тихонько под одеяло и затаился. Свежим воздухом перед сном дышать точно противопоказано.

ПОРТРЕТ

ЖИЗНЬ ПОЭТА

В. ИЛЬЯСОВА

Встречу эту вспоминали и описывали не раз, описывали прочувствованно и красочно, может быть, угадывая в ней некий глубинный смысл; словом, встреча была, что называется, знаменательной.



В один из весенних дней 1934 года, оставив позади перевал у села Гра, в Ахты прибыл восходящий к зениту своей славы поэт Сулейман. Да как прибыл! В окружении почетных сопровождающих лиц, одетый, как подобает высокому гостю, под звуки маршевых мелодий, исполняемых зурначами. Было торжественно и весело, пели и танцевали. Чествование гостя продолжалось в новом клубе, построенном при всенародном участии под руководством знаменитого Гаджимета Сафаралиева, бывшего красного партизана, а ныне энергичного организатора советского строительства в горах. Со сцены Сулейман пропел свои стихи о «чудесах», увиденных им во время поездки в Москву. Ведущий торжества Исмаил Вагабов, человек тоже яркой судьбы и незаурядных способностей, впоследствии известный журналист и писатель, предоставил слово и «небольшому поэту нашей долины» Тагиру из села Хрюг. Тот, поднявшись на трибуну, начал так: «Друзья! Большая птица дальше летит и больше видит. Но я не могу этим похвастаться, расскажу вам о других чудесах…» И ответил Сулейману стихами, нарочито приземленными, полными юмора и иронии, о своей поездке в соседнее село Хлют.

«Небольшой поэт» произвел немалое впечатление на Сулеймана, и в ту свою поездку он вместе с Гаджибеком Гаджибековым и Алибеком Фатаховым навестил Тагира в его родном ауле. Как рассказывают, тот встретил Сулеймана у ворот своего дома со словами: «Ты мой великий учитель». И в литературе привыкли сопоставлять их как учителя и ученика.

Но если Тагир и был учеником, то созревшим и самостоятельным, ему уже исполнилось сорок лет, и молодая лезгинская газета отмечала его юбилей как выдающегося поэта. Нет оснований сомневаться в том, что и Сулейман был искренен, когда вскоре после встречи выразил свое общеизвестное мнение: «…я не ошибусь, если скажу, что Тагир Хрюгский на голову выше остальных наших поэтов».

Встретились два больших поэта из народа, талант одного из которых не мерк в свете таланта другого. В полноводном потоке многовековой лезгинской поэзии они были представителями мощной струи, наиболее близкой широким слоям народа, которая по сути своей была поэзией народной. Это направление, так много значившее для своего народа, можно сказать, все еще оставалось главным даже в тот период усилившегося разнообразия в нашей поэзии (еще не была вырублена письменная поэзия на арабском языке, о котором впоследствии мы не будем иметь никакого представления, лезгины еще творили и на тюркском, а уже вовсю поднималась густая поросль новой литературы – печатной, чисто советской).

Сулейман не писал, а устно слагал свои стихи; Тагир уже писал, но в духе тех, кто слагал их устно. Это были поэты, которые пели. У них еще сохранился язык удивительной, скажем так, первозданной красоты и свойств, впоследствии, в печатной литературе, утерянных. Сулейман, кому оставалось жить совсем недолго, неожиданно возвысившись, возвестил об этой поэзии всей огромной стране, а на творчестве Тагира, прожившего еще два с половиной десятилетия, эта поэзия завершилась. Наступили другие времена, и поэзия стала иной. Любопытно уже одно то, что Тагир Хрюгский в прежнем духе творил до самого конца 50-х, в совершенно другой атмосфере, как жизненной, так и собственно литературной.

* * *

В Хрюге, крупном селе некогда вольных узденей, как и во многих других селах Самурского округа, земли для возделывания не хватало и, чтобы прокормить семьи, треть мужчин ежегодно шла в отход. Здесь в 1893 году в семье войлочных дел мастера Алима родился сын, нареченный Тагиром. Как он вспоминал впоследствии, первые годы жизни, когда начал осознавать себя и окружающий мир, он провел «босоногим, с постоянным желанием наесться досыта». С наступлением осени, когда в селе «работ убавлялось, а количество нуждающихся

возрастало», Алим также отправлялся на заработки. Подросшего Тагира отец брал с собой с благой целью, чтобы он повидал мир, да и самому было веселее с сыном–любимцем рядом.

Как-то в очередной поездке, в городе Нуха, Алим сказал ему: «Сынок, из меня в жизни не вышло ничего путного, может быть, тебе больше повезет, иди-ка ты учиться». И Тагир (по одним данным ему было 10, а по другим – 13 лет) пошел в школу, не в традиционную примечетскую, а в светскую, где преподавали на тюркском языке, изучали произведения Низами, Физули, Хагани – выдающегося современника Сабира. Тагир учился по книжечкам «Детский сад», «Свет для незрячих», из которых на всю жизнь запали ему в память басни Крылова, может быть, впервые зажегшие в его юном сердце поэтический зуд. На заинтересованные расспросы отца об учебе он отвечал стихотворными строками, проникнутыми захлебывающейся детской радостью от легко усваиваемых знаний, от любви к учителю, который, в свою очередь, выделял среди остальных учеников одаренного сына горца-отходника. Первое его стихотворение, дошедшее до нас, начинается строкой: «Дождался, папа! / Теперь / Изучаю буквы я…»

Но, как известно, радость в жизни, даже детской – гостья непостоянная. Настал день, когда Алим, скрепя сердце, вынужден был сказать: «Тагир, сын мой, слава Аллаху, ты уже подрос, многое повидал и узнал. Нельзя вечно путаться в ногах отца. Пора тебе зарабатывать себе на кусок хлеба». И началась у парня жизнь в услужении у богатеев в Нухе, Кубе, затем и в Баку. Жизнь вдали от любящих его близких, очень часто не по-детски тяжелая. Об этой поре осталось его хрестоматийное стихотворение «Не родила б ты, мать, меня / Не терпел бы горя я….» А вскоре и отец, лелеявший надежду, что сыну повезет больше, чем ему, умер, не дождавшись этого дня.

В городе Куба Тагир нанялся подмастерьем к лакцулудильщику, выучился ремеслу, которым занимался целых 15 лет. Старший сын поэта Алим вспоминает анекдотический случай. Он учился в Ахтах в школе-интернате, а в субботу после уроков возвращался к себе домой. Как-то он присел отдохнуть на ограде колхозного сада соседнего села. Подошел сторож, пожилой мужчина, разузнал, откуда он и чей, и сказал: «Не берусь судить о достоинствах поэта Тагира, но знаю, что он был замечательным мастером-калайчи. Золотые руки были у человека!».

Годы шли, жизнь проходила в неустанных трудах: то в Кюре, то в Кубе, в саклях, прокопченных от дыма древесного угля. В один из своих приездов в родное село Тагир, давно уже вышедший из юных лет, собрал урожай с половины ячменного поля (то ли оставшегося семье от отца, то ли, скорее всего, арендованного у чужих), на вырученные деньги справил себе свадьбу. Много лет спустя жена поэта вспоминала: «Другую часть ячменного поля после свадьбы я дожала сама».

Оценивая те годы, друг поэта Ахмедбег Магомедов как-то заметил, что ни трудолюбивому Алиму, ни его сыну Тагиру, хорошему мастеру, ни многим другим, подобным им, несмотря на все старания, не удавалось выбиться из нужды. Та жизнь запечатлена в стихах Тагира «Как ни проси, не услышишь ты…», «Не так уж плохо живем мы, мама…», «Как подумаешь, в этом мире…», «Эх, братья, скажите-ка…». Возмужал он быстро, и в этих и других стихах ничего не осталось от чувств мальчика, отданного в услужение другим и захлестываемого детским горем. В них слышен голос мужчины с ясно пробивающимися суровыми нотками и колючей иронией, который приводит к мыслям о неправедном мире и к неприятию своей доли.

Из стихов Тагира того периода до нас дошло немного, всего лишь около 15, но чуть ли не все они стали хрестоматийными.

* * *

«Под солнцем советского времени» – так называется глава в книге исследователя творчества поэта К. Казимова о его жизни в советскую эпоху (добавим: в книге, вышедшей еще в те самые советские времена). По поводу «солнца» – чуть позже, а вот с утверждением автора, что «в годы советской власти для Тагира Хрюгского начался новый период», надо будет согласиться без обиняков.

Новая жизнь шагала по горам и долам; в селах с древнейшими названиями создавались колхозы, названные в честь живых и почивших коммунистических вождей. Появилась новая письменность, на родном языке начала выходить газета, печатались книги. Тагир близко сошелся с новой, молодой плеядой пишущей интеллигенции.

В начале 30-х годов он стал культармейцем, борется с неграмотностью, затем: председателем кресткома в родном селе и в Ахтах, председателем сельсовета, председателем колхоза. Его приняли в ряды партии, он работает инструктором райкома. Словом, бывший калайчи превратился в ответственного работника системы, ранг которого неуклонно повышался. Калайчи-поэт с суровым голосом бунтовал против устоявшихся общественных отношений. А поэт и ответственный работник борется с остающимися «отдельными недостатками» и пережитками старины, с упоением воспевает новую жизнь и советскую власть. В его стихи входят образы Ленина, других столпов партии, героев труда и просто героев. Были времена, когда за поэтами признавали высокую роль провидцев, выражающих видение мира и нравственные ценности общества. А теперь их позвали на дорогу панегириков, воспевающих власть, и во всем от нее зависящих, заставили поклясться в верности этой власти. Они поклялись и пошли…

Но как бы то ни было, революция, ускорив ритмы жизни, затребовала таланты, новая власть их «озадачила», по-своему придала цену их работе. Свою востребованность, надо полагать, Тагир воспринял с большим удовлетворением. В последней своей беседе с профессором А. Агаевым, незадолго до смерти, он сказал: «Поэт подобен роднику. Если вода в нем застоялась, родник затягивается тиной, начинает вонять, может и засохнуть. До революции я походил на родник с застоявшейся водой. Советская власть очистила этот родник, от него прорыли канаву и направили в заново посаженный сад…».

Хотя, как известно, все было не так уж однозначно, что видно на примере и тех, кто упомянут по поводу той знаменательной встречи 34-го года. Вспомним. И. Вагабов проделал путь по лагерям. А. Фатахов, наиболее талантливый поэт и прозаик из молодых, сгинул в 25 лет. В его судьбе много неясного, но чувствуется хватка карательных органов. Не-

любовь властей к нему началась после публикации его романа в стихах «Разорванные цепи», в котором нашли крамолу и которого не перепечатывали вплоть до конца 80-х годов. Г. Гаджибеков погиб в лагерях. Г. Сафаралиева, человека благородной души и энергичного руководителя, расстреляли. Карательные органы ускорили смерть и Сулеймана Стальского. Как свидетельствуют воспоминания современников, и сам Тагир не всегда ладил с властями, а однажды чудом избежал тюрьмы… Довольно испепеляющим, однако, было «солнце советского времени».

* * *

Наши поэты в полной мере отдали дань политической лирике, что походило на отбывание обязательной повинности. Характерно признание Расула Гамзатова: «…все, что было связано в моих стихах с политикой, оказалось, к великому сожалению, недолговечным. О многом сожалею. Сожалею, что написал то, что можно было не писать. Случалось, стоял с «дежурной одой» у календаря, как выразился по аналогичному поводу Твардовский. Лучше бы этого не делал». Подобная самохарактеристика приложима к каждому из наших поэтов советского времени. И к Тагиру Хрюгскому – в не меньшей степени. Однако это не помешало присутствию в его поэзии того, что Б. Эйхенбаум назвал «историческим смыслом творчества», который должен быть у каждого крупного поэта.

В своей работе «Мелодика русского лирического стиха» Б. Эйхенбаум говорит о «лирике песенного типа», в которой «ритм и мелодия так же существенны для стиха произносимого, как и для пения: они сообщают стиху особый характер». Это шло еще из средневековых традиций, когда музыка и стихотворные формы развивались, взаимно влияя друг на друга. В этой поэзии «столько же дорожили звуком, сколько и словом».

Тагир Хрюгский со своим, точно изливающим внутренний свет, словом и пленительным стихом – последний из лезгинских поэтов, которые развивали «напевный тип лирики». И его поэзию, по многовековой инерции, воспринимали как нечто очень близкое и родное. Это была поэзия всего народа. Отсюда и необычайная популярность поэта в свое время.

Печатная литература ускорила расхождение поэзии с музыкой. Настала пора стихов для «любителей поэзии».

* * *

Начав пропагандистом сельской партячейки, Тагир Хрюгский всю жизнь не только словом, но и делом продолжал служить власти. Дважды он избирался депутатом Верховного Совета Дагестана, а в 1952 году его избрали и в Верховный Совет СССР. Пожалуй, это была симпатичная роль народного слуги, в хорошем смысле слова. Чем только не приходилось ему, депутату, заниматься: обустройством ахтынских бань, проведением в села питьевой и поливной воды, открытием новых здравпунктов, налаживанием движения рейсовых автобусов… И какие только письма тех лет не сохранились в его архиве: из села Ичин пишут, что передовой чабан Аюб Рамазанов от каждой сотни овцематок получил по 130 ягнят; из села Кака-Махи сообщают об открытии новой школы; редактор Назир Ахмедов просил прислать стихотворение для школьной хрестоматии; некто Керим Дадахов желает научиться у него писать стихи…

Как вспоминает близкий друг поэта Ахмедбег Магомедов, по решению руководства республики, депутату Хрюгскому выделили для проживания постоянный номер в гостинице «Дагестан» в Махачкале, и кто только не бывал там, начиная от министра и знаменитого председателя колхоза, кончая приезжим селянином и молодым поэтом…

Из воспоминаний о Тагире Хрюгском перед нами предстает обаятельный образ интеллигента из народа. Очень вспыльчивый от природы, он умел обуздывать себя; свое недовольство кем-либо проявлял лишь легкой иронией. Никогда не замечали, чтобы он терял голову в радости или в печали. Умел убеждать людей, был отзывчив. Когда поэт был председателем колхоза в селе Луткун, подросток Магомед-Ага, приглядывавший за его лошадью, обратил внимание, что животное, встречая кого-либо, всегда останавливается: Тагир никогда не проходил мимо человека, не задержавшись и не перекинувшись с ним несколькими словами. Был человеком общительным и большим жизнелюбом. Дочь поэта Севиль рассказывала: «Чаще всего вспоминаю отца за столом, за которым сидят его друзья – товарищи. Когда некоторое время не было гостя, отец ходил с таким видом, словно он что-то потерял». Ахмедбег Магомедов, тоже председатель колхоза в годы войны, вспоминал: «праздник ли первой борозды, или начинаем уборку хлебов, ремонтируем дорогу или мост, Тагир, с необходимым инструментом, всегда оказывался впереди людей».

В семье поэта родились десять детей, из которых не все выжили. Может быть, памятуя о том, что сам не сумел получить основательных знаний, он позаботился, чтобы выучились дети. С младшим сыном, шалуном Максимом, родившимся, когда отцу было уже 53 года, мог долго играть, забыв про все.

В последние годы жизни поэт болел. Ахмедбег Магомедов вспоминал: «Навестил его как-то вечером. Сидя за ужином, он сказал: “Теперь я и дом достроил, и сад мой хорошо разросся. Всего, чего мог пожелать, я добился. Но, увы, поздно. Мне бы сейчас лет 25. Да разве жизнь повернешь обратно…”»

В 1958 году Тагира Хрюгского вновь выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета страны. Как-то в пути на встречу с избирателями он почувствовал себя плохо. Доверенное лицо кандидата в депутаты, сидевший рядом с ним в машине, запомнил его последние слова: «Что-то трудно стало дышать. Наверное, время истекло. – Печально улыбнувшись, поэт добавил: – Жаль, что избиратели в Дербенте напрасно будут меня ждать…»

Хоронили Тагира Хрюгского в Ахтах, в саду отдыха, под траурную мелодию оркестра, при громадном стечении жителей со всей Самурской долины и прибывших отовсюду почитателей поэта. Присутствовали и высокопоставленные представители власти во главе с секретарем обкома и председателем президиума Верховного Совета республики. Власть, умеющая как жестоко карать, так и возвышать своих, в последний раз воздала должное поэту, надо думать, с искренней преданностью послужившему ей.

Теперь уже не стало той власти, оказались выброшенными на свалку, наряду с бессчетным количеством других, и стихи Тагира Хрюгского, воспевающие ее, создававшие миф о «цветущем саде» социализма. Но остались другие его стихи и поэмы, которые по сей день делают его любимым народным поэтом. И уж тут не может быть никакой ошибки: в течение веков лезгины слышали много поэтов, и настоящего определяют безошибочно.

ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Вадим КЕРАМОВ

Об авторе и его цели

Любопытный текст предлагается ниже читателям. Трудно определить его жанр. Что это? Эссе? Размышления начинающего писателя о методике литературного творчества? А может, не начинающего, а уже зрелого? Или это продукт искреннего и спонтанного желания помочь молодым коллегам по творческому цеху? Или то, и другое, и третье, взятое вместе? Как бы то ни было, это интересно и достаточно свежо. Хотя, разумеется, в разное время и другим литераторам нечто подобное непременно приходит в голову. Но все предлагаемое ниже дагестанскому читателю может оказаться полезно, на мой взгляд, тем более что литературной молодежи нашей республики знакомство с изложенными мыслями примечательно еще тем, кто их автор.

Вадим Керамов сейчас учится в Литературном институте в Москве и время от времени печатается в нашем журнале. Но я с ним познакомился еще несколько лет назад, когда он служил в далекой от литературы сфере, но писал и писал, пока не рискнул принести написанное в редакцию газеты, где я работал редактором. Помню, как меня поразила тогда отточенность и одновременно простота его языка, неординарность творческих замыслов, лаконичность и методичность пути, которым он шел к их воплощению. Его тексты практически не требовали никакой правки, тем более – редактирования. Что на дагестанском литературном поле было совершенно неожиданным. Помню, что в одном рассказе я заметил крохотную стилистическую оплошность и указал на нее Вадиму. Мне показалось, что он страшно этому удивился и не поверил, видимо, настолько был уверен в себе, и поначалу не согласился со мной. Но, к его чести, в пример многим куда менее искусным авторам, пригляделся, подумал и после обмена аргументами согласился. В других его рассказах до сих пор мне не видится ничего, что требует редакционного вмешательства.

Д. АХМЕДХАНОВ

О ТРЕХ СТИЛИСТИКАХ

Ошибка многих начинающих авторов заключается в том, что понятие «писатель» они воспринимают буквально, и быть большим писателем значит уметь писать, и чем лучше пишешь, тем крупнее становишься. Отсюда столько потраченного времени на поиски языка, стиля, слова, буквы, запятой. В жертву этим поискам я отдал больше десятка рассказов. Однако этот период, который я назвал бы «периодом руки», первоначален и неизбежен. Потом только выясняется, что писать легко получается тогда, когда перестаешь обращать на язык внимание, то есть разгоняешь в своей голове толпу бородатых классиков и просто несешь на бумагу свою собственную чушь. Ощущение такое, что тебя все это время водили за нос. Однако именно кропотливой работе над стилем, этой школе сокращать, где преподавали те самые классики, ты и обязан такой перемене.

Поработив язык, ты сталкиваешься с еще одной проблемой, более трудной и значимой для литературы. Проблема эта не как, а что писать. Не о чем, а именно что. Вот наглядный пример. Представьте, что вы снимаете на видеокамеру свадьбу друга. Оттого, какие акценты вы расставите в съемке, зависит общее впечатление. Можно, например, пройтись по пьяным лицам, создавая простой видео-альбом, а можно выловить что-то такое, предмет или эпизод, что показало бы равнодушное отношение приглашенных к новобрачным и т.д. Так же и в рассказе. Когда вы пишите – то водите глазами читателя. Будьте же к нему милосердны и направляйте их только на то, что слу-

жит общей цели. То есть и здесь, во втором периоде творческого созревания, которое я бы назвал периодом взгляда, мы наблюдаем стилистику, то есть умение отсекать, только стилистику не языка, а кадров.

И, наконец, третья ступень – это стилистика строя. Рассказ при всех своих прелестях может оказаться не стройным, то есть требовать отказа. С каждым периодом отказ этот носит все более героические формы. Теперь речь идет не о слове или кадре – умерщвленным может быть персонаж, история, суждения – все, что выходит за рамки системы, выходит из строя, который становится очевиден, когда автор во время письма отступает от рассказа на 10 метров, чтобы одним взглядом обхватить все. Именно способность к этому всеобъемлющему взгляду, права на который, к сожалению, зачастую принадлежат времени, и венчает, как кажется мне, становление писателя.

ОБ «ИЗБРАННЫХ» И ОСТАЛЬНЫХ

В чем состоит отличие «избранных» от остальных?

Вот внешние данные двух категорий. Если для вас литература это емкость, в которую вливаете себя без остатка, – вы один из остальных, если это содержимое, которое несете в себе – один из «избранных». Если вы испытываете страх не состоятся, значит, вы смотрите на литературу, то есть вы вне нее. Для вас литература – это косметический набор, для «избранных» – легкие, то есть, часть организма, и потому она реагирует на внешние факторы, она функциональна. Толстой боролся за идеологию морали, Булгаков – за равноправие с тираном, Акутагава – с сумасшествием. Оказать впечатление, разозлить, доказать – лучшие вещи рождаются этими примитивными желаниями, потому как муза ходит в штанах да по земле. Приглядитесь к этой особе получше и запомните, – позже мы к ней вернемся.

Поставим вопрос иначе: что необходимо при себе иметь, чтобы перевестись из остальных в избранные?

Мы, вооруженные прытким умом и назойливым одиночеством, владея словом, как татарин шашкой, машем направо и налево, но чувствуем, что не попадаем, так как не видим цели, сомневаемся в ней или просто не имеем ее. Сознавая, что что-то не так, все пытаемся высмотреть эту самую цель – наши тексты полны нашей наблюдательностью, пытаемся уловить ее сердцем, – это видно по нашим же переживаниям в рассказах. Не имея направления, мы замыкаем круг творческой мысли на себе, и становимся заложниками себя и непреложной истины о том, что люди повторяются и, потому, сокращаются во времени.

Впечатление безликости наших рассказов происходит оттого, что в текстах мы не видим адресата, у нас только развивается чувство читателя.

Если читателю будет жалко не себя, а только вас – значит, вам никогда не работать в отделе продаж производственной фирмы. Разговаривать надо не с собой, выдавая это за диалоги с Богом, а с читателем, с такой, на первый взгляд незначительной, но определяющей единицей. Процесс создания произведения не божественен, так как катализатором его является та самая муза в штанах, попросту говоря, ваш читатель, и жизнь рассказов зависит не от звезд на небе, а от того, как распределена площадь текста между вами и той читательской стороной. Необходимо думать о той стороне, как об электорате, если вас настолько занимает вопрос переизбрания на следующий век. Не пренебрегайте читателем, не заискивайте и не торгуйтесь, а пропустите в закрома текста – он имеет на то полномочия. Посадите, наконец, его на свое место и оставьте одного. Может быть, тогда у вас возникнет чувство, наличие которого и отличает «избранных» от «остальных» – чувство долга перед читателем.

О ВЫДЕРЖКЕ

Идея любого рассказа возникает из зерна, принципиально нового подхода к той или иной теме. Характерная ошибка недостаточно опытных писателей состоит в том, что, обозначив себе цель, они спешат к ней. Результат, как правило, плачевный. Полощите в мозгу задуманную картину, пока она полностью не прояснится. Пока вы не заметите, что ваша идея растет, и акцент ее смещается, в результате чего вы пишите то, что и не думали писать, но от чего прибываете в справедливом восторге.

О ВДОХНОВЕНИИ

Любая ошибка в тексте после неисправима. Соображения, вроде «потом исправлю», не верны, т.к., дублировать вдохновение невозможно, оно всякий раз приходит в новых платьях. И любая правка, какой бы умной она не была, или талантливой, не будет настолько же и гармоничной. Поэтому лучшие вещи пишутся на одном дыхании.

О ВЗЯТКАХ

Есть рассказы, представляющие собой не художественный текст, а, по сути, человеческую речь. Писатели с сединой говорят, что к этому надо стремиться: писать также просто, как говоришь. Это верно только в том случае, если ты говоришь так, как пишешь. Подобные тексты, обыкновенно, бьют на жалость. Чистота авторской души, предельная искренность, вынесенная на суд читателя, здесь залог успеха и доброго к себе расположения. Это, по существу, взятка читателю, и многие ее принимают.

О ЛИЦЕНЗИЯХ

Есть картины истории, чтобы писать которые, нужно получить лицензию – настолько они неприкосновенны.

О ПОСТМОДЕРНИСТАХ

Трагедия постмодернистов – в их невежестве. Имея очень благородную цель выразить пустоту, они используют инструменты разрушения, полагая, что «пустота» и «ничего» – слова синонимы. Но писать пустоту пустотой – невозможно. Все эти приемы с

разрезанием и перемешиванием частиц рассказа не имеют ничего общего с литературой, так как могут быть применимы и в других сферах искусства. Пустоту создают стены, и их нужно строить. Конечно, это гораздо сложнее и не так приятно, но результат стоит того. Кафка отстроил гигантский колодец, чтобы показать, насколько пустота внутри него обворожительна и страшна.

О ЗЕКАХ

Отсидев порядочный срок за книгами современных авторов, – а это, действительно, наказание – сорокинцы выходят на свободу с тем акустическим пустозвонством, каким обладают зэки в реальной жизни. Оказавшись на свободе, совершают хулиганские поступки. Например, вешают в предисловии-подъезде объявление о раздаче шоколадных конфет на крыше 300-страничного дома, и простаки прут через все эти 300 страниц, не подозревая о том, что никаких конфет нет, а если и есть, то все равно не найдешь, потому что формалисты никудышные дизайнеры.

О ЗАДУШЕННОЙ СОБАКЕ

В одном прочитанном мною рассказе о собаке сцена смерти оной сочувствия не вызвала. Все потому, что собака была задушена самим автором еще раньше, в борьбе за территорию в местах выгула животных – в собачьих монологах. Вместе с собакой благополучно скончался и сам рассказ.

О БУБЛИКАХ

Когда автора распирает от стремления донести главную мысль, зачастую съедобным бывает лишь то, что вокруг ядра.

О ЗЕМЛЕ

Существует земная проза. То, что мы видим в жизни, есть в ней, а главное, все, что там есть, мы видим. Видим все, как на ладони, потому на ладони это все и умещается.

О ВОРОНЕ

Попытки прикоснуться к мистике рождают открытия – и в науке, и в литературе. Молодой автор Г… обнаружил, что ворона каркает одним слогом. С точки зрения науки утверждение это вызвало бы смех. Но здесь блестящее литературное открытие. Автор провел параллель между карканьем и таким же односложным ответом: «Да» или «Нет», нанизывая на героя драматизм этого «или».

О КОСМЕТИКЕ

Если в слоге чувствуется старание – это плохо. Значит, автор стремится понравиться, посредством письма он пытается достичь определенной цели, и рассказ у него есть средство косметическое, как средство по уходу за кожей.

О ЯЗЫКЕ

Язык в литературе, все равно, что судья в футболе: хорош тогда, когда ведет рассказ и не привлекает к себе внимания. У него функция проводника и потому он должен быть доступным. Маршрут этого проводника не от письма к читателю, а от писателя к письму, и под доступностью письма здесь понимается не легкость прочтения, а легкость написания, то есть та форма языка, которая оказывает наименьшее сопротивление воплощению творческих идей автора.

О ПИСЬМЕ И ПИСАТЕЛЕ

Между писателем и письмом существуют сложные отношения, доминирующая роль которых должна принадлежать письму. Если пишите вы – письмо погибает. Другое дело, когда письмо начинает писать вами. Поэтому нельзя подглядывать за собой, когда летишь – не смотри на землю. Набросай, именно набросай, легко непринужденно пару рассказов своими, никому и ничем не обязанными словами. Найди свои слова, и тогда запишешь.

ОБ АРИФМЕТИКЕ

К писателям применяется простое арифметическое действие, называемое сокращением, когда судьбу значений определяет их одинаковость. Хороших писателей в стране сейчас немного – сотни 3-4. Время расстреляет их всех до одного–двух имен, сократит, указав на одинаковость.

О ЖЕНЩИНЕ

С литературой стройте отношения, как с женщиной, если не хотите, чтобы она вам отказывала. Помните, что у нее дурной вкус, и потому используйте ее при каждом случае. Литературе, как и женщине, нельзя жаловаться и уж, тем более, возносить ее до небес, так как это рождает страх потери и неуверенность в своих силах. Она расцветает, находясь в подчинении.

О БУДУЩЕМ

Многое указывает на то, что литература развивается только для того, чтобы поклониться небу. Мы не описываем подробно вооружение человека, как это делалось в древней Греции, отказались от одежды XIX века, от лица XX века, мы больше не присваиваем говорящих имен. Человек в литературе обезличивается ровно так, как обретающий Бога покидает раздираемый страстями дом, оставляя светские одежды и имя. То, что многие из нас, отчаявшись, уходят в литературу, как в монастырь, тоже не случайно. В литературе будущего лиризм сойдет на нет, но сейчас он необходим, так как в нем отражается безбожие души, что и должно подвигнуть к поиску Истины. Да, в лиризме отражается безбожие души, ведь катализатором душевных метаний является эгоизм. Именно последний есть главное препятствие на пути к развитию, и его надо истреблять и в жизни, и в литературе.

КРИТИКА

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН... ПИРОГИ И САПОГИ...

Так случилось, что у меня оказалась небольшая подборка стихов, никому, кроме меня и самого автора, неизвестных. При стойкой аллергии на армию стихотворцев, бездарных, но самоуверенных, весьма приблизительно знакомых с правилами русской орфографии и техникой стихосложения, бросил на них взгляд с изрядной долей скепсиса. Но первое, что бросилось в глаза – полное отсутствие набивших оскомину осточертевших рифм типа: розы – морозы, мимозы – березы, бровь – любовь, любви – крови и т. д. И ни единого слова о своей всепоглощающей любви, о неземных достоинствах предмета своих воздыханий, ни выворачивания души наизнанку по поводу и без повода. И чем дальше читал, тем больше они мне нравились. Но, может, я ошибаюсь! Вот несколько четверостиший, произвольно выбранных. Посудите и вы:

Живу у тихой станции Парнас,
Пишу стихи, ничьей не жажду жалости,
А жизнь себе проходит мимо нас,
Который год, не ведая усталости.
(«Мне двадцать»)

* * *

Благодатный летний дождь,
Я люблю твой тихий шорох.
Ночь, поглаживая рожь,
Повисает на заборах.
(«Дождь»)

* * *

Черный ворон, белый снег,
Сизый дым над синей крышей,
Вой шакалов, плач и смех,
Ухнул филин еле слышно…
(«Зимняя ночь»)

* * *

Одинокая толпа –
Пауки в стеклянной банке –
Выворачивать должна
Наши души наизнанку.
Где здесь радость, где беда?
Взгляд – овцы, рассудок – бычий.
Каждый каждому всегда –
Или – враг, или – добыча.
Лбов недумающих гладь,
Скука – спереди и сзади…
Есть ли смысл чего-то ждать
Мне от ближних в этом стаде…
(«Одиночество»)

Ну как? По-моему, очень неплохо. И захотелось поговорить с автором. Им оказалась **Сабира ИСРАПИЛОВА**, работающая в журналистике и никогда и нигде не напечатавшая ни одной своей стихотворной строчки. И даже не помышлявшая об этом. Стихи она писала для себя, так сказать «в стол», под влиянием минуты, стараясь выразить то невыразимое, что порой нахлынет неожиданно. Но почему ни разу не предложила свои стихи какому-либо изданию? С этого и началась наша беседа. А первый мой вопрос был таким:

– Как вы относитесь к людям, свои творения издающим, когда, скорее всего, есть смысл повременить с их публикацией?

– Так же, как и Антон Павлович Чехов, считавший постыдным не само по себе писание «недоношенных стихов», а их опрометчивое обнародование. Дело, наверное, в том, что эти люди, относятся к своим стихам или прозе столь же восторженно, как к собственным детям. Малейшие попытки указать на то, что человечество знало произведения и несколько лучшие по качеству, воспринимаются ими как тяжелое личное оскорбление. Бороться с любовью таких авторов к своим опусам – все равно, что биться головой об стенку. И чем они бездарнее, тем выше ценят свои творения.

– Не в этом ли причина вашего нежелания издавать свои стихи? А, может, есть и другие?

– В какой-то мере, безусловно, и в этом. Но не только. Мое отношение к качеству своих стихов зависит от того, с чьими работами я их сравниваю. Если, к примеру, я буду ставить свои вещи рядом с тем, что оставили нам Омар Хайям, Франсуа Вийон, Роберт Бернс, Шарль Бодлер, Александр Блок и Сергей Есенин, с выходом на читателя мне лучше не торопиться. Если же я ориентируюсь на то, что печатают наши молодые и далеко уже немолодые поэты на страницах наших газет и журналов, это придает мне бодрости и уважения к своим поэтическим безделушкам. Поверьте, я не кокетничаю.

– Выходит, печатание стихов сегодняшних молодых, и не только молодых, разных дагестанских литераторов подпадает под чеховское определение постыдного?

– Могу судить лишь о том, что выходит на русском языке, хотя, слушая устные выступления на «русском» (как им кажется) многих наших литераторов, начинаю сомневаться в том, что такие ораторы, бессильные вразумительно связать в предложение пару слов, способны написать нормальные стихи на родном языке. Дело ведь не в том, как они говорят по-русски, но в том, какую околесицу они при этом несут! Читать их «стихи» (подстрочники в непричесанном переводчиками виде) – поистине ужасное занятие. Такое впечатление, что мало кто из них

вообще окончил среднюю школу, преподавание в которой ведется как будто на русском языке. Подчеркну еще раз: дело не в плохом владении русским, беда в полнейшем отсутствии хотя бы какого-то подобия достойных внимания читателя мыслей. Не хотелось бы думать, что творения некоторых наших литераторов звучат на родных языках так же убого, столь же косноязычны и бестолковы, как их выступления слышатся на русском. Молодые все же несколько лучше владеют русским (правда, в ущерб родному, но это уже – другой разговор), освоили некоторые основы техники стихосложения. Думаю, что этого, чтобы стать поэтом, явно недостаточно, нужно еще это самое – от Бога! Оно же, к сожалению, за редким исключением, почти не просматривается… Правда, среди произведений молодых иногда попадаются очень даже неплохие стихи, самые неплохие, пожалуй, у Мариям Кабашиловой, думаю, у нее большое будущее. Есть еще несколько имен, но до Мариям они, по-моему, не дотягивают – копание в собственных туманных переживаниях и прочая тягомотина, интересная разве что только для самого автора…

– А как вы оцениваете нашу дагестанскую прозу?

– Думаю, что, по большому счету, у нас был всего только один настоящий писатель – прозаик Эффенди Капиев. То, что он был еще и прекрасным поэтом-переводчиком, журналистом, тонким знатоком фольклора, ярким публицистом, только лишний раз подчеркивает, кого потеряла республика в его лице. Из творчества дагестанских писателей могу отметить лишь великолепную книгу покойного Расула Гамзатова «Мой Дагестан» и превосходную прозу Магомед-Расула. Кажется все, по-моему…

– Как вы находите дагестанскую литературную критику?

– Никак! Ее просто нет, одни заказные песнопения. Никто не хочет никого обижать, то есть – не хочет говорить правду. Даже покойный Расул Гамзатов, уж на что человек добродушный и терпеливый, и тот был вынужден признать полное отсутствие у нас настоящей литературной критики – профессиональной, умной, жесткой, но – доброжелательной.

– Насколько удачными кажутся вам переводы произведений дагестанских поэтов на русский язык?

– Боюсь, мой ответ может прозвучать, как попытка соригинальничать, но по переводам я могу судить лишь о поэтическом таланте переводчика, а не о содержании переведенного им подстрочника, который я, как и другие читатели, в глаза не видела. Показательно, что в одном, можно сказать, единственном случае, когда на суд читателя были совместно представлены в журнале «Дагестан» и сам подстрочник, и его перевод в исполнении нескольких авторов – разгорелся такой балаган, что до самого перевода никому, кажется, не было совершенно никакого дела. Задетые непомерные амбиции, уязвленное самолюбие, отнюдь не джентльменские выпады в адрес оппонентов – одним словом, все что угодно, кроме спокойного, взвешенного, уважительного профессионального разговора по существу. Думаю, что есть смысл публиковать одновременно и перевод и подстрочник (такие предложения делались, кстати, и раньше), а мы, читатели, тогда сами и решим: кто – подлинный поэт, а кто, извините, отпетый шаромыжник. Тогда, почти по Петру Великому – «дурь каждого всякому видна будет». Мне не однажды приходилось говорить с ценителями поэзии, представляющими разные народности нашей республики, теми, кто сами стихов не пишут, что дает основание рассчитывать на их относительную объективность. И каждый (!) из опрошенных назвал одного, от силы – двух настоящих поэтов на своем языке, всех остальных безоговорочно включая в разряд графоманов. Хороших поэтов набралось на всю республику человек десять–двенадцать, или около того. Но апломба в любом из остальных – выше крыши. Только один из них на прямой вопрос – зачем он пишет такие бездарные стихи, честно ответил, что ничего другого делать не умеет, а жить и кормиться ему как-то надо.

– Считаете ли вы, что талантливый поэт обязательно должен быть еще и образцовым гражданином, несгибаемым борцом за правду – бить в набат, звать народ на баррикады и прочее?

– Людям хочется, чтобы все было именно так, по-геройски, а если образы национальных поэтов не всегда отвечают таким стандартам (Роберт Бернс, Шандор Петефи, Александр Пушкин, Михаил Лермонтов), недостающие «героические» штрихи просто дорисовываются, щедро и беззастенчиво. Когда же поэт во имя счастья народа и вправду идет на баррикады, конец его, как правило, известен заранее… Хотя, надо признать, портреты властителей дум редко бывают однотонными. Даже самые «крамольные» стихотворения Александра Пушкина вполне мирно уживались с такими его поэтическими посвящениями царю, что даже сам Николай I рекомендовал воздержаться от их публикации – настолько они были проникнуты верноподданническим духом. Бесспорно, приятно превозносить героев, будучи довольным и сытым, что создает некую иллюзию собственной причастности к их подвигам. Но, полагаю, лучше, если каждый занимается своим делом: поэт сочиняет стихи, воин совершает подвиги, земледелец выращивает хлеб… Вспомните дедушку Крылова: беда, коль сапоги… и далее.

– Что вы, автор стихов, но никогда не пытавшаяся их напечатать, думаете о страсти к сочинительству?

– Наверное, первым, кто заговорил стихами, был молодой влюбленный неандерталец, которого все племя считало немножко притрушенным. Отвергнутый той, к чьим мускулистым ногам он положил убитого им страшного вепря и цветную траву, сорванную на самом краю отвесной скалы, первобытный Ромео лег у входа в неприступную каменную расщелину своей Джульетты и хрипло продекламировал строчки, которые я вам прочитаю:

О, лебедь, свет в больших глазах которой
Похож на тот, что звезды с неба шлют,
Который для искателей упорных
Тепла не больше, чем они, дают.

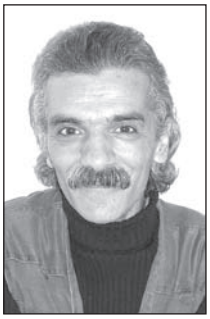
Прими скорей траву мою цветную,
И зверя поскорее забери.
И глаз своих усталых не сомкну я
До самой ранней утренней зари...

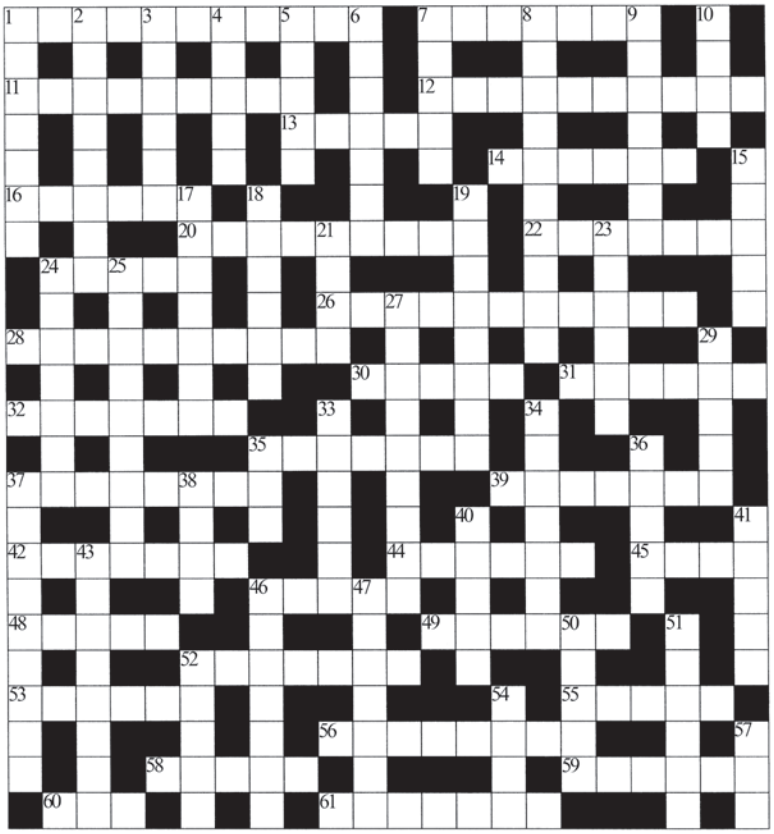
– или что-то в этом неандертальском духе. Предполагаю, что первобытную Джульетту, в конце концов, очаровал не вепрь, коего она за неделю умяла, а неандертальские стихи ее обожателя, и дикие орхидеи, с риском для жизни сорванные им на краю бездны. Думаю, что с тех самых пор «девушкам поэты любы». Поэт (я имею в виду не всех, кто пишет стихи, а только тех, кого еще и читают!) – это тот, кого отметил Бог; кто умеет видеть то, что для остальных «временем сокрыто». Любой талант, в том числе и поэтический – это подарок (или наказание) Творца, страшно дорогой, а посему и невероятно редкий…

Беседовал Муслим МАГОМЕДОВ

КРОССВОРД

от Гаджи-Курбана Расулова





ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Приверженец ислама. **7.** Высокая башня при мечети. **11.** Народный поэт Дагестана. **12.** Государственная форма правления в Дагестане. **13.** Овечье стадо. **14.** Провозвестник и истолкователь воли божества. **16.** Острослов. **20.** Суннет. **22.** Переход альпиниста по маршруту нескольких вершин. **24.** Имя одной из жен пророка Мухаммеда. **26.** Без нее дагестанцу в Москве не обойтись. **28.** Особенности характера, душевный склад. **30.** Внезапное чувство страха. **31.** Неповторимый, единственный в своем роде предмет, человек. **32.** Смысловой, выразительный оттенок чего-нибудь. **35.** Типографский прием, при котором первая буква абзаца выполняется большим размером. **37.** Рядом с ним построена махачкалинская «Санта Барбара». **39.** Вечная, неизменная первооснова всего существующего. **42.** Он нашел пристанище в махачкалинских саунах. **44.** Знаменитый цирковыми мастерами дагестанский аул. **45.** Герой лакского эпоса, повторивший подвиг Прометея. **46.** Восточный духовой музыкальный инструмент. **48.** Священный город мусульман. **49.** Территория между Черным, Азовским и Каспийским морями. **52.** Группа вьючных животных, перевозящих грузы, людей. **53.** Христианский шайтан. **55.** Нестихотворная речь. **56.** Ее и повышают, и индексируют, но она все равно остается смешной. **58.** Место для торговли. **59.** Новый год весной. **60.** Продукт обработки молока, что в Швейцарии, что в Дагестане. **61.** Главный дагестанский связист.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Длинношерстная овца с тонким белым руном. **2.** Народный праздник в честь окончания весенних полевых работ. **3.** Род балкона, углубленного в здание. **4.** Курорт в Дагестане. **5.** Большая рыболовная сеть. **6.** Представительница одной из дагестанских национальностей. **7.** Доисламское имя, в переводе с арабского означающее «желанный». **8.** Оборудование лаборатории, цеха. **9.** Дагестанец, президент российской корпорации «Авиация». **10.** Упрямая вещь, против которой не попрешь. **15.** Весенний праздник воскресения Христа. **17.** Непопулярная в Дагестане жесткая мужская шляпа. **18.** Один из хитов Земфиры. **19.** Особенности строения твердого вещества. **21.** Яркое освещение горизонта. **23.** Особенности произношения. **24.** «Белобородый» в переводе на тюркский язык. **25.** Председатель Счетной палаты Дагестана. **27.** Караван-сарай по своей сути. **29.** Старинная сталь для клинков. **33.** Обращенная к глазу часть бинокля. **34.** Жареный в масле плоский пирожок. **35.** Титул знати в Дагестане. **36.** Наименование бога в исламе. **37.** Один из председателей Совнаркома ДАССР. **38.** Титул верховного правителя у мусульман. **40.** Пастух, чабан. **41.** Горный дикий баран. **43.** Районный центр Азербайджана, населенный преимущественно аварцами. **46.** Женское имя, в переводе с арабского означающее «остроумие, изящество». **47.** Река, образующая знаменитый водопад. **50.** Божество огня у лезгин. **51.** Титул министров и высших сановников в мусульманских странах. **52.** Котел с выпуклым, полусферическим дном. **54.** Жировое отложение в теле животного. 57. Кушанье из мелких кусочков мяса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 2 (17) 2005 г.

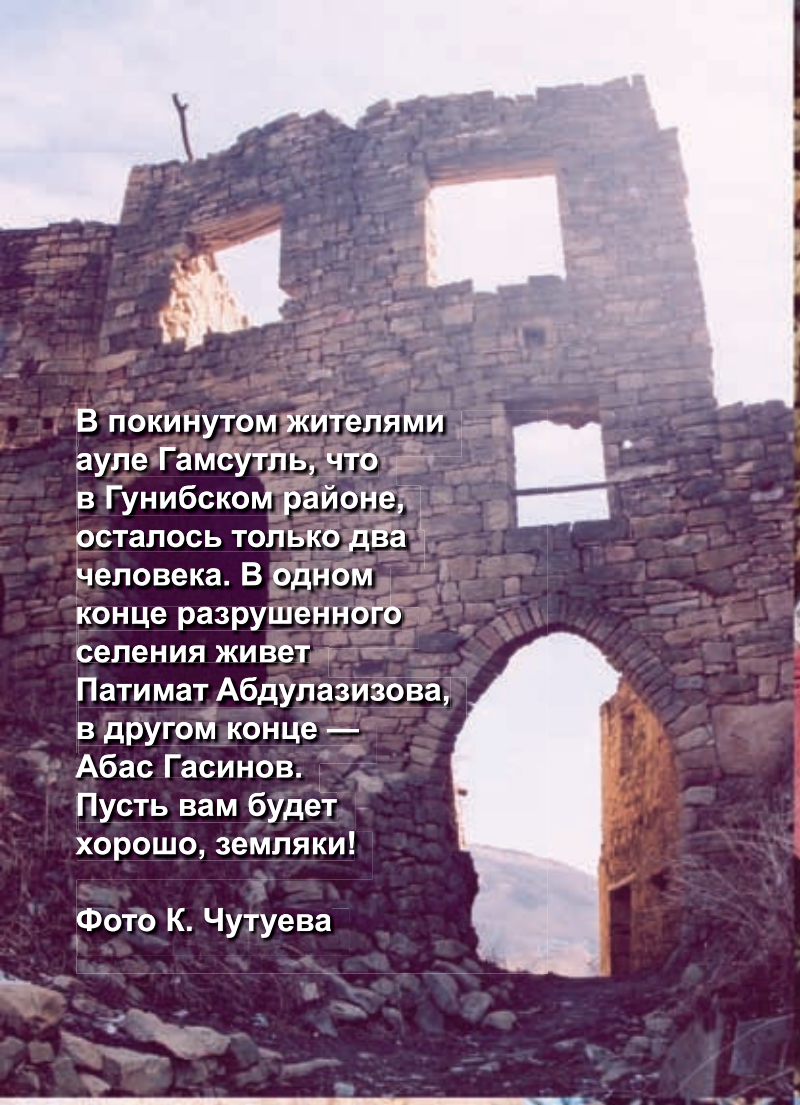
По горизонтали: 1. Нурадилов. 5. Манаскент. 11. Цахур. 13. Лермонтов. 14. Агабабов. 15. Председатель. 18. Иран. 21. Ковбой. 23. «Нур». 24. Редуктор. 26. «Замана». 28. Азербайджан. 30. Орел. 31. Абакаров. 33. Окот. 35. Тур. 37. Поклажа. 39. Узор. 40. Османов. 41. Аджика. 43. Воин. 44. Опера. 48. Манаров. 50. Хаметова. 53. Авшалумова. 54. Акинак. 56. Страда. 59. Ирганай. 60. Агаев. 61. Улем. 62. Алиев. 63. Ашур. 64. Аджи. 65. Тар.

По вертикали: 1. Нуцал. 2. Дирхем. 3. Оберег. 4. Трость. 6. Айва. 7. Актау. 8. Камалов. 10. Стальский. 12. Хаппалаев. 16. «Орота». 17. Айгази. 18. Израилов. 19. Крайновка. 20. «Дружба». 22. Браслет. 23. «Набег». 25. Дандамаева. 27. Агроном. 29. «Аризона». 32. Воронка. 34. Орджоникидзе. 36. Удой. 38. Акаев. 42. Курага. 44. Овца. 45. Мечеть. 46. Посланник. 47. Гамзатова. 48. Мусаясул. 49. Агулы. 51. Халпама. 52. Доного. 55. Куруш. 57. Тавр. 58. Вера.

Картины художниц Северного Кавказа с выставки, открывшейся в мае в Дагестанском музее изобразительных искусств.

Марина Ордынская (г. Ростов), «Танаиты».

Наталья Абаева (г. Владикавказ), «Материнство».



В покинутом жителями ауле Гамсутль, что в Гунибском районе, осталось только два человека. В одном конце разрушенного селения живет Патимат Абдулазизова, в другом конце — Абас Гасинов. Пусть вам будет хорошо, земляки!

Фото К. Чутуева